

Татяна Латукова

Привидение на просеке

Ведьма 0.5

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-3
ББК 84-4
Л27

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Латукова Татьяна

Л27 Привидение на просеке : Ведьма 0.5 / Татьяна Латукова. —
[б. м.] : Издательские решения, 2019. — 370 с.
ISBN 978-5-4496-6385-6

В сонное Лукогорье приезжает юная сиделка, и деревню захлестывает череда происшествий. Связана ли страшная находка в овраге с пропажами деревенских девушек? Смогут ли приезжие эксперты разгадать тайны давно исчезнувшей княжны? Древние легенды оживают, новые злодейства будоражат умы, ниточки причинно-следственных связей переплетаются и запутываются. А там, где заканчиваются одни истории, начинаются другие.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4496-6385-6

© Татьяна Латукова, 2019
© Леонард Крылов, иллюстрации, 2019

Летний вечер

*Что ищут люди в одиночестве? Тишину
и забвение? Уныние и бесстрастность?
Или вот это тонкое чувство
кристальной ясности мира? Всё знать,
понимать, предвидеть и вместе с тем
остро воспринимать свою
ничтожность — это и есть то
откровение, за которым уходят
в пустыни отшельники?*

Жаркий день не обещал Петру Ивановичу ничего особенного. Выйдя из душного магазина, он медленно побрел в сторону станции метро, раздражаясь отсутствием автомобиля, неделю назад сданного в ремонт. В машине, создающей иллюзию уединения, было проще стряхнуть с себя наваждение сделок, переговоров, общения с тупыми покупателями и еще более тупыми продавцами.

Карьера Петра Ивановича дошла до некоторого максимума, прыгать выше было некуда. Можно было бы начать свое дело, но для этого нужно было залезать в долги, искать инвесторов, закапываться в бумаги и взваливать на себя ярмо ответственности. Зачем? Чтобы потом с утра до вечера понукать ленивое быдло, которому недосуг инструкцию к чайнику или утюгу прочитать? И без того жизнь вполне себе удалась.

Тёплый вечер принес откуда-то тонкий аромат полевого раздолья, и нечто болезненное шевельнулось в душе Петра Ивановича. Воспоминание. О других вечерах.

О летних вечерах, полных запахов леса, цветов, и невероятной свободы. Тогда время казалось бесконечным, а жизнь — прекрасной и счастливой...

Острая вонь автомобильного выхлопа, ударившая в ноздри, расставила всё по своим местам. Город не хотел отпускать своего раба ни на мгновение. Выдохнув, Пётр Иванович влился в людской ручеек, стремящийся прорваться к большому потоку спешащих в подземку горожан. Но где-то в космосе на сегодня была запланирована одна особая встреча.

— Петька!! Петюныч! Петюха!

Пётр Иванович оглянулся и оказался в крепких объятиях высокого загорелого мужчины. Изумленно взглядевшись в широкие скулы и заросший недельной щетиной волевой подбородок, Петька с трудом признал в незнакомце давно позабытого друга детства.

— Сашок... — Пробормотал он, скорее констатируя себе, что не ошибся, чем обращаясь к старому знакомому.

— Ну ты и откормился, брат, еле признал тебя. Пойдем, посидим где, тяпнем по соточке, поговорим.

— У меня работа...

— Да не волк твоя работа, в лес не убежит. Такая встреча! Не гневить же судьбу?

— Ну, пойдём...

Нелепые откровения, братания навек, слезливая ностальгия по поводу безвозвратно ушедшего времени — мегагород привычно перемалывал миллионы судеб. Почти пустой ночной клуб радушно принимал всех, создавая иллюзию душевного комфорта, в котором так тянет на признания и высокие слова.

Сашок болтал без умолку, бестолково перескакивая с темы на тему и торопясь похвастаться своими успехами. У него был свой магазинчик стройматериалов где-то за кольцом, на большой трассе. Торговля кирпичами и досками позволила ему отстроить дом неподалеку

от самого магазинчика. Не так давно Сашок женился на одной из местных красавиц, и вскоре должен был стать отцом, и вроде бы мальчика.

Пётр Иванович вяло, но веско козырял фамилиями знаменитостей, которые лично у него покупали кофе-машины и холодильники для баров. Квартирный вопрос Пётр решил благодаря матери, вовремя подсуетившейся и уболтавшей свекровь на то, чтобы её квартирка досталась внучку. В личной жизни у Петра Ивановича всё было шатко, девушки охотно заводили с ним знакомство, но быстро исчезали, каждый раз с новыми и глупыми претензиями. Но он, конечно, озвучил приятелю версию о том, что никак не может определиться с тем, какую из трёх влюбленных в него королев красоты выбрать в жёны.

Всё это было обычной пустой болтовней, и по мере накачивания алкоголем обоим мужчинам становилось всё тяжелее и ленивее дополнять житейские факты флёрром успеха и процветания. Разговор замедлился и перескочил на общих знакомых. Точнее, на тех, чьи имена были смутно знакомы Петру Ивановичу, но не заговори о них Сашок, он бы, пожалуй, и не вспомнил, откуда их знает.

Динка играет на сцене столичного театра. Толя строчит статьи в научные журналы. Ярослава уехала конструировать светящихся зверьков за океан. Борька не получил нового звания, зато сделал серию фотографий жучков-паучков и отхватил приз известного журнала...

Петька кивал и поддакивал другу детства, вдруг ощутив холодную тяжесть имени, которое неизбежно должен был произнести Сашок. Имя ускользало, и в то же время вспыхивало в сознании яркими неоновыми буквами. Петька давно излечился от власти этих букв, и всё же не мог оставаться к ним равнодушным.

После паузы Сашок с надрывом в голосе выдал:

— А помнишь Рину?

Водоворот мыслей и воспоминаний засосал Петра Ивановича в полузабытое прошлое. И выкинул в терпкие, сладкие, кружащие голову вечера. Перед глазами поплыли яркие и бессвязные картинки лета...

Лета под знаком ведьмы.

Часть 1

1. Дорога в Лукогорье

*Пишу тебе бесконечное письмо в никуда.
Мне хочется с тобой поспорить. Хочется
тебя увидеть. И хочется,
чтобы ты когда-нибудь узнал об этом.
Я не гордячка, Север. Совсем нет.*

Петька увидел Рину самым первым. Ещё на остановке автовокзала. Стройная девчонка в простом платье с небольшой джинсовой сумкой через плечо стояла возле лавочки и читала какой-то толстый фолиант. Книга была очевидно тяжёлой и неудобной, но девчонка не обращала на это внимания, лишь время от времени меняя руку, которой держала книгу.

Петька забыл о девчонке через полсекунды, как забываются все такие нечаянные встречи. Но в автобусе девчонка села рядом с Петькой. Оказалось, что она тоже едет в Лукогорье. Сама девчонка Петьку не заметила вовсе. Деловито затолкав сумку на полку, она плюхнулась в кресло и снова углубилась в чтение. Заглянув в текст книги, Петька решил, что девчонка — зануда и ботаничка. Мелкий текст и какие-то формулы наверняка относились к точным наукам.

Старый автобус тащился по пыльной загородной трассе, и Петька, равнодушно глаза в окно, начал прикидывать, чем же ему, такому взрослому и серьёзному пацану, заняться в глухой деревенской дыре.

Некогда Лукова Гора была процветающим помещьем, по слухам приносившим князю Дмитрию Петровичу Лукогорскому несметные барыши, на которые тот закатывал дорожные вечеринки с фейерверками в столицах. Князь был доверенным лицом императора Александра Первого, исполнял какие-то секретные миссии в Европе, изрядно отличился в войне с Наполеоном. Но восстание декабристов загнало Лукогорского в эмиграцию. Сам князь не участвовал в восстании, и, в общем, даже не разделял идей заговорщиков, но ухитрился резко выразиться по поводу казни декабристов и попал в немилость нового императора Николая.

Проведя в Европе почти два десятилетия, Дмитрий Петрович скоропостижно скончался во Франции, оставив после себя изрядный бардак в делах. Тяжба за земли, поместья и особняки Лукогорского продлилась ещё пару десятков лет, и за это время поместье совсем обеднело. Отмена крепостного права лишила Лукогорье людей, массово рванувших в златоглавую столицу, к денежным карьерам дворников и горничных. А новый большой тракт, проложенный в самом начале двадцатого века в обход возвышенности, собственно и именуемой горой Луковой, оставил село и без скудных доходов от постоянных дворов и разной мелкой придорожной торговли.

В начале двадцать первого века Лукогорье жило в несколько десятков дворов, хозяйничали в которых старики и старухи, не желающие сниматься с обжитых мест. В деревне оставалось несколько фермерских семей, которым не было резона уезжать от земли-кормилицы, и некоторое количество людей, по привычке тянущих лямку деревенского бытия. На лето население села выростало раза в три-четыре за счет приезжающих родственников, но в целом это не меняло картину обреченности Луковой Горы.

Некоторые надежды затеплились у сельчан с началом

мощной застройки на лугу под горой, на землях разорившегося и выкупленного неизвестными столичными дельцами колхоза. Выросшие кирпичные монстры казались признаком новой жизни села. Но, увы, из двух десятков особняков до жилого состояния было доведено только пять, да и в тех обособленно жили нелюдимые и сплошь нерусские сторожа. А изредка наезжающие хозяева кирпичных монстров быстро составили о себе дурную славу — полным наплевательством на лукогорцев и их проблемы.

Петька ехал к родной тётке Оле. По настоянию родителей Ольга получила диплом экономиста, после чего вернулась в родную деревню и вышла замуж за первого парня на деревне — гармониста и забияку Семёна Сорокина. Родив ему трех сынишек подряд, Ольга зажила абсолютно счастливо и беспроблемно. Потребности «культурных жителей столицы» вроде походов в театры и посещений музеев она воспринимала с иронией, а материальные ценности рассматривала с точки зрения их целесообразности. Дом Ольга с Семёном срубили новый — большой и удобный, с достаточным комфортом. Детишки росли, росли, да незаметно и выросли — один другого здоровее и краше. Родная земля кормила вдоволь — так чего ещё желать?

Петькина мама Серафима относилась к сестре снисходительно, с высоты «образованного интеллигентного человека», но считала очень удобным то обстоятельство, что можно в любой момент спихнуть единственного отпрыска деревенской родне. Ольга относилась к ежегодным прибытиям Петьки примерно так же, как к таянию снега весной. Каждое его появление Ольга сопровождала ахами и вздохами, что «вот и Петюшенька приехал, надо бы банки перебрать, скоро пригодятся». Приезд племянника был своего рода приметой времени года.

Обычно Петька носился по полям и лесам вокруг Луковой горы, предоставленный исключительно самому себе. Пока он был маленьким, все деревенские развлечения вызывали у него искренний восторг, но теперь Петька полагал, что вырос из детских затей. Он смутно мечтал о подвигах, о путешествиях в неизведанные края и фантастические миры, и ему хотелось видеть рядом достойную команду сильных и крепких ребят. Мысль о том, что ему снова придется быть капитаном для Сашки и Толяна, не настраивала на подвиги. Скорее служила напоминанием: не забыть бы купить носовых платочков для этих хлюпиков.

Девчонка, пытаясь перевернуть страницу в фолианте, неловко повернула книгу и толкнула Петькину руку острым кончиком твёрдого переплета.

— Ой, извините, пожалуйста, я нечаянно. — В голосе было искреннее сожаление и раскаяние. — Простите, я совсем не хотела вам мешать.

Петька поморщился и, буркнув «ерунда», убрал руку с подлокотника. Девчонка закрыла книгу, неловко пристроила её на колени и уставилась в окно.

Ветерок из люка в потолке мягко теребил русые волосы девчонки, и прядки то открывали бледную шею девчонки, то прятали её. Петьку почему-то взволновало это нехитрое зрелище. Он искоса посмотрел на соседку внимательнее. Она заметила его взгляд и улыбнулась ему. Светло, широко и доверчиво.

Петька смутился, но девчонка не отвернулась и не начала кривляться, как это делали задаваки в школе, а просто протянула ему руку:

— Меня зовут Рина. Полностью Марина, но я к сокращённому варианту больше привыкла.

Немного оторопев, Петька несмело коснулся девчачьей ладошки. Разве девчонки знакомятся в автобусе?

С первым встречным?

Рина снова улыбнулась, и Петька торопливо ответил:

— Пётр. Пётр Рясков.

— Очень приятно.

Серые глаза девчонки вспыхнули искорками радости, и мир вдруг показался Петьке светлым и прекрасным.

Автобус затормозил и высадил Петьку и Рину на шоссе у поворота. До Лукогорья оставалось пройти ещё семь километров.

Петька дороги не заметил. Узнав, что Рина не бывала в Лукогорье, он начал рассказывать ей о деревне. Девчонка слушала его с таким интересом, что он постепенно увлёкся до того, что начал выбалтывать абсолютно все деревенские слухи и сплетни. Но Рина не останавливала его, даже когда Петьку явно занесло с пересказом сказок старой Глаши, или когда он начал разглагольствовать о слухах насчет матери Женьки. Рина впитывала все эти истории, тщетно пытаясь запомнить, кто на ком когда женился, и кто у кого (и от кого) когда родился.

Лукогорье, как и многие другие деревни, состояло из одной центральной улицы с несколькими боковыми ответвлениями. Когда Петька прошёл почти половину деревни, он сообразил задать Рине простой вопрос:

— А ты к кому приехала? Тебе в какой дом?

— Мне к Петру Борисовичу Кашкину. Дом номер восемь где-то в новом районе. Надо с горы спуститься и в третьи ворота позвонить.

Петька и удивился, и немного испугался. Симпатичная девчонка собиралась отправиться на съедение к ужасному Кашею. Может, её обманула какая-нибудь злая колдунья? Или она приходится внучкой противному старикашке? Петька представил себе, как Рина обнимает костлявого ворчуна, и ему стало неприятно от этой мысли. Но он всё же предложил:

— Я вон в том большом доме на углу буду жить. У Со-рокиных. Сегодня меня откармливать будут, а завтра я абсолютно свободен. Заходи. Махнём к Чёрному оврагу. Или на Белое озеро сбегаем.

В светло-серых глазах промелькнула грусть:

— Спасибо, Петька. Но я на работу приехала. Мне некогда по оврагам бегать будет.

Рина уже скрылась на большой деревянной лестнице, ведущей с крутого угора вниз, к кирпичным особнякам за высокими заборами. А Петька всё ещё смотрел ей вслед. Слово «работа» казалось ему враждебным и непонятным. Какая такая работа?

2. Друзья капитана

*Грустно возвращаться туда, откуда
вроде бы безвозвратно унесло тебя время.
Было спокойно. Пусто. Мир был полон
нежных звуков. И лишь шарканье Яроша
напоминало мне о людях. Но вот старый
дом ожил, в нём заструился горячий
воздух, в его щели проникли звуки речи,
в его кухне воскресли горелые запахи.
Надо бы всплакнуть от умиления.
А я не умею плакать.
Интересно, где я припрятала сокровище?
Все мои сокровища — берёзовые веники
в кладовке.*

Тётка всплеснула руками, заохала, захопотала, и первый день приезда Петьки в деревню оказался ровно

таким же, как и все предыдущие дни встречи с родственниками. Но следующим же утром Петька продолжил традиции деревенского отдыха и отправился к друзьям по летним каникулам.

Компании мальчишек и девчонок Лукогорья составлялись каждое лето из приезжей ребятни. Парни постарше делились на «мушкетеров» и «пиратов», но Петьку в их сражения не брали. Ребятни года на два-три младше тоже было в избытке, но возиться с ними уже самому Петьке было неинтересно. В команде Петьки по стечению вероятностей неизменно оказывалось лишь двое сверстников.

Долговязого и нескладного Сашу Лучинкина Петька мысленно называл «буратино», а неуклюжему тугодуму Толян Отапину как нельзя лучше подходило определение «страшила». Слабая надежда, что друзья подтянулись и изменились за девять месяцев разлуки, растаяли за пару секунд. Оглядев друзей, Петька только вздохнул. Как с такими недотёпами покорять океаны и космические дали?

Новости друзей и вовсе повергли Петьку в уныние. Толян собирался летний отдых посвятить... физике. Сашок свысока сообщил, что его мать-художница собирается выйти замуж за какого-то иностранца. И теперь хочешь, не хочешь, а придётся ему выучить тьму неправильных глаголов. Блаженное летнее безделье, представлявшееся Петьке одним сплошным цветным праздником, грозило обернуться разговорами о формулах и зубрёжке.

Капитану пришлось включить всё своё красноречие, чтобы получить согласие команды на участие в первом приключении. Плотина в узком месте Синего ручья должна была повернуть водный поток в разлом Чёрного оврага. Идея не блистала свежестью, поскольку периодически обсуждалась разными детскими компаниями.

Но какая разница, кто первым сказал, куда важнее, кто первым сделал.

Три пацана могут быть мощной силой изменений в мире, и взрослым хорошо бы присматривать за тем, что именно строят юные капитаны в соседнем лесочке. Но Лукогорье находилось слишком далеко от тех центров цивилизации, которые насмотрелись на последствия таких строек. И никто не обратил на возню ребятишек никакого внимания.

3. Братишка

Сегодня на повестке дня:

- 1. Справедливость. 2. Всё поделить.*
- 3. Стихи о светлом восхождении в иной мир ради счастья отечества... Бедное наше отечество, и все-то к нему со своим счастьем. А уж что в небесах творится... Очередь огромная у ворот стоит.*

За строительными работами Петька подзабыл о новой знакомой. Но обрадовался, когда очередным утром увидел Рину, спешащую в магазин. Девчонка шла легко и быстро, словно чуть пританцовывая. В руке у неё была пустая хозяйственная сумка, оттянутая кошельком. Петька двинулся навстречу с тем расчетом, чтобы случайно столкнуться с Риной у входа в магазин. Однако оказалось, что её заметил не только Петька.

С покосившейся лавочки, испокон веков стоящей под забором старой Ильинишны, поднялся небритый мужик в помятом пиджаке, надетом прямо на грязную

майку. Перегородив дорогу девчонке и чуть покачиваясь, алкаш стянул с головы заношенную кепку, и, заплетаясь в собственной речи, изрек:

— А хто-е-ето у-ун-а-ас здесь-а та-а-кая цаца?

Петька не узнал пьянчугу. Он знал всех жителей и гостей Лукогорья, но не имел ни малейшего представления, кто этот тип, приставший к Рине. Это и озадачивало, и пугало.

Мужик сделал шаг к девушке, и в этом движении чувствовалась агрессия. Ситуация стремительно становилась опасной.

— Я не цаца. Я ведьма. — Спокойно и с доброжелательной улыбкой сказала Рина.

— А па-азволь-ти адин ма-алю-сень-кий па-це-луй.

— Позволю, когда ты будешь трезвым.

Петьку словно приморозило к месту. Неужели девчонка не понимает, что ей надо бежать? Зачем она так равнодушно отвечает этому пьяному кретину?

— Ишь ты, гадёныш. Опять при скандале.

Раздавшееся сзади причитание старухи Шершовой Петьку обрадовало. Вот сейчас самая ехидная и неукротимая бабка Лукогорья поставит распоясавшегося гуляку на место. Но Шершовка только оперлась на клюку, заняв место для наблюдения.

— А кто это? — Решился спросить у старухи Петька.

Не повернув головы, Шершова с нажимом выложила:

— Убийца это. Гришаня Маслов. Зимой с зоны вернулся.

Петька в недоумении уставился на мужика. Убийца? Настоящий?

— Ах, ты, хос-пи-и-ди-и, ка-а-кая ва-а-жная, — протянул Гришаня.

Рина невозмутимо попросила:

— Дай пройти. Мне в магазин надо.

Девчонка явно не читала детективов. Кто же так

с убийцами разговаривает?

Гришаня, вопреки всем опасениям Петьки, послушно посторонился, освобождая Рине дорогу к магазину. Но едва она прошла мимо, как он выдал несколько отвратительных нецензурных ругательств.

Сделав пару шагов, Рина обернулась и ответила ему тем же. Мелодичный голосок уверенно выговорил все этажи и переплёты мата, шокируя откровенностью и витиеватостью оборотов. И насмешливый серый взгляд смешал Гришку с дорожной пылью.

Для Петки смысл сказанного сразу потерялся, но Гриша отлично понял собеседницу. После минутной паузы он уже нормальным голосом и без кривляний коротко спросил:

— Батя? Братишка?

— Сожитель.

— Мала ты ещё для этих дел.

Рина чуть пожала плечами:

— Не так уж мала, да и успела.

По лицу Гришки пробежало облачко сомнения, но потом он картинно поклонился и представился:

— Ну, ты это, прости, сестрёнка. Не хотел обидеть. Гришаня я. Живу здесь. Увидел залётную птичку. Вот и потянуло на глупости.

— Я — Рина. Я новая сиделка у Петра Борисовича. Он внизу в доме с башенкой живет. Будем знакомы.

Девушка улыбнулась и протянула убийце свою маленькую руку. Гриша легко пожал узкую ладонь. Рина помахала ему на прощание и нырнула в магазин.

— Вот же напасть на наши головы. — Недовольно пробубнила Шершова.

— Да уж, таких лучше бы и не выпускали никогда. — Рискнул честно высказать свое мнение Петька.

Исподлобья оглядев мальчишку, старуха пояснила:

— Принесли черти ведьму. Хорошего не жди.

Резкие слова почему-то обидели Петьку, но он не решился на глазах Шершовой подойти к Рине, когда та выпорхнула из магазина. Приветливо улыбнувшись старухе, девчонка потащила увесистую сумку к дому Кашея.

4. Как усадьба стала пустошью

Колхозное собрание обошлось без сказочного явления прекрасной девицы Белолицы. Но девица сделала мне замечание. Правильно говорить «беллица». В нашем дремучем крае каждая сермяжная крестьянка запросто парларит по-итальянски. Да, представляешь, я хожу на собрания. И даже голосую за всё, что предлагает наш бравый пастушок. Безыдейный я кисель. Что поделать.

В субботу Петька, Сашок и Толян отправились на танцы. Деревенский клуб сгорел ещё в благополучные семидесятые, и у лукогорцев сложилась привычка в ясные вечера выходных дней собираться на красивой опушке недалеко от реки. Получалось что-то среднее между дискотекой, пикником и салоном светского общения. Лукогорские музыканты притаскивали гитары-баяны, обеспечивая звуковое оформление сборища. И все, кому было не лень преодолеть путь от села до лужайки, могли попрыгать под музыку. Или пошептаться в тени старых берёз.

Приятной неожиданностью для Петьки и его команды стал переход из категории «мелкоты» на уровень «мо-

лодѣжи». Завсегдатай деревенских вечеринок Жорка Верхин протянул троице по бутылке пива и сообщил, что в следующий раз неплохо бы и им самим постараться как в качестве спонсоров веселья, так и в качестве тягловой силы, доставляющей еду и напитки на опушку.

Терпкий аромат первых цветущих трав кружил голову, бессвязные мелодии, издаваемые расстроенными струнами, не заглушали звуков ночного леса, бархатная вечерняя зоря перебирала все оттенки жёлтого и красного. Петька танцевал и болтал о чём-то важном, пел и отдыхал, валялся на траве и упивался распирающим чувством свободы. В какой-то момент он заметил Рину, сидящую в стороне от общей компании.

Твёрдо веря, что мир начал поворачиваться к нему своими лучшими сторонами, Петька подошёл и, немного важничая, спросил:

— Почему не танцуешь?

Рина пожала плечами и чуть ехидно ответила:

— Стесняюсь. Я же новенькая.

Петька решительно махнул рукой:

— Брось, здесь все свои. Давай, я тебя со всеми познакомлю. Я всех знаю. И меня все знают.

Девчонка встала и улыбнулась:

— Темнеет уже. Домой пора.

— Пошли вместе.

Рина на ходу разглядывала всё вокруг, то задирая голову, то утыкаясь носом в придорожную траву. Петька не знал, о чём заговорить, и половина пути прошла в молчании. Но за мостом Рина собралась свернуть.

— Эй! Ты куда?

— Как куда? В деревню.

Петька, не веря собственным ушам, переспросил:

— Ты пойдёшь через пустошь?

Девчонка широко улыбнулась:

— А нельзя?

Петька принялся рассказывать историю барской усадьбы, и Рина волей-неволей пошла рядом с ним, по длинной дороге в обход проклятого места.

Усадьба Дмитрия Петровича Лукогорского была выстроена по всем канонам своего времени: барский дом с колоннами и портиком, два флигеля и некое подобие парка. Место для усадьбы князь выбрал сам — в стороне от деревни, но на возвышении, чтобы дом смотрел фасадом на речку. Неудачность этого выбора вскоре стала очевидна и лукогорцам, и самому Дмитрию Петровичу: если здания усадьбы выросли достаточно быстро и без особых проблем, то с дорогой к красивому барскому дому возникли серьёзные проблемы.

Поддерживать проложенную через лес дорогу в более-менее приличном состоянии оказалось затратной и бесполезной затеей. Любой дождь превращал дорогу в реку, и потоки воды смывали на своём пути всё, включая даже тяжёлые булыжники.

После отъезда князя за границу усадьба пришла в полную негодность. Венцы срубов сгнили, наспех сложенные фундаменты не выдержали испытаний русским климатом: один флигель рухнул сам по себе, а второй лукогорцы разобрали.

Старый барский дом от той же участи спас Николай Феоктистович Лукогорский. Благодаря протекции государя именно этому наследнику удалось выиграть долгие судебные тяжбы с кузенами и тётками. Прибыв вступить во владение поместьем, новоиспечённый князь оказался перед лицом разрухи и запустения. Энергично взявшись за дело наведения порядка, практичный Николай Феоктистович кардинально перестроил усадьбу, проложил к поместью другую дорогу, и даже собирался устроить неподалёку какое-нибудь прибыльное предприятие.

И быть бы Лукогорью каким-нибудь Кирпичеградом, вот только женатый князь внезапно влюбился.

Княгиня Аглая Севостьяновна Лукогорская предпочитала проводить время в столице, и помещьем не интересовалась. Князь, неизменно демонстрирующий всем уважение собственной супруги, большую часть года жил в деревне, и обычно расстраивался необходимостью появляться в столице. Счастливейшее семейство, да и только.

Но однажды, совершая конную прогулку вокруг собственных угодий, Николай Феоктистович повстречал двух всадниц. Юная графиня Дерлянская показывала свои земли соседке по пансиону Елене. И один взгляд кротких глаз Елены в мгновение изменил жизнь князя.

Елена не стала упрячиться и поменяла статус тихой компаньонки на роль любимой экономки. Обосновавшись в поместье князя Николая, она превратила дом и сад в уютное место для встреч с немолодым уже баринном. Какое-то время в Лукогорье царила идиллия, а потом шторм времени в очередной раз оставил от благоденствия Луковой горы лишь воспоминания.

Николай Феоктистович отбыл в дальние края по каким-то срочным делам. Дела разрослись, затянулись, и Аглая Севостьяновна решила навестить фамильное поместье. Проверить, как идут ближние дела. Елена была скромна и почтительна, никто из верных вассалов не стал болтать лишнего о князе и его возлюбленной, княгиня отбыла восвояси с улыбкой на лице и удовольствием в голосе, но...

На вторую ночь после отъезда Аглаи поместье сгорело.

Пожары были обыденной и привычной частью бытия Лукогорья. Дома горели, погорельцы или отстраивались заново, или отправлялись в скитания в поисках лучшей доли. Посудачив и повздыхав об очередном бедствии, лукогорцы забывали о нём. Но вот пожар барской усадьбы

стал мрачной легендой, не забытой и спустя столетие.

Один из конюхов Аглаи привёз в усадьбу несколько загадочных бочек с материалами для ремонта, однако никаких работ в усадьбе не велось, и куда делись эти бочки, осталось тайной. Другой конюх и одна из прислужниц Аглаи задержались в деревне после отъезда хозяйки, а потом вдруг исчезли. И хотя слова «поджог» лукогорцы из суеверия избегали, о «злой воле» заговорили, как только прошёл первый шок.

Усадебный дом вспыхнул разом, мгновенно, и горел совсем не так, как горят деревянные дома — постепенно напиваясь огнём, накаляясь. Дом Лукогорских охватило со всех сторон невиданным пламенем — белым, ярким, слепящим. В панике выбегая из домов, лукогорцы оказывались перед лицом зарева на полнеба. Спасти усадьбу никто и не пытался.

Крыша барского дома провалилась ещё до рассвета, к полудню яростный огонь полностью сожрал свою добычу, и хотя ветер гнал пожар через приусадебный сад на лес, старые берёзы устояли. Огонь облизал их корни, приласкал стволы, сморщил нежные зелёные листочки на кончиках трепетных веток, но сжечь великанш своей неистовой страстью не смог, и отступился, скукожился, потерялся в уже мёртвом чёрном саду.

Елену нашли под берёзами, ещё живую, но обречённую. Несчастная хрипела что-то о проклятьях, о вечности, о пустоте. Агония не затянулась надолго. А уже на следующий день народная молва разнесла слова покойницы по окрестностям. Горелая плешь на месте усадьбы Лукогорских стала «пустошью», навечно проклятым местом, куда не должна ступить нога человека.

Выслушав трагический финал истории, Рина усмехнулась и заметила:

— Нелогично. Если ты будешь мучительно умирать,

тебе будет важно проклясть место своей смерти? Не врага, не убийцу, а кусок почвы? Или ты всё же попытаешься сказать что-то о том, чего не успел сделать, передать что-то, о чём не успел предупредить?

— Не знаю. Я как-то не задумывался.

— Ты повторяешь то, что молва придумала. Но «проклятье» могло быть всего лишь «клятвой», «вечность» могли услышать вместо «венчания», а «пустотой» заменили «чистоту». Обобщив иной набор предсмертных хрипов, мы получим, что Елена не проклинала, а сожалела, что не успела повенчаться со своим любимым.

— Теперь этого не узнаешь.

— Это да. Но по пустоши ходят почти все лукогорцы, несколько не вспоминая о проклятии тогда, когда им надо срезать путь к большому мосту. И ничего страшного ни с кем не случилось. Так что проклятие — милое деревенское суеверие, и только.

Петька недоверчиво кивнул, не желая ввязываться в бесполезный спор. Рина быстро спросила:

— Скажи, а что стало с князем Николаем? Он вернулся? Он не мог не узнать о пожаре. Наверняка был управляющий или староста в деревне, ему должны были сообщить.

— Вроде бы он не вернулся. Но почему — не знаю.

— Кажется, я зря думала, что здесь скучнейшее место на земле. Спасибо за историю, Петька. Увидимся.

За разговорами Петька не заметил, что они с Риной оказались уже у дома Кашея. Монументальный забор вокруг участка выглядел устрашающе. Кирпичные столбы держали тяжёлые пролёты тёмного металла, а наклепленные кое-где кованые декоры производили отталкивающее впечатление.

Рина уверенно залезла на высокий деревянный чурбан, стоящий прямо у самого забора, и не успел Петька опомниться, как она, чуть подпрыгнув, ухватилась рука-

ми за идущую по верху забора балку. Легко подтянувшись, девчонка перемахнула через забор и исчезла.

Наутро Петька не утерпел и спросил у тётки:

— Тётъ Оль, а что стало с князем Николаем? Помнишь, старая Глаша про него рассказывала?

— Он жену свою застрелил и умер в тюрьме французской.

Семён оторвался от тарелки и опроверг слова жены:

— Не путай пацана. То из Сидакова граф был. Наш сам застрелился, в Италии, а жена его потом ещё замуж вышла, и новый муж её побоями заморил.

Подбоченившись и чуть прищурившись, Ольга парировала:

— Сам ты не путай. Это про Склочниковых история. И не в Италии дело было, а в Португалии, и не жену заморили, а дочку, и не побоями, а утками любовными.

— У Склочниковых не было дочки, а был сынок шалопаи, который женился на вдове Матвея Куликова, а вдова потом ещё раз вышла замуж. Была большая неразбериха, а вдову потом любовник пристрелил. И вот он-то и умер во французской тюрьме.

— Не то ты говоришь. Любовник умер от чахотки. И не в тюрьме, а на пароходе. А девица, которая увела его от вдовы, стала выступать в цирке, и вот тогда-то она и встретила Сидакова, который её потом застрелил...

Вздыхнув, Петька решил, что в текущий момент жизни ему наплевать на замысловатые судьбы аристократов планеты. Пусть хоть все перестреляются.

5. Ведьма в мастерской

*В деревне беспокойно. Взбесилась корова
башмачника. Вырвалась из хлева
и промчалась по деревне, как если бы
вообразила себя королевой развлечений
далёких южных стран. Но упражнений
с красными плащами не дождалась
и с досады разбилась-утопилась,
бросившись в замёрзшую реку.
Серьёзная потеря.*

Проведя несколько дней на полях вместе со Семёном, Петька изрядно умаялся, но был горд собой — дядька доверил ему трактор и даже позволил погонять на нём по просёлку между полями. Возвращаться к ежедневному безделью Петьке не хотелось, но Семён уехал куда-то в соседний район, и ничего не оставалось, как снова начать слоняться по деревне.

В середине дня Петька увидел Рину, но подойти к ней оказалось невозможным — рядом вышагивал Гришка. Петька обратил внимание на чуть покачивающуюся походку Маслова и брезгливо подумал, что этот отморозок снова пьян. Рину это, видимо, не смущало. Она улыбалась, и Гришка в ответ улыбался, будто хвастаясь дыркой от выбитого зуба.

Петька хотел было занять удобное место возле магазина, зная, что Рина пройдёт мимо, но на лавочке у тропинки к входу восседали четыре королевы Лукогорья: Старухи считали лавочку своим коллективным неприкосновенным тронem, и каждый человек, оказавшийся поблизости, подвергался пристальному разбору и нелестной критике. Этого собрания побаивались даже

Тихон и Михалыч, так что Петька решил остаться за кустами калины.

Рина направилась не в магазин, а к большому дому в глубине бокового переулка. Гришаня широким жестом распахнул перед девчонкой калитку, и Рина впорхнула внутрь. В глубине двора заскрипела тяжёлая дверь большого сарая, который на памяти Петьки всегда стоял запертым.

Старухи немедленно оживились.

Шершовка высказалась по обыкновению резко и грубо:

— Во как теперь принято. Среди бела дня пришла, да и нырь в сарай. Ни стыда, ни совести. Городская пигалица.

Ильинишна сердито возразила:

— Коли так открыто пришла, так и умысла на что дурное нет.

Эмма Вольц высокомерно выдала:

— Какие вымыслы? Тут все факты налицо.

— А Кашеева дочка и не знает, что сиделка по чужим дворам шастает.

— Пойди, расскажи ей. Глядишь, благодарности дождёшься. Приласкает тебя злыдня словом добрым. Смотри, в инфаркт от её любезностей не запрокинься.

Шершовка прервала это отступление от темы:

— Болтаете ерунду, а хоть бы кто сказал пигалице про Гришку. Ударит ему хмель в голову, будем потом стенать, что беду не почуяли, не отвели.

Глебовна спокойно пояснила:

— Я ей всё рассказала. Если хмель куда и ударит — её проблемы будут. Знала, на что шла.

Ильинишна снова вставила свои пять копеек:

— А Ксанка-то и не чует, что муженёк лыжи налево вострит. Вот и верь паразитам этим двуногим. Ведь могла бросить дурака этого, уж сколько говорили ей — разве-

дись, да живи свободно. Так нет, она его, видите ли, ждать будет. Дождалась, что и говорить.

Шершова, брызгая слюной, принялась чехвостить уже Ксанку:

— Что ж ей не ждть было? Сама-то нищая, а как Гришка сел, она домину к своим рукам прибрала, да в загул ушла. Уж кто только к ней не хаживал, и Ксанка ни перед кем двери не закрывала.

Петька вдруг сообразил, что красавица Ксанка Маслова приходится Гришке не кем-нибудь, а женой. Открытие поразило его явной несуразностью. Невозможно было даже представить себе Гришку и Ксанку вместе.

Глебовна одернула старую кошёлку чуть более строго:

— Что ж ей было, красивой да молодой, столько лет себе в земных радостях отказывать? Гришка сам дурак, полез в драку никчёмную, да обе жизни и сломал — и свою, и Ксанкину. Были парой на загляденье, а теперь что он — пьяная никчёмка, что она — душа пропадающая.

Шершова ядовито парировала:

— Не выставляла бы Ксанка красоту свою каждому встречному напоказ, не полез бы и Гришка в ту драку. Так что кто кому жизнь сломал — ещё вопрос. Гришка чай не на курорте прохлаждался. А Ксанка в его постели других привечала.

— А ты нешто свечку держала? Или у ворот сидела, мужиков считала?

— Не твоего ума дело.

Грубость Шершовки оборвала разговор. Но через некоторое время Эмма засуетилась:

— Ксанка, лентяйка такая, за кустами не следит. Всё заросло, ничего не видно. Что они там в мастерской делают-то?

— Мастерством занимаются.

— Железками любят.

— Умишками соревнуются.

Вскоре калитка вновь распахнулась, и Рита с трудом удержала её, позволяя Гришке вынести на улицу непонятную железную конструкцию.

Петька едва удержался от смешка, заметив, как все старухи разом вытянулись, чтобы рассмотреть, что же происходит.

Гришка поднял над головой конструкцию и вместе с Ритой направился к боковому спуску с угора.

Старухи забубнили все разом:

— Не вижу. Что тащит-то? Ой, девоньки, глаза плохие стали. Что там такое?

— Железяку прёт.

— Вроде не тяжёлая.

— Неужели у Кашея железяк не нашлось?

— Э-эх, а Гришка толковый парень был.

— Говорят, и на зоне слесарил.

— Может, подпереть чего Кашею приспичило?

— Да на что подпорка такая нужна?

Петьке стало скучно, и он отправился отрывать приятелей от их занятий.

Возвращаясь с реки, приятели наткнулись на удивительное зрелище. Престарелый Кашей вышагивал по улице в сложном железном каркасе, который поддерживал дряхлое тело, а заодно и ташил его вперёд, неторопливо поворачивая большие колёсики.

А в центре вечернего променада на угоре оказалась Ксанка, перегородившая дорогу Рине, только что загрузившей пару авосек в магазине:

— Эй, ты, сиделка! Ещё раз в сарае нашем тебя увижу — зашибу. Ясно?

Рина внимательно посмотрела на Ксанку, улыбнулась и простодушно призналась:

— Нет.

— Идиоткой не прикидывайся.

— А мне зачем прикидываться?

Лукавое замечание Рины заставило улыбнуться всех нечаянных свидетелей этого спонтанного выяснения отношений. Ксанка нахмурилась и сделала энергичный шаг вперёд.

Рина чуть отступила и быстро продолжила:

— Ты, Ксения, не сердись. Я по делам заходила. Гриша починил ходунки для Петра Борисовича. И отлично получилось. Так что твоему мужу спасибо огромное. Ну и бюджету твоему лишняя денежка ведь не помешает? Пётр Борисович не любит одалживаться, сразу заплатил за работу.

Красавица всплеснула руками:

— Ты дала Гришке денег?!

— А не надо было?

— Дура стоеросовая!

Вслед быстро убегавшей Ксанке Рина состроила уморительную гримаску. Валька и Алинка, пришедшие на угор вместе с Ксанкой, одарили ведьму сердитыми взглядами. Но другие лукогорцы оказались вполне довольны представлением.

6. Жизнь в сундуке

Сегодня вышел важный деревенский приказ: о запрете таких магических явлений, как порча и сглаз. Уж лучше бы стихи про отечество. От разговоров об идейной перековке болотной отшельницы в комсомолку у меня разболелась голова. Та ещё порча, как оказывается.

Над Лукогорьем неторопливо проплывал циклон, усердно заливая огороды и поля, а заодно превращая деревенских жителей в затворников собственных домов. Старушки время от времени собирались по двое-трое в магазине, но ненадолго, ибо ноги не казённые, а сидеть внутри торговой точки можно было только на паре кривых стульев.

Толян засел за учебники, Санёк принялся зубрить что-то своё, и торчать возле друзей Петьке не было никакого резона. Задачи из учебников он решал быстрее Толяна, а на маету Сашки не мог смотреть без хихиканья, что только раздражало друга.

Предоставленный самому себе Петька решил исследовать чердак дома тётки. Экспедиции на чердак он проводил каждый год и не по одному разу. Увы, с каждым разом шансы найти что-то новое и интересное таяли, и мрачноватое тёмное пространство, некогда казавшееся бесконечным, превратилось в хорошо знакомую тесную свалку барахла нескольких поколений.

Дождь приятно шуршал по крыше, электрический свет изгонял тени из чердачных углов, и Петька принялся проверять, на месте ли старые сокровища.

Центром чердака всегда являлся большой шкаф, поддерживающий стропила. Монументальный предмет мебели был сработан деревенскими плотниками в незапамятные времена, и, насколько Петька знал, в дом тётки шкаф был занесён как та вещь, которую нельзя выкинуть. Места в жилом интерьере шкафу не нашлось, и он занял своё почётное место чердачного колосса.

Начитавшись сказок, маленький Петька искал внутри шкафа проход в какой-нибудь волшебный мир, но кроме пыльных мешков с тряпьем так ничего и не нашёл. Ольга при случае упоминала, что мешках есть уникальные старые платья. Но Петька разумно полагал, что случись оказия, Ольга и не вспомнит, какие именно мешки хранят те платья, а ему самому ковыряться в тряпье не хотелось.

Часть чердака занимала гора коробок и корзинок, в которых были сложены всевозможные вещицы, ещё способные когда-нибудь пригодится. Запас этих потенциальных полезностей медленно рос, но не расходовался. Одно время Петьке нравилось перебирать загадочные штучки, назначение которых не всегда удавалось угадать, но теперь всё это представлялось просто хламом, который надо было бы отправить на свалку.

Под крышей там и сям торчали комки паутины и пыли, внутри которых прятались авиамодели, которыми некогда очень гордились двоюродные братья Петьки. Трогать хрупкие самолётики малышу Петьке категорически запрещалось, и теперь он время от времени ловил себя на мысли сбить какую-нибудь игрушку и сокрушить её. Вот только серые, унылые, потерявшие форму модели были так очевидно забыты, что крушение представлялось не актом вандализма, а ритуалом уважительного избавления от печальной участи ненужности.

В одном из углов чердака прятался ламповый телевизор. Петька однажды скрутил крышку, но был невероят-

но разочарован тем, что внутренности древности раску- рочил кто-то до него.

С двух сторон телевизор подпирали стопки журналов. Ольга старательно копила всю макулатуру, которая толь- ко попадала в её дом. Некоторые связки были аккурат- ными подборками по изданиям и годам. Но по большей части журналы были хаотичной смесью самых невероят- ных названий и лет.

Журналы заполняли и часть сундука. Расписной ящик с перекошенной и разошедшейся крышкой стоял за шкафом, и помимо периодики в нём хранились три иконы. Грязные липкие доски со специфическим запа- хом были завёрнуты в несколько слоёв газет, сложены в наволочку, и ещё раз обёрнуты полиэтиленовой плён- кой. Крест синей изоленты символизировал неруши- мость этой упаковки. На памяти Петьки последний раз иконы распаковывались так давно, что кроме самого факта распаковки он ничего и не помнил.

Крышка сундука подалась легко, но требовались си- лы удержать её. Бросив мимолётный взгляд внутрь, Петь- ка убедился, что всё осталось по-прежнему. Почти всё пространство сундука занимали тетрадки, конверты с письмами, отдельные записки и прочие свидетельства чьих-то жизней.

У Петьки не было желания копаться в сундуке, тем более что, как он наверняка знал по прошлым копаниям, ничего интересного в нём не было. Машинально перели- став лежащую сверху тетрадку, Петька выхватил взгля- дом обрывки сказок старой Глаши.

...бросила Берёзушка на топкую дорожку свою тонкую серёжку, проросли из семян дерева. Склонили дерева свои кроны, устлали болото зелёными веточками, прошла Берё- зушка через проклятые земли и волшебника Севера за собой вывела. Гналась за ними орда тёмных стражников, да

не догнала. Искала их свора злых псов, да не нашла. В сказочной стране стали Берёзушка и Север жить-поживать, знаний наживать...

Добрая волшебница Берёзушка была любимым персонажем Глаши. Она неизменно появлялась в критический момент, чтобы спасти несчастных сирот от злобных властелинов. Петька из этих сказок давно вырос, но вместе с тем инстинктивно чувствовал в них какую-то тайную мощь. В сказках Глаши хранилось нечто забытое, к чему следовало относиться уважительно.

...побрела чужестранка в тёмный лес, наткнулась на белое деревце, обняла его и заплакала. А Берёзушка ей и говорит: «Не плачь, сестрица Лукерьюшка. Я твоему горю помогу, от злодея спрячу, беду отведу». Взмахнула зелёной веточкой Берёзушка и укутала чужестранку в свой зелёный плащ. И стала чужестранка похожа на других девушек. Искал колдун чужестранку, да не нашёл. И стала с тех пор Лукерьюшка жить-поживать, горя не знать...

В детстве Петька был уверен, что сказки о Берёзушке также общеизвестны как истории о Золушке или Красной Шапочке. Когда он открыл, что сказки Глаши — глубоко лукогорский фольклор, это его немало озадачило, но потом он наткнулся на сидаковские былины про Кысю-Рысю, и понял, что своих сказок везде хватает.

...засохла трава, потрескалась земля. Скрючилось белое деревце, растеряло листочки. Шёл встречать рассвет мальчик Зорюшка. Увидел бедняжку-Берёзушку, пожалел, сбежал к родничку, принёс в ладошках водички, напоил. Расцвела Берёзушка и подарила доброму Зорюшке берестовый венец, и пожелала ему встретить ясноглазую лубушку-голубушку...

Многие лукогорцы пытались записывать сказки Глаши, но сказочница всегда импровизировала, и сказки, вроде бы одинаковые в начале, частенько приходили к разным финалам. Глаша причудливо меняла сюжеты, обстоятельства, персонажей, и любая запись становилась лишь одной из множества вариаций. Читать сказки отчего-то было скучно, но Петька помнил особое уютное ощущение, которое возникало, когда Глаша рассказывала свои фантазии.

В тишину чердака, наполненную множеством шорохов и шевелений, вплёлся непривычный звук. Петька насторожился, но не мог понять, откуда исходит это шуршание. Глаза уловили какое-то крохотное движение, но понять, где оно и что означает, Петьке удалось не сразу.

Рядом с сундуком к стропилам было прислонено несколько досок. И в верхней доске набухал прыщ. Мелкие древесные частицы рассеивались пылью в скудном свете далёкой лампочки. Маленькая опухоль шевелилась, вибрировала, росла, прорываясь сквозь древесину и постепенно превращаясь в свешивающегося червяка. Бока червяка были украшены двумя чёрными спиралями. Выбравшись из заточения, червяк развернул спирали в невероятно длинные усики, отряхнул лапки, протёр маленькую голову и превратился в большого жука-точильщика.

Петька никогда не видел подобных созданий, и восхищение смешалось в нём с паникой. Жук, несколько не смущённый оторопью царя природы, принялся проверять жёсткие надкрылья. В нём было не меньше трёх сантиметров в длину, не считая усов в два раза больше всего тела.

Мельком глянув на оставленную жуком рану в доске, Петька пришёл в ужас. Дырка казалась огромной и слишком зияющей, нарочито заметной. Присмотрев-

шись, мальчишка понял, что она далеко не единственная. Рядом были такие же, только уже слившиеся по цвету с остальной серой поверхностью.

Дребезжащий звук, с которым жук пошевелил длинными усами, прокатился по телу Петьки волной дрожи. Чудовище презрительно повело головой и попыталось взлететь. Но неуверенные крылья подвели, и жук свалился прямо в сундук. Петька автоматически спрятался за стенку сундука, а потом украдкой выглянул, чтобы увидеть, как жук неторопливо шествует по бумагам и книгам.

На мгновение Петьке показалось, что вот-вот со всех сторон ползут другие жуки, но он подавил страх, бросил на жука старую тетрадь и быстро захлопнул крышку сундука. Встав и отряхнувшись, мальчишка бросился вниз, в уютное тепло жилой части дома.

7. Исчезновение

*У загадочного женского недомогания есть
одно простое объяснение. Как и у всех
сюрпризов последнего месяца. Если лунный
календарь не врёт, лето будет
тревожным. Так некстати.
Но с природой не поспоришь.
Долго смотрела в звёздное небо. Ждала
знака. Не дождалась.*

Лукогорских девчонок Петька считал задаваками. Все они приезжали на каникулы, как и он сам, но привык воспринимать их как часть местного населения и мысленно обозначал их деревенскими. Общаться

с девочками ему хотелось, но обычно они занимались своими играми, в которых Петька даже если и порывался принимать участие, как-то быстро оказывался единственным проигравшим.

С прошлого лета Женька обзавелась короткой чёлкой. Обруч с цветочком, водружённый над чёлкой, напоминал плюмаж, и Петьке это показалось смешным. А вот красная помада на губах Женьки тревожила. Помада исключала Женьку из категории «пигалицы».

Динка сделала сверх-короткую мальчишескую стрижку. Мечты о театральной карьере заставляли Динку всю свою жизнь превращать в репетиции умозрительных ролей, и за глаза её часто называли кривлякой, хотя она была самой симпатичной из девочек.

Мышка как была серой невзрачностью, так ею и осталась. И если подружки за год вытянулись и обрели почти взрослые формы, Мышка вроде бы и не выросла совсем. У Мышки было красивое имя Ярослава, но из-за косоглазия она всегда держалась неприметно, за другими девочками. Поэтому и получила устойчивое прозвище, которое воспринимала без каких-либо обид.

Петька встретил девочку в рощице, куда забрёл проверить грибные места. И как-то само собой получилось, что проверять что-либо ему расхотелось, а захотелось рассказать девочкам о своей грандиозной затее — постройке плотины. Девочки слушали его внимательно, но Петька не мог понять, удалось ли ему донести до них весь масштаб замысла.

Уже на подходе к деревне компанию перехватил Тихон Дмитров. Формально Тихон был обычным пенсионером, но за неимением никого другого он продолжал оставаться председателем, то есть человеком, ответственным за всё, что происходит в деревне и вокруг неё. Столь сурового лица председателя Петька давно не видел

и мысленно начал перебирать все свои прегрешения.

Но Тихон, обедая подростков взволнованным взглядом, спросил:

— Эй, внимание! Вы Ларку Иванову из Сидаково не видели?

Девчонки дружно залопотали «нет», «не видели», «не знаем», сопровождая ответы недоуменными пожиманиями плеч.

Тихон сумрачно объяснил:

— Пропала девка. Третьего дня ушла сюда — к Клавке, вроде как в гости. Дома думали, она у Клавы осталась. А Клава решила, что она не пришла, потому что родители работой загрузили.

Все попытались припомнить, когда видели хохотушку из соседнего села. Тихон веско добавил:

— Как уходила — видел народ, а вот сюда она уже не дошла.

С этим компания и разбрелась по домам.

Дома Петьку поджидали рассуждения Семёна и двух соседских мужиков:

— Вечно от этих вертихвосток одни проблемы.

— Нинка, помните, тоже потерялась. А потом давай телеграммы слать. Всё, мол, хорошо, работаю, отдыхаю. Замужем за иностранцем.

— Да дети они до седых волос. Откуда им жизни-то научится, коли на всём готовом живут. Это нам с малолетства вкалывать приходилось, а у них ветер в голове, пустота одна.

— Надо по тропке, что углом леса идёт, пройтись. Помнишь, как в позапрошлом году пьяный Любимов башку там расшиб?

— И пустошь проверить надо.

— Собирайте всех, кого соберёте, встречаемся через полчаса у лестницы на угоре. И посматривайте по сторонам, мало ли что.

Вернувшийся уже в ночи Семён устало плюхнулся на стул и отрицательно покачал головой. Ольга всплеснула руками, запричитала и бросилась разогреть мужу давно остывший ужин.

8. Чёрный овраг

Физика нашего мира не предусматривает бесконечных полениц. Я не рассчитывала на столь быстрый и бестолковый расход дров. Придётся идти на поклон к пастушку. Ни капли гордости. Ни крошки самоуважения. Жалкая букашка, которую и раздавить-то гадко. Так себе ампула. Но дрова важнее.

Дожди кончились, лес и луг подсохли, пришла пора проведать, оказалось ли гидротехническое сооружение мальчишек гениальным или просто очень хорошим. Женька и Динка уже торчали на угоре, когда Петька пришёл к месту встречи. Вскоре подбежали Сашок и Толян.

Спустившись с угора, Петька заметил Рину, которая сидела на лавочке у тропки к баням и читала книгу.

— Эй, Рина!

— А? Что? — Девчонке потребовалось около минуты, чтобы осознать, где и с кем она находится.

— Пойдёшь с нами плотину посмотреть?

Рина посмотрела куда-то за горизонт, задумчиво склонила голову в одну сторону, в другую, а потом решительно согласилась:

— Да. Пойду.

Возле Лукогорья росли берёзовые рощи и светлые

лиственные леса, но на другом берегу Облепиховки, за поворотом реки к северу от деревни стоял частый ельник, у самого берега переходящий в плотные заросли ивняка. От солнечного цветного луга, по которому шагала компания, этот лес казался непроходимой тёмной стеной с угрожающе торчащими зубцами сверху.

Дожди наполнили реку силой, уровень воды поднялся до самого края берегов. Обычно на перекате речку переходили по простому дощатому настилу, лежащему на камнях. Но прилив сорвал верёвки с одной стороны берега, и частично поломанные деревянные плотики сбило в кучу. Петька, скинув сандалии, начал перебираться через реку, однако почти сразу увяз до колена, ощущая, как быстро мёрзнут ноги в холодной воде. Не останавливаясь и не давая себе задуматься о разных неприятных «вдруг», Петька добрался до другого берега.

Друзья, оставшиеся сзади, не торопились рукоплескать первопроходцу. Сбившись в кучку, компания что-то горячо обсуждала.

Сашок и Толян под руководством Рины вытащили два плотика из настила, и переправа началась. Забравшись на один плотик, девчонки ждали, пока мальчишки перетащат второй вперёд, перепрыгивали на него, ждали снова, и так постепенно продвигались над камнями и водой. Вся эта эпопея сопровождалась взвизгами, смешками, отвлечённой болтовнёй, и к моменту завершения перехода все уже забыли, куда и зачем направлялись. Подъём в гору по заброшенной, наполовину заросшей дороге прошёл бодро и весело.

Уже истончившийся Синий ручей неторопливо стекал к реке по своему обычному руслу. На камнях болтались клочки водорослей, вдоль вязких берегов росли пучки болотных трав, к журчанию воды примешивался едва различимый шорох мелких камней, перебираемых ручьём в углублениях дна.

Остатки плотины в виде нескольких жердей сиротливо валялись вдоль русла и по берегам, показывая, сколь мощный поток смыл все жалкие построения мальчишек.

Компания приуныла. Рина, не ставшая спускаться вдоль канавы русла, попрыгала туда-сюда и громко сообщила:

— Смотрите, как дальше всё размыло. Целый каньон. — Звнящий голос донёлся уже откуда-то сбоку, из-за деревьев. — Идёмте, посмотрим, куда вода шла, пока плотину не снесло.

Некогда Чёрный овраг был устрашающим разломом леса, но со временем склоны его поросли лесом, сгладились, и от собственно оврага остались лишь несколько круч, высота которых не превышала пары метров. На дне оврага были заметны промоины и следы стихийного потока, местами растащившего верхний слой грунта. Поток принёс с собой следы близкой цивилизации, оставив в безлюдном овраге блестящие фантики и пару смятых пластиковых бутылок. Эти крошечные дополнения полностью меняли впечатление от места, превращая злоеший овраг в обычный лес.

Компания, обсуждая силу произведённых разрушений, начала пробираться по склону вниз, то и дело застревая и споря обо всём, что только было связано с понятием «вода».

Подмыв одну из круч, поток воды обнажил корни нескольких старых деревьев, и теперь они торчали из склона неопрятными клубками самых замысловатых переплетений.

Рина вдруг остановилась и показала куда-то в центр этой кучи:

— Смотрите! Там что-то блестит. Будто золотинок.

Петька напрасно напряг взгляд в поисках яркой искорки. В хитросплетении и извивах корней не было не только золотинок, в них не было ни одной крошки

тёплых цветов. Не то, что жёлтого, но даже и бежевого.

Сашок со смешком ответил:

— Фантик.

Рина подошла к нагромождению кривых и изломанных корней вплотную, пытаясь рассмотреть что-то видимое ей одной внутри одного из коконов. Толян вдруг встрепенулся и резко крикнул:

— Стой!

Ведьма полуобернулась, и Толян веско добавил:

— Там мертвяк.

Рина взгляделась и через несколько секунд отпрыгнула назад, издав сдавленное и глухое «ой».

Петька напрасно изучал грязную кучу. Никаких мертвецов из веток и прутьев не складывалось. Девчонки боязливо огляделись и прижались друг к другу. Толян подошёл и встал рядом с ведьмой. Указав пальцем на тёмный камень глубоко под корнями, он объяснил:

— Это череп.

Сухая констатация Толяна повергла Петьку в оцепенение. Острое желание отвести взгляд было подавлено неукротимым любопытством.

На тёмно-коричневом бульжнике не было видно ни глазниц, ни каких-либо анатомических деталей. Это был просто камень. Лишь один светлый кусочек чуть выделялся на фоне остальной поверхности. Петьке сначала показалось, будто это толстая гусеница ребристой полоской улеглась на выступе камня, но статичность и мертвенная тусклость пятна опровергали догадку. Из глубины сознания притекла желеобразная, медленная и ужасающая догадка: «Зубы!»

Женька пронзительно завизжала.

Сашок грубо толкнул девчонку в бок и резко скомандовал:

— Заткнись!

Рина заметила:

— Зубы целы и все хорошие. Она умерла молодой.

Толян поддержал разговор:

— Рёбер не видно, но вон, видишь, кисть торчит. Гребешок, будто раковина инопланетная. И ноги должны быть, если их, конечно, не смыло.

— Скорее, растащило корнями. Дерево-то, считай, сквозь неё проросло.

Хладнокровное обсуждение привело Петьку в раздражение. Подобная сцена была бы уместной в криминальном детективе, который уютно читать зимним вечером на тёплом диване. Но в тёмном лесу Чёрного оврага изучение картины чьей-то смерти вызывало инстинктивный, идущий из какого-то древнего центра мозга протест. Надо выбираться отсюда и поскорее.

Вздохнув, Рина куда-то в воздух неопределённо спросила:

— Интересно, и почему я так уверена, что это была «она»?

Динка вовремя запечатала рот подружки ладонью, и вместо очередного визга Женька издала лишь жалостливый всхлип. Убедившись, что Женька затихла, Динка спросила:

— Это... это... не Лара?

— Нет. Лара ещё не успела корнями обрасти. Лара, может, даже и помереть не успела. А этой дамочке лет сто уже. А, может быть, и двести. — Хихикнув, Рина весело добавила. — А может, полкило.

— Почему она в лесу, а не на кладбище?

— Кто его знает. Шла по лесу, упала, кости переломила, умерла. Может, искали её, но не нашли. Сверху пласт земли сполз и тело закрыл. Всё.

— Не так уж высоко, чтобы расшибиться. Это надо вниз головой прыгнуть, желательно на камень, а здесь мягкая земля.

Женька отвернулась и отбежала в сторону, закрыв лицо руками. Петька подошёл и приобнял пласку за плечи, надеясь, что она перестанет терзать его уши изматывающими хлюпающими звуками.

Рина выпрямилась и задумчиво добавила:

— Да уж, специально считать будешь и не угадаешь, чтобы так точно эти корни подмыть. Повезло вам... Хотя как сказать. Лукогорье ждёт нашествие разных умных дядек, которые будут репы чесать, да придумывать теории вокруг того, уж не нашлась ли в русском лесу давно потерянная мумия какой-нибудь древнеегипетской принцессы.

Сашок встал рядом с Риной и задумчиво спросил:

— Как думаете, кто она? И почему её не нашли? Не искали?

— Крестьянка местная. Пошла по грибы-ягоды, заблудилась, потерялась. А не нашли, потому что искали в другой стороне.

Динка дополнила шеренгу любопытных, пристроившись сбоку от Толяна:

— Крестьянки по одной в тёмные леса не бегали. И аукались, далеко друг от друга не отходили. Да и как здесь потеряться? Ясно, что вниз надо спускаться, к реке, по реке к людям всегда выйдешь. Да и деревню в ясный день видно.

Оглядев шеренгу гадателей на костях, Петька попытался воззвать к здравому смыслу:

— Эй, трепачи! Дома теории строить будете. Пошли обратно, нам ещё до деревни добираться. Пока придём, пока расскажем, день кончится.

Рина кивнула и начала подниматься вверх. Остальные последовали за ней.

Взяв Женьку за руку, Петька потащил всхлипывающую девчонку по лесному бездорожью. Звуки, издаваемые Женькой, были остро неприятны, но ощущение

беззащитности девчонки, плетушейся рядом, Петьку вдохновляло. Так приятно быть сильным и смелым. Да ещё и заботливым.

Вынырнув из леса на берег реки, Петька испытал радость избавления от страшной сказки, но все остальные казались спокойными, будто находка черепа несколько их не взволновала. И всё же переправу уже не затевали. Все быстро перебрались вброд самостоятельно, лишь изредка протягивая друг другу руки и предупреждая о скользких камнях или торчащих ветках.

На лугу компания начала болтать о скорости разложения тела, способах перелома костей и прочей мертвечине.

— Интересно, что сказала бы Глаша, узнав о такой находке?

— Сочинила бы сказку про несчастную принцессу, запертую в зачарованном лесу. И обязательно с привидением в конце. К которому нельзя подходить, а то будут проблемы с возвращением из потустороннего мира.

— А может, это была бы сказка про глупую принцессу, которая подошла к привидению, и оно утащило её на тот свет. Но не совсем. И теперь они вдвоём гуляют по тёмному лесу. Подружками, так сказать.

Петька прибавил шагу, утаскивая хнычущую Женьку подальше от бесед о смерти. Но он не столько заботился о девчонке, сколько бежал от равнодушных голосов. Версии и домыслы компании раздражали его непринуждённостью и весельем, которое нет-нет, да проскакивало в интонациях друзей.

Почему-то Петьке казалось, что кто-то могущественный наблюдает за беспечной компанией из оставшегося позади тёмного ельника. И этому наблюдателю не по душе весёлое настроение тех, кто только что раскрыл страшную тайну леса.

Объяснения в старой колхозной конторе отняли у Петьки последние силы. Узнав о находке детишек, Тихон позвал в контору Семёна и ещё пару деревенских мужиков, после чего торжественно заявил, что дело это секретное, и болтать о нём не следует. Потому что если разболтать, уже завтра на рассвете кости будут затоптаны и растащены на сувениры. А неплохо бы сначала разобраться, что это за кости, и по какому праву они без спроса и уведомления взяли и залегли в лукогорском лесу.

Договорившись поутру убедиться в том, что кости не есть явление массовой детской галлюцинации, взрослые велели всей компании отправляться по домам.

Выйдя на крыльцо, Рина потянулась руками вперёд и весело констатировала:

— Отличный денёк. Отдохнула на славу. Кому рассказать, и не поверят.

Толян развёл руками в стороны и парировал:

— Если тебе не поверят, что же мне рассказывать?

Рина рассмеялась. Серебристые, переливающиеся нотки этого смеха отдались в голове Петьки мощным и болезненным набатом. Он сбежал с крыльца и бросился домой.

9. Сплетницы

Сегодня на повестке дня: 1. Семейные ценности. 2. Вступление обитателей колдовского болота в колхоз. 3. Стихи о весне.

Между прочим, в колхоз мы давно вступили. Отшельница в артели кружевниц единственная мастерица. Старый кузнец в бригаде плотников запевалой числится. А почему Белолицу в коровник пригласили, мне неизвестно. Тёмная это магия. Ты улыбнёшься, Север? Когда-нибудь. Может быть.

Петьке представлялось, что после страшной находки всё Лукогорье переполошится и забурлит догадками о том, чьи же останки обнаружались в овраге. Но никого этот вопрос не заинтересовал. Рина проводила Тихона к костям, Тихон проводил к костям приехавших ментов, менты поглазели на кости и заявили, что кости слишком старые и не относятся к их юрисдикции. Тихон сообщил о костях «куда надо», и на этом всё затихло. Слухи, конечно, разошлись, но желающих тащить кости на сувениры не нашлось.

Петька бесцельно слонялся по деревне, мысленно ругая приятелей, занятых собственными делами. Сашок возился с больной бабкой, Толян мучился с задачником. Уговаривать их Петьке было лениво, но и одному искать себе приключений не хотелось.

Петька проверил заросли малины, они предсказуемо оказались ещё зелёными. Петька поглазел на карасей

в прудике Клавки, прикинул, что их можно ловить детским сачком для бабочек. Петька вышел и постоял на дорожке, но так и не переступил волшебный круг притяжения Лукогорья. Идти было некуда.

Потом Петька заметил, что Валька и Рина остановились поболтать под забором Мотьки. Разработки специальной операции по проникновению в чужой огород не требовалось, но Петька вообразил себя спецназовцем, выполняющим ответственное задание на территории потенциального противника. Добраться до зарослей шиповника, поддерживающих забор Мотьки в условно вертикальном состоянии, удалось минуты за две.

Единственной заминкой стала жирная гусеница, свалившаяся на Петьку с погибающей яблони. Тело гусеницы оказалось усыпано тёмными точками. Присмотревшись, Петька понял, что точки — это крохотные отверстия, потенциальную бабочку сожрали личинки осы. Брезгливо стряхнув с себя агонизирующее существо, Петька прислушался к заботливому голосу Вальки:

— Ты одна везде бегаешь. А у нас всякое случается.

— А в столице всякого не случается? Там каждый день девчонки пропадают.

— Там людей много, кто-нибудь да поможет.

— Как раз такая наивность многих и губит. Скажи, а может, Ларка на заработки подалась? А не предупредила, потому что... да мало ли почему, сто причин может быть. Автобус увидела, села, да и думать забыла про родную деревню. Опомнится через месяц-другой, даст о себе знать. Может, и вернётся.

Валька шумно и тяжело вздохнула:

— У Ларки всё было. У неё родители в разводе, и мать снова замуж вышла. А отец нефтяник, деньги хорошие зарабатывать, и на алименты никогда не скупился.

После небольшой заминки Рина выдвинула следующую версию:

— Сейчас ведь экзамены всякие вступительные. Вдруг она поступать уехала, а говорить не хотела, чтобы не заклевали, если провалится? Кончится страда абитуриентская, и Ларка вернётся, студенческим билетом хватаясь.

— Ларка? Студентка? Не смейся мои уши. Она и школу еле вытянула.

— А кавалеры у неё были?

Сломав ветку черёмухи, Валька отмахнулась от налепивших комаров и чуть назидательно ответила:

— Да какие тут кавалеры...

— А парень такой высокий, с веснушками — разве не твой кавалер? Я сначала подумала, что с такой физиономией он наверняка местный заводила. Но я ему пару раз улыбнулась, так он даже не заметил. Только ты не ревнуй, если у вас серьёзно. Я ничего такого, просто улыбнулась.

— Жорка хороший.

— Ой, а порозовела-то как. Он тебе нравится!

— Тсс, не болтай попусту.

— Не буду. Может, у Ларки тайный воздыхатель был?

— Что тут тайного. Венька пытался за ней приударить. Но Венька у нас вроде лампочки сигнальной. Если он за девицей пытается приударить, значит, выросла девица, в пору на выданье вышла. Он и мне всякие цветочки-платочки дарить пытался. Я его на смех подняла, да он тот смех за знак внимания принял.

Рина весело заметила:

— Ой, спасибо, что предупредила. А то я на платочек уж было повелась.

Девушки захихикали, и Валька дополнила:

— Мотька в Ларку был влюблён. Подарки несуразные приносил. Таскался за ней повсюду. Даже петь под гитару пытался. Но неуверенный он, Мотька, хотя и симпатичный. Ну и бедный, конечно. Так и заглохло всё.

— Я ещё не всех выучила. Мотья — это который комбайнёр у Семёна?

— Да, тот самый. Было дело, и Лёшка огородным рабом у Ларки целое лето трудился. Только обманула его Ларка, в тёплых объятиях не согрела. Он на зиму в Подолье уехал, а как вернулся — всё, отрезало всю любовь. Клавка его потом окрутила, в прошлом году свадьбу сыграли.

Хлопнув в ладоши, Рина воскликнула:

— Так мало кавалеров, что пачками обманывать можно!

Валька иронично-назидательно ответила:

— Кавалеров не счесть, да пуда соли с ними не съесть.

— Может, у самой Ларки любовь какая несчастная приключилась?

— Да нет. Ларка о богатом муже мечтала. Чтобы он ей дорогие подарки притаскивал да по границам возил. И чтобы пройти с ним по какой-нибудь красной дорожке. Ну, знаешь, машина красивая медленно притормаживает, останавливается, мужчина распахивает дверцу, а из машины нога в туфельке на шпильке высовывается. А потом разодетая дива, сверкая бриллиантами, улыбается сотне фотокамер.

Фыркнув и хлопнув ладонью по ноге, Рина придумала:

— Прикинь, лет через десять сидим мы у телека, а там вдруг Ларка на красной дорожке. Вся в бриллиантах и улыбках. С богатым мужем. И мы давай диванные подушечки жевать с досады и зависти.

— Нет. Мы давай смеяться, потому что бриллианты на Ларке мелкие да фальшивые, не чета нашим первоклассным.

Звонкий смех разбежался вдоль деревенской улицы. Девушки пошушукались ещё немного, потом Рина заторопилась восвояси, а Валька ушла в свою сторону.

Петька принялся было выполнять спецоперацию по незаметному возвращению героического разведчика к своим, но передумал и неторопливо побрёл прочь, взметая дорожную пыль и пугая куриц.

10. Ведьма в церкви

Скатерти, салфетки, рюмки, вилки, ложки... Надоел этот бесконечный и никчёмный учёт. Неужели можно всерьёз думать, что если бы у меня было сокровище, я бы сидела в родном болоте? Отдала Акулинке кружевную капор старой княгини, и она напялила его задом наперёд. Умора. Но приезжий комиссар рассердился. Совсем нет чувства юмора у строителя новой жизни.

Ольге приспичило отправиться в соседнее Сидаково, в церковь Святой Троицы. И волей-неволей Петьке пришлось тащиться вместе с тёткой. Сидаковская развалюха была последним местом на планете, где Петька хотел бы оказаться. Однако проигнорировать строгое указание Семёна было невозможно. Порыв Петьки промямлить что-то вроде «не-не-не» Семён счёл выражением радости и безусловным согласием с мнением старшего в доме.

Ольга вспоминала о православии три-четыре раза в год. Приодевшись и придав своим мыслям благостное направление, Ольга приходила в храм, выстаивала службу, кидала немного денег в ящик с прорезью, общалась со знакомыми, после чего с лёгким чувством выполнения обязательной программы отправлялась домой.

Петька не понимал, зачем тётка ходит в церковь. Ольга брезговала целовать иконы, никогда не просила никаких благословений, не причащалась, не ставила свечей, да и крестилась торопливо-неумело. Но всё же в её внутреннем плане жизни был пункт «сходить в церковь», и она ходила, нисколько не задумываясь о логических несуразностях.

Сидаково встретило Ольгу и Петьку без всякой помпезности. Унылая Троицкая церковь казалась покосившейся сразу на все стороны. Новый купол ухитрился за пару лет перенять геометрию стен, и теперь будто стекал с барабана. Мозаика в нише над входом осыпалась больше, чем наполовину, во время ремонта пустые дырки замазали штукатуркой, отчего образ стал лоскутным и чем-то смахивающим на арлекина из балаганного театра. Но никто из местных этого не замечал, а приезжие тактично помалкивали.

На пыльном дворе храма собралось с десятков старух. До службы оставалось ещё немного времени, и Ольга начала ленивый переброс словами со старой Глебовной.

Огурцы, картошка, трактор, завтра не сегодня, дети разгильдяи, хороший хлопок, крыльцо, столбы, спина болит, и ничему-то не учат в этой школе, старая капуста, новый матрас, кефир полезен, конфеты подорожали...

Петька и не надеялся понять что-либо в этом женском словесном вареве. Ему представлялось, что медленная и тягучая беседа — лишь одна из голов бессмертного чудовища, которое с древнейших времён беспрерывно росло и умножало свои головы. Из каждого слова этих бесконечных женских говорилен вырастала новая многоголовая гидра, и все они немедленно начинали говорить.

Задумавшись, Петька не сразу заметил, что гидры приумолкли.

Между покосившихся столбов ворот храма стояла Рина. Сиделка пришла в церковь. В длинной тёмной юбке

до щиколоток, ситцевой рубашечке с длинными рукавами и в простом белом платочке, завязанном по-деревенски под подбородком. Через её плечо была перекинута холщовая сумка на длинной лямке. Если бы кто-то из передвижников увидел это явление, Русский музей пополнился бы шедевром «Тревога перед исповедью».

Немного поколебавшись, Рина направилась прямо к Глебовне, и на мгновение у Петьки возникло ощущение, что явно растерявшаяся Глебовна спрячется за Ольгу.

Рина остановилась в метре от старухи и неуверенно пролепетала:

— Вы простите, Ульяна Глебовна, я совсем не разбираюсь в этих церковных премудростях. Вы не могли бы мне помочь?

Девушка смотрела на Глебовну с выражением уставшего ребёнка, просящего попить водички. Припухшие веки и тени под глазами портили лицо, делая Рину похожей скорее на Ольгу, чем на розовощёких деревенских девчонок. Пронзительная глубина серых глаз лишила сиделку ауры юной беззаботности и легкомыслия. И тонкая, хрупкая, воздушная Рина, чуть расставив ноги, попирала церковный двор так твёрдо, как не смог бы и какой-нибудь сказочный исполин. Местный дурачок Поруня, рубаху которого можно было спутать с двуспальным пододеяльником, занимал меньше места и оказывал меньшее давление на почву.

— Чего тебе надо? — Ответ Глебовны прозвучал очевидно резче, чем сама старуха хотела. И сразу за вопросом Глебовна широко улыбнулась.

Петька знал, что приоткрывшийся старческий рот с торчащими снизу клыками — улыбка, но Рине потребовалось время, чтобы осознать это. Видимо, уговорив себя, что вряд ли её слопают прямо у дверей церкви, Рина начала путаные объяснения:

— Вы, наверное, знаете, как молиться за мёртвых? Я всё хожу и думаю, что кто-то должен помолиться за ту несчастную из леса. Ведь тогда, давно, никто не узнал о том, что её убили. Никто не попросил спасения её души. А на ней крестик был. Нам надо позаботиться о ней.

Что-то особенное было в этих простых словах. И лукогорские, и сидаковский женщины вдруг стали выше ростом и шире плечами. Даже Поруня важно приосанился, будто понял, о чём речь.

— Что надо сделать, чтобы всё правильно было? Заупокойную службу заказать? Я совсем ничего об этом не знаю, может, вы сами объясните ситуацию батюшке Иоанну?

Глебовна подросла сантиметров на двадцать и обвела остальных старух взглядом победившей орлицы. Ну, и кто теперь будет спорить, что она, Глебовна — главный авторитет в вопросах веры?

Было уже абсолютно неважно, что дальше скажет Рина, но она ещё и сказала нечто поразительное:

— Если деньги нужны, так я принесла немного. Пётр Борисович мне дал, чтобы я всё решила.

Рина достала из сумки чистый, но немного помятый конверт и вложила его в тёмные, поддрагивающие руки старухи.

Глебовна спокойно кивнула:

— Идём, я тебе объясню.

Если старуха и жалела о своём приглашении, то ничем этого не выдавала. Рина носилась по церкви, будто маленький ребёнок, наполняя тесное пространство звонкими вопросами:

— А это кто? А это? Это Иисус? Почему он в клеточку? А-а, не Иисус. А этот бог почему с ложкой? Опять не бог? Ага, лекарь. Хороший, значит, святой. Грустная какая Богородица, красивая. А вот той зачем жемчуга

к лицу приклеили? Оклад? А ящик, значит, киот. Забавное слово. А вон та штука для чего? А вот эта?..

Батюшка Иоанн наблюдал за любопытной девицей с удивлением и явной опаской, замешкавшись начать службу. Приходские женщины взирали на экскурсию с откровенным неодобрением. Но Глебовна невозмутимо объясняла и то, и это, не обращая внимания на лёгкий шепоток, проносившийся сзади.

Наконец, она сделала Рине знак замолчать и встать чуть сзади. Рина простояла минут пять, а потом мелкими шажочками спиной вперёд двинулась к выходу, чтобы легко выскочить на крыльцо. Чуть поколебавшись, Петька последовал за ней.

На пяточке двора перед храмом Петьке предстала весёлая картинка. Прямо перед Риной громоздилось монументальное тело Поруни. И Рина в растерянности переминалась и топталась на месте, явно не зная, что делать.

Бросившись вперёд, Петька сердито замахал руками на Поруню:

— Вон! Вон! Пошёл вон!

Поруня тут же засеменял прочь, но остановился у стойки ворот и улыбнулся, раставив в разные стороны огромные губы. Слюна сползла с уголка рта, капнув на рубашку.

Петька принялся объяснять:

— Не бойся, Ринка. Ты Веньку-тракториста знаешь? Это Поруня, племянник его. Он с рождения такой. И он тихий, не обидит. Если хочешь его прогнать, громко кричи «вон!», он и уйдёт.

— Зачем он ко мне подошёл?

— Не знаю. Наверное, ты ему понравилась.

— Сомнительная радость.

Поруня отвернулся, засмотревшись на неторопливо шествующего через двор кота. Правильнее было бы сказать, что кот волочился, нарушая все законы физики.

Однако если и было что-то, что могло вывести батюшку Иоанна из равновесия, так это упоминание о неестественных объёмах и формах церковного котейки, поэтому добрые прихожане удивлялись пропорциям любимца батюшки молча.

— Кс-кс, — выдохнулось из недр массивного тела Поруня. Кот попытался ускориться. Физика напряглась и дополнительно искривилась.

— Почему ему позволяют вот так одному бродить?

— А надо его на цепь посадить? На дуб зелёный? Рискованное дело. Для дуба, разумеется. Не каждый ствол этот вес выдержит.

Рита улыбнулась и чуть поморщилась, Петька сообразил, что вопрос касался не кота, а дурака.

— Так Венька где-нибудь здесь неподалёку. Он обычно Поруню оставляет и приказывает ему стоять. Всё спокойнее, чем дома его держать.

— Почему? Он может дом разгромить?

— Нет, что ты. Он волнуется, если один долго остаётся. К окну изнутри прижимается и плачет, будто малыш трёхлетний. Старушки наши конфеты ему в форточку кидают, он ими объедается, потом животом мается. Опять плачет.

— Можно было бы кота завести. Чтобы ему не скучно было. Вон, гляди, он с этой меховой колбасы глаз не сводит. Нравится ему котофеич.

— Веньке и с племяшом забот хватает, не то, чтобы ещё и о коте думать.

Порывшись в сумке, Рина вытащила оттуда конфету и с явной опаской спросила у Поруня:

— Конфету хочешь?

Посмотрев на протянутую сладость, Поруня перевёл бессмысленный взгляд куда-то вдаль и замер истуканом.

— Ну что же ты? Держи.

Поруня скосил глаза и тяжело, мучительно вздохнул.

— Ты боишься? Тебе нельзя?

Быстро сграбастав и спрятав конфету в руке, Поруня отбежал мелкими шажочками в сторону и, сопя от нетерпения, начал рвать обёртку. Мясистые неловкие пальцы едва справлялись с этой трудной работой, и прошло несколько томительных минут, прежде чем сладкий кусочек освободился. Физиономия Поруни украсилась шоколадно-слинявой улыбкой, и он снова замер.

— Смешной. Почему я его раньше не видела?

— Может, не замечала просто. Он может часами на одном месте стоять.

— Ясно. Ты домой идёшь?

— Нет. Тётку подожду.

— Тогда пока.

Рина улыбнулась и вприпрыжку поскакала обратно в Лукогорье.

Как Петька был бы счастлив, если бы можно было броситься за ней следом! Но сквозь открытые двери просачивались дрожащие напевы нестройного хора, служба продолжалась, и Петьке предстояло ещё маяться и маяться на церковном дворе.

Наконец, из церкви начали выходить женщины. Гидры не видели выходки Поруни, да и Поруня был для них давно пережёванным материалом. Гидры торопились обсудить поведение Рины.

— Ведьма-то какова. Везде свой нос любопытный засунула.

— Да уж, только что в алтарь не залезла.

— А потом ускакала, будто птичка непоседливая.

Глебовна резко остановилась, поджала губы и презрительно-свысока оговорила сплетниц:

— Всё злословите, трещотки. Ведьма, ведьма... Хватит дразнить девчонку. Лучше бы пожалели сироту. Не от хорошей жизни к старым козлам в услужение идут.

Не от безделья так к жизни относятся. Сама ребёнок, а о душе подумала и про деньги не забыла. Ты, Манька, небось, про душу первый раз вспомнила, когда артрит прижал. А тебе, Фимка, что деньги, что фантики — до седины дожила, ума не нажила.

Манька и Фимка чуть смутились, готовясь дать отпор наглой Ульянке, но та не собиралась вступать в пререкания, резко подведя итог:

— Добрая девочка. Улыбчивая. И никакая не ведьма.

Поколебать это мнение теперь не смог бы даже полёт голой Рины на метле. Но сказки сказками, шепотки шепотками, а именно ведьма громко и во всеуслышание сказала о том, что женщина в лесу была убита. Знание о том, что это было именно убийство, просочилось в головы лукогорцев и закрепилось как нечто само собой разумеющееся.

11. Шутки-прибаутки

*Запасы тают. Выменяла у Полтушки
немного льняного семени и гречки.*

*Конечно, это слишком грубая еда для
белолицых девиц. Но потомственной
крестьянке не пристало тосковать
по десяти сортам сыра.*

*Скромная трапеза очень даже
понравилась бдительному комиссару.
Обещал зайти ещё.*

Сашок, впечатлённый криками матери по телефону, засел любоваться страницами учебников. Толян добровольно пыхтел над простыми задачами с пропорциями,

никак не улавливая принципа их применения к конкретным физическим процессам. Петька опять остался без компании.

Послonyaвшись по деревне, он завис недалеко от пятачка у ларька Тоньки. Ларёк неоднократно закрывали, поскольку Тонька была не в ладах с официальной бухгалтерией, но после короткого периода уныния Тонька отдирала листы фанеры от маленькой витрины и прицепляла сбоку список имеющихся сигарет и ценники на водку.

Сегодня ларёк привлёк компанию женщин и девушек, которые собирались на посиделки и решали вопрос закупки всего необходимого для успеха мероприятия.

В ларьке регулярно отоваривалась и Рина, поскольку дворник Кашея Ибрагим изъяснялся на замысловатом языке, которого Тонька не понимала. Завернув из магазина к Тоньке, Рина наткнулась на представительное общество лукогорских девиц, которые встретили сиделку недружелюбно.

Ксанка протяжно и громко, с выражением, проговорила куда-то вверх:

— Сиделка — на заборе свистелка.

Алина подхватила эстафету и с издёвкой припечатала:

— Сиделка — вертлявая белка.

Вставила свой рифмованный перл и Динка:

— Сиделка — грязная тарелка.

Рина остановилась и заинтересованно уставилась на толпу.

И понеслось.

— Сиделка — рваная грелка.

— Сиделка — дешёвая опохмелка.

— Сиделка — старая сопелка.

— Сиделка — ржавая горелка.

— Сиделка — гороховая...

Короткая пауза подсказала, что народное творчество исчерпало запас грубых, но приличных рифм. Рина рассмеелась, а потом неожиданно поблагодарила:

— Классно. День такой смурной был. Спасибо, что развеселили.

Не ожидавшие такого поворота девушки затихли, и сиделка продолжила:

— Я всё равно, что на машине времени скаталась. Из вас такой отличный набор ведьм получится. Глебовна, Ильинична и Эмма — ну вылитые вы. Лет через пятьдесят. А из меня, значит, старая ведьма Шершовка выйдет. — Рита передразнила шамкающий говор старухи. — Ни штытта ни шовешти. Гороттшкие прошманттовки.

Валька расхохоталась. А за ней засмеялись остальные девушки. Только Женька демонстративно поджала губы.

Ксанка миролюбиво сообщила:

— Ты новость слышала? Ларка открытку из столицы прислала. Будет в театральный поступать.

— А кино с девчонкой на роликах она что, не смотрела?

Кивнув на покрасневшую Динку, Ксанка объяснила:

— Чужую идею утащила. Это ж Динка у нас мечтает под софитами потеть да с мужиками чужими обниматься.

Рина осторожно приземлила сумку, но не отпустила её ручек, и из такого склонённого положения неожиданно спросила:

— Вы видели привидение, что на просеке появляется?

— Ты про женщину?

— Нет. Про облако. Оно похоже на мутное пятно.

— Если встретишь, не бойся. Оно зла не причиняет. Повисит и само рассеется.

— Да я не боюсь. Но оно убегает, если подходишь.

Женька покрутила пальцем у виска. Динка придала себе мечтательности, задрала подбородок вверх и пояснила:

— Иногда граница между мирами истончается, и сама Матушка Берёзушка показывается. Если в светлом обличи, то девушкой нарядной, в кокошнике жемчужном, а если в плохом настроении, то в кольчуге тяжёлой.

Ксанка хмыкнула и посоветовала:

— В ясную ночь в лесу у озера встань под берёзу и попроси Матушку о благословении. Вскорости приснится тебе сон, в котором она придёт и что-то важное о тебе расскажет. Кому-то она совет даёт, кого-то от беды остерегает, а кому-то и просто счастья желает.

— И мне пожелает?

— Это уж как ты ей понравишься.

Несмотря на явный скепсис, Рина согласилась:

— Надо будет попробовать.

Валька приветливо пригласила:

— Ты приходи завтра на танцы. Мы и привидение позовём. Развлечёмся от души.

В действительности это было равносильно мощнейшему ритуальному посвящению в масоны. Лукогорские девушки признали Рину своей и объявили об этом пусть и без мельтешения мечей над головой, зато со всей присущей событию торжественностью.

Но Рина погрустнела и, мотнув головой, объяснила:

— Я не могу. Пётр Борисович температурит. А я ж сиделка — за все беды стрелка.

Подхватив с земли тяжёлую сумку, ведьма ушла быстрым шагом. И лукогорские бездельницы ощутили лёгкое неудобство.

12. Белое озеро

Было лето. В чёрном бархате ночи сияли звёзды. В траве шептались светлячки. Я шла к озеру и увидела Матушку Берёзушку. Она улыбнулась, обвела вокруг себя рукой, показала на меня и растаяла. Я решила, что это знак. Посвящение в тайну. Признание моей избранности. А сейчас я верю, что это был чудесный детский сон.

Новая идея Петьки не вызвала радостного отклика у его друзей. Как выяснилось, они просто не восприняли её всерьёз. Идти ночью? По просеке, через лес, к Белому озеру? Ловить привидение? Весело, наверное, но они-то не в Голливуде живут. И в кино фантастическом не снимаются.

Первым на отчаянное приключение согласился Толян. Хотя у Петьки остались сомнения: действительно ли Толян понимает, что означает ночная вылазка к озеру. Однако покладистость Толяна не оставила выбора Сашке. Поколебавшись для вида, он тоже согласился.

На сборы и обсуждения ушло два дня. Когда же назначенной ночью тихо улепетнувший из дома Петька увидел свою команду «охотников на привидений», ему захотелось и смеяться, и плакать. Толян взял с собой весьма объёмный рюкзак, как если бы собрался в поход на неделю. Сашок, наоборот, примчался налегке, без вещей и в сандалиях на босу ногу.

Совершать ночные вылазки друзьям приходилось и прежде. Но обычно они изучали саму деревню и её ближайшие окрестности. И эти исследования не уходили

в сторону от проезжих дорог. Теперь же, по мере отдаления от деревни, в сознаниях искателей приключений начали проявляться и хулиганить разные потусторонние персонажи.

Петька мужественно отгонял образы леших, таившихся в придорожных кустах, но чувствовал, что друзья следуют за ним только потому, что идти обратно одним ещё страшнее.

Сквозь дырку в облаках выглянул кривой блин луны и распугал леших по их неведомым норам. Ориентиры вроде кривого дуба стали заметны, и мальчишки невольно ускорились, стремясь добраться до озера побыстрее.

Но едва они оказались на берегу, Петька снова насторожился. Вокруг стояла тишина. И это идеальное беззвучие подсказывало, что ещё до вторжения трёх незваных гостей окрестности озера кто-то потревожил. Сделав знак друзьям, Петька очень осторожно двинулся в обход озера по широкой тропке, охватывавшей весь лесной водоём кольцом. Никакого плана у него не было, и пройдя два десятка метров, он оказался на абсолютно тёмном пятачке. Сашка впечатался в спину Петьки, Толян наткнулся на Сашу, и компания какое-то время шипела друг на друга. Заговорить в голос никто не решался.

Раздался высокий и громкий звук где-то сзади. Мальчишки резко присели и затаились. Неуверенный голос фальшиво пропел фразу модной песенки, и на берег, только что оставленный ловцами привидения, выбежала девушка. И закружилась, то выставляя ногу в сторону, то закручивая её вокруг себя.

Сашок успел закрыть рот оторопевшему Толяну — тот явно собирался выдать их присутствие каким-нибудь возгласом.

Потянувшись и издав ещё одну серию нот, девчонка легко выскользнула из платья. В ночном сумраке нагая женская фигурка казалась размытым рисунком, но плавл-

ные изгибы гибкого красивого тела будили в Петьке доселе невиданную силу. Случись рядом Змей Горыныч, Петька свалил бы его одним ударом.

Попрыгав по берегу, обнажённая красotka босой ногой попробовала воду. Ощувив пронизывающий холод, она отскочила и засмеялась сама над собой. Эти переливы смеха окончательно лишили Петьку ориентации во времени и пространстве. Он знал, что надо встать, что надо вспугнуть неразумную ведьму, что надо сказать ей об опасности купаний в лесном озере, на дне которого бьют ледяные ключи, но мысль о необходимости пошевелиться привела к прямо противоположному результату — руки-ноги Петьки парализовало.

Рваные облака снова расползлись в стороны, и мир залило серебристым светом. Девушка медленно вошла в воду и сделала несколько осторожных шагов, проверяя ногами дно. Глубоко вздохнув, ведьма решительно окунулась, сделав один гребок вдоль лунной дорожки. Снова встав, она оказалась будто покрытой блестящей чешуёй, которая переливалась, играла и прятала от затаившихся мальчишек нагое тело. Девушка снова окунулась, на этот раз направившись вдоль берега. Несколько движений, и серебристый силуэт показался со спины.

Ведьма не заходила на глубину, оставаясь там, где ей было примерно по пояс, она не пыталась плавать, только бултыхалась и баловалась в воде. Однако неведомая ночная магия превращала её в быструю и сильную русалку, повелевающую всем озером, всем ночным лесом и всем подлунным миром.

Наконец, замёрзнув, русалка выбежала на берег и принялась энергично растираться квадратиком небольшого полотенца. Тихий смех донесся до мальчишек звоном колокольчиков.

Глупый Толян попытался вырваться из-под ладони Сашки и наступил на сухую ветку, будто специально под-

ложенную лешим под его неловкую лапу. Даже залп «ка-тюши» не прозвучал бы громче.

Ведьма подхватила одежду, сорвалась с места и убежала, легко перепрыгивая толстые корни деревьев.

Толян промычал что-то непонятное и ткнул пальцем в противоположный берег. Светлое пятно, свиваясь в спирали и кольца белёсости, размывалось, терялось в частоколе стволов. Через пару секунд оно исчезло, оставив за собой лишь обычный приозёрный туман, ползающий из травы на берег.

Петьку посетило сомнение: уж не снится ли ему всё это? Однако лица обалдевших приятелей подсказывали, что нет, не снится. В мире случается волшебство, и этой ночью оно случилось с ними.

В торжественном молчании мальчишки вернулись в деревню и разошлись по домам.

Часть 2

13. Нашествие

Сказка — ложь. И самая удобная форма переделки реальности. Белолица развлекает Яроша сказочными историями. По мотивам своих приключений. Врёт безбожно, но своя польза в этом есть. Я узнала, как умерла Анна. Она отказалась от борьбы и выбрала морфий. Но не думаю, что её сломала боль. Большевики сделали из Бурянова жертву царизма, раскрыв мрачные обстоятельства его смерти. А она все эти годы верила, что он жив, что однажды он вернётся и найдёт её. Почему ты не нашёл меня, Север? Я ведь не прячусь.

Обещанное Риной нашествие обрушилось на Лукогорье нелогично — во вторник после обеда. Первыми приехали три внедорожника, из которых высыпались одинаковые молодые люди в тёмно-серых костюмах. Побродив по деревне с блокнотами и рациями, люди сели в машины и съехали на луг.

Следом приехало три грузовика с солдатиками внутри. Солдатики разбили на лугу палаточный городок, сделали за первый же вечер месячную выручку и магазину, и ларьку Тоньки, перепугали деревенских девчонок и с утра принялись укреплять дорогу, чтобы рядом с пе-

рекатом построить новый мост через Облепиховку.

Стройматериалы солдатикам подвозило штук десять большегрузных машин, мгновенно раздолбавших съезд на луг, и эту старую дорогу тоже пришлось подсыпать и перестраивать.

Лукогорцы хмуро наблюдали за перемещениями гостей, запретив жёнам и дочерям выходить из домов. Но перерасти в серьёзные конфликты эта напряжённость не успела. Солдатики отбыли восвояси, оставив за собой невероятное количество хлама на лугу и проторенные, будто слонами, тропы в зарослях пустоши.

Настала очередь серьёзных государственных мужей. В Лукогорье въехали роскошный «мерседес» и внедорожник охраны. Один из водителей уточнил у Тихона дорогу, после чего машины проследовали в лес по свеженькому мосту.

Посетив Чёрный овраг, мужи вернулись в Лукогорье и подкатили к конторе, где выяснилось, что всех мужей приехал один человек, да и тот совсем не муж, а недоросль. Корочка сотрудника могущественной силовой структуры Тихона не очень-то убедила, хотя определённое впечатление на него произвели два мордovorота, следовавших за недорослем на манер игрушек на верёвочках.

Беседа с юнцом Тихону тоже не понравилась. Недоросль не удосужился выслушать соображения председателя, лишь коротко и ясно распорядился: в лес не ходить, расследованию не мешать, вопросов не задавать.

Третьей волной нашествия стало человек десять мужчин. Они разбили на лугу одну огромную светло-серую палатку, в которую затащили множество коробок и ящиков из нескольких фургончиков, которые после разгрузки быстро уехали.

Разумеется, мальчишки сгоняли невзначай заглянуть в широкую щель входа в палатку, однако ничего суще-

ственного им разглядеть не удалось, только хмурый бородатый дядька сделал им замечание, чтобы они не шатались рядом с объектом. Именно так — «объект» — и стали называть палатку лукогорцы.

А у Петьки появился сосед. Невысокий худощавый мужчина неопределённого возраста с хмурым взглядом исподлобья и плотно сжатыми губами представился Гордеем Алексеевичем. Он объяснил своё решение поселиться в Лукогорье очень просто. Мотаться из города — сил не напасёшься, жить в условиях полевого лагеря — здоровья не хватит. Из всех избушек и сараев Лукогорья дом Ольги и Семёна показался Гордею Алексеевичу наиболее просторным и комфортабельным, поэтому начальник объекта и выбрал его в качестве своего временного пристанища. Ольга, не сказать, чтобы охотно, но согласилась сдать комнату начальнику.

Гордей Алексеевич занял пустующую комнату кузена Петьки Василия, украсил холодильник набором иностранной снеди в красивых упаковках, дал Семёну несколько советов по правильному ведению сельского хозяйства и занялся писаниной в обычных школьных тетрадочках.

Через день к Семёну забежал Михалыч. С порога узнав, что постояльца дома нет, он присел к столу и тихо выложил новости:

— Из столицы люди. И не менты. Спецотряд какой-то. Цепочкой лес прочёсывают. Скелет по косточке достали. Кисточками песок стряхивали. Только что не облизывали. И в холодильниках сложили. Переносные такие гробы, я уж думал, ещё какую-то мертвечину нашли, так нет — один скелет на три ящика разобрали.

— Да какая разница, что за отряд. Сидели же в тереме за рекой энкаведешники. Может, расстреляли секретаршу, а в дело не внесли. Непорядок. Запротоколируют и съедут.

— Они ещё что-то ищут. Траву всю изворошили, и ручей, и овраг перекопали, и три человека по округе с металлоискателями бродят. Они по дальней границе лесочка старую борону нашли. Сначала радовались, что дети малые. Потом приуныли. Им же для протокола все находки на объект тащить надо.

— Так они ко мне прибежали трактор клянуть, чтобы хоть до моста этот кусок ржавчины доволочь. На что он им сдался, не понимаю.

— Порядок такой. Твой-то жилец над ними вроде надсмотрщика. Сам ничего не делает, только ходит, смотрит, как другие пашут. И до старух докапывался, помнят ли они, что в деревне творилось в двадцатые. А старухи наши тогда в пелёнках были. Это если были. Да и сам понимаешь, время какое было.

— Эх, жаль старая Глаша померла. Вот уж кто всё обо всех знал.

— Да-а-а, теперь таких женщин уже нет. Измельчали, что ли.

— И не говори. Вот мои пацаны. Вроде и хороших девок за себя взяли. А стать не та. Глуповаты. Суетливы. Да и деньги любят.

— Твои хоть по-людски поженились, да детей нарожали. А мой дурень всё по секретаршам бегаёт. И ладно бы выбрал хоть одну лицом смазливую. Всё норovit каких-то кривеньких недотёп утешить. Одно расстройство.

— Кривенькая не беда, была бы хозяйка толковая.

— Ой, не говори. А с гнилью-то что делать будем?

Спор фермеров о гнили Петьку не занимал, поделиться новостями было не с кем, и он отправился в свою комнату, представляя себя бесстрашным героем — освободителем принцесс. Конечно, ему удастся спасти несчастную пленницу лукогорского леса. Достаточно только мысленно взмахнуть волшебным мечом.

14. Заезжий кавалер

В стародавние времена жила в своём белом дворце девица Белолица. Училась Белолица у магов всего света и однажды овладела заклятием исполнения желаний. Тёмной ночью прошептала Белолица своё заветное желание: встретить любимого под стать себе. И красивого, и умного, и принца, и волшебника...

Мне сразу представился чванливый павлин со столиком для вызывания привидений. Мне же не сказали, что мой мысленный смех помешает великой магии.

Недоросля, который так возмутил Тихона, Петька увидел на угоре. Высокий, с неподходящим шиком одетый молодой человек стоял на самом краю обрыва, всем своим видом противореча окружающей среде. Короткая причёска тёмных волос казалась только что уложенной в парикмахерской. Длинный плащ, в карманах которого щёголь держал руки, будто выпрыгнул с витрины центрального универмага. Идеально чёрные ботинки выглядели так холёно и противно, что хотелось подойти и измазать их дорожной пылью. Самого молодого человека Петька за всей этой красотой сразу и не разглядел.

Рядом с щёголем стояла Рина и что-то втолковывала ему — бойко и нетерпеливо. Он изредка вставлял в эту речь отдельные ленивые фразы, время от времени окидывая ведьму пристальными взглядами.

Петька не успел решить, удобно ли будет подойти к Рине и незнакомцу. Молодой человек неторопливо

двинулся вдоль угора, вытащив руку из кармана, и одним лёгким движением подцепив Рину за талию. Рина машинально пошла рядом с ним, и когда они приблизились, Петька разобрался, что разговор идёт вовсе не об устройстве мироздания.

— Так что насчёт прогулки по опушке, а, малышка?

— Может, в субботу?

— Зачем откладывать? Мы ненадолго, травку чуть примнём.

— И какой мне интерес недолго травку мять? Да и травка эта... Не хочу сырой массаж. Лучше в мягкой кровати тельце погреть.

— Что ж... Скатаемся в отель. На часок.

— Фу, это скучно. На часок — и простынок не сбить. Гулять — так гулять, на всю тёмную ночь. А, может, и не на одну. За одну-то ночь всего не успеть.

Молодой человек резко остановился и привлёк Рину к себе, с шутливо-грозным выражением парировав:

— Да знаешь ли ты, что я с тобой сделаю...

И Рина, и недоросль, и Петька разом вздрогнули от раздавшегося мрачного голоса Гришки:

— Эй, малец, ручонки сальные от девчонки отцепи.

Гришка, как оказалось, наблюдал за сценой от другого угла забора. Сложив руки на груди, он смерил «мальца» презрительным взглядом, в котором плескалась готовность к агрессии. Щёголь задумался, видимо, решая, как отнестись к неожиданной помехе в виде сурового деревенского блюстителя нравов. Рина, чуть вывернувшись из объятия, наивно-простодушно заявила:

— Это братишка мой. Беспокойся, не обидит ли меня кто. Ты не сердчай, Дик, он не со зла, по привычке. Вечно караулит, не гуляю ли я с кем.

Дик язвительно усмехнулся:

— Классика жанра. Она не одна придёт. Она с кузнецом придёт.

Встряхнув руками, Дик отстранился от Рины и быстрым шагом направился в сторону конторы.

Уперев руки в боки, Рина вперила в «кузнеца» строгий взгляд и укорила:

— Ну, спасибо. И так здесь кавалеров нет, так ты единственного заезжего спугнул.

— Обойдётся и без кавалеров.

Ошеломлённая этим заявлением, Рина какое-то время пыталась подобрать слова для отповеди, но новости сами срывались с языка, и она выпалила:

— А знаешь, что мне Дик рассказал? Что в Чёрном овраге убили Александру Лукогорскую, последнюю здешнюю княжну!

— Она же в Америку уехала.

— Нет, не уехала. Она исчезла. Здесь думали, что она в Америке. В Америке были уверены, что она в Европе. А европейцы уверяли, что она вернулась домой. Получается, они-то и были правы.

Гришка поразмышлял и спросил:

— И почему такой сыр-бор из-за скелетика нашей княжны? С таким размахом и королевские останки не изучают... Княжна должна что-то важное значить.

— Или не она. А тот, кто её убил.

Почесав нос, Гришка вдруг спросил:

— Когда у тебя выходной?

— Через субботу.

— Пойдём, ходим к терему?

— А что это?

— Дом.

Удивлённый взгляд Рины попросил разъяснений. Гришка хмыкнул:

— По-твоему, последняя княжна Лукогорская жила на пустоши? В шалаше? — Встряхнувшись, он добавил. — Я пока сам схожу, проверю, что там да как. А потом и тебе покажу.

Сбоку раздался певучий говор Ксанки:

— Ой, лапти мои, кости. Не упасть бы мне со злости.

Подошедшая красавица смерила мужа ничуть не менее грозным взглядом, чем тот, которым он сам только что отпугивал Дика. Вопрос Ксанки прямо-таки звенел напряжением и вызовом:

— Хорошо проводишь время?

Спокойно кивнув, Гришка согласился:

— Да.

— Что ж, и я пойду, прогуляюсь.

Движения Ксанки, удаляющейся по улице, рождали внутри Петьки что-то вроде песни. В голове крутились сравнения с волнами, с морским непостоянством, с полётом чаек и уверенным курсом белоснежного корабля.

Рина вдруг изменилась в лице и торопливо проговорила:

— Гриш, догони-ка её, отведи домой и не выпускай пока.

Светлый взгляд скрестился с тёмным, за несколько мгновений уголовник и сиделка ухитрились без слов что-то обсудить и о чём-то договориться. Гришка кивнул, и Рина, убегая, быстро махнула ему рукой:

— Не беспокойся. Я справлюсь.

Угор опустел. Петька остался любоваться давно надоевшим пейзажем. В бескрайнем просторе было много голубого и синего, но не было белоснежных кораблей и чаек. Что-то нежное царапало Петьку изнутри, и, едва не разрыдавшись от непонятого ему самому чувства, он бросился прочь.

15. Особые обстоятельства

*Познакомилась Белолица с принцем
Волком. И закрутилось веселье. То балы,
то катанья, то скрипичные концерты
под луной. Но вот беда. Принц оказался
не очень умён. Белолице становилось
скучно, когда он начинал обсуждать
светские сплетни...*

*Как причудливо наше сознание
складывает мозаику воспоминаний. Все
эти метания, скандалы после разлук,
бесконечные выяснения отношений,
оказывается, были скукой.*

Трое суток Семён таскал племяша за собой, решив, что мальчишке лучше побыть вдали от соблазна проникновения на объект. От погружения в мир полей и пашен Петька умотался так, что ещё почти сутки спал, игнорируя призывы тётки пообедать или хотя бы поужинать.

Отоспавшись и почувствовав зверский аппетит, Петька направился в кухню, из которой услышал незнакомые голоса в горнице, которую почтительно называли «залой». Большая печка, занимающая центр дома, была снабжена удобной широкой лежанкой, одной стороной выходящей в залу, а другой — в кухню. Недолго думая, Петька тихо забрался на печку, выглянул в щель ситцевой занавески и прислушался.

Дик и Гордей Алексеевич обсуждали убийство в лесу.

— Александра действительно вернулась на родину. И даже более того, она вернулась в родное поместье. Но здесь встретила ту смерть, о которой вряд ли задумывалась, когда сочиняла стихи о жертве во имя отечества.

Дик нетерпеливо переспросил:

— А ты уверен, что это именно Александра?

Гордей Алексеевич пожал плечами:

— Сравнить не с чем. Фамильные могилы уничтожены или забыты. У нас нет материала для генетической экспертизы. Но да, я уверен, что это она.

— Почему?

— Во-первых, потому что мы не где-нибудь, а в Лукогорье. Во-вторых, время исчезновения и примерное время смерти совпадают.

— По нашим оврагам столько трупов припрятано, что на века вперёд хватит в костях ковыряться. И почему это Александра?

— Возраст совпадает. И мы обнаружили два произвольно сросшихся перелома правой руки, а также несколько трещин в рёбрах. Совпадает с данными об издевательствах в пансионе, где воспитывалась Александра.

— Мало ли благородных девиц били друг друга? В пансионах этих дедовщина царила похлеще иной армейской.

— На останках найдено несколько видов текстильных волокон. Крестьянская одежда, не лучшего качества. Согласно реконструкции Андрея, княжна была одета тепло, по-зимнему. Но шубы или пальто нет. И обуви нет. Зато мы нашли массивный золотой крестик на тонкой цепочке. Крестик совпадает. У него есть дефект, описанный младшей Дерлянской — отсутствие одного фигурного элементика.

— Это не доказательство. Крестик мог потеряться. Или его украли.

— Ну, значит, прямой путь тебе в архивы — искать, кто и когда мог украсть крестик княжны Александры.

— Ладно, я верю тебе. А твоя вера будет доказательством.

Ехидно-холодное замечание Дика вызвало не менее ядовитую усмешку Гордея Алексеевича. После паузы последовало продолжение объяснений:

— Нужна пара дополнительных исследований для установления разных деталей, но Петрович и Ванька независимо друг от друга сделали одинаковое предположение. Александра родила незадолго до смерти.

— Родила?!

— Да. Расхождение лонного сочленения. У неё был узкий таз.

В ответном возгласе Дика выплеснулось потрясение:

— Так это роды её убили?

Гордей Алексеевич ответил с бесстрастностью профессионала:

— Смертельным стал удар чем-то тяжёлым в висок.

— Парадоксально. Многие думали, что её убили. Что её исчезновение не могло быть ничем иным, кроме как смертью в каких-то непростых обстоятельствах. Но почему никто не брал в расчёт того, что у молодой женщины могли возникнуть непростые обстоятельства особого свойства?

Пожав плечами, Гордей Алексеевич добавил:

— Я бы не удивился, если бы её застрелили на модной премьере в какой-нибудь европейской столице. Или если бы мне сказали, что её зарезал любовник в роскошном номере заокеанского отеля. Но почему её убили здесь, в глуши, после родов, когда она едва могла встать?

Дик встал и сделал несколько шагов по пустому пространству комнаты. В его очередном вопросе выплеснулось острое любопытство:

— А ребёнок? Он выжил? Где он?

— Кто ж его знает. Но мы получили приказ заново прочесать лес. Найдём кости младенца — закроем тему.

— Мы уже всё прочесали.

— Значит, теперь травку перешерстим, листики пере-

берём и землю просеем.

Поморщившись, Дик спросил:

— Ты знаешь, почему этот ребёнок так важен?

— Спроси отца.

Закатив глаза и сделав вид, что он смертельно устал, Дик парировал:

— А я у тебя спросил. Ты же вроде как в няньки ко мне приставлен.

Окинув кривляку снисходительным взглядом, Гордей Алексеевич коротко распорядился:

— Тебя водитель заждался. Выметайся.

Дождавшись, пока Гордей Алексеевич скроется в своей комнате, Петька отдал должное холодцу тётки и отправился рассказывать друзьям об услышанном.

16. Ловцы тумана

Тебя раздражал его ореол романтического героя. Ты завидовал его яркому и скандальному увлечению. Но я сразу заметила тебя. В твоих умных глазах блестели искорки насмешки над его павлиньим тщеславием.

Я не романтическая героиня. Я боялась, что ты молча отвернёшься, если узнаешь, кто я. С этого всё и началось.

Рина не показывалась из логова Кащея. Петька сделал несколько отчаянных ночных вылазок на озеро, надеясь, что тётка не застукает его побегов через окно, однако и на озере Рина не появлялась.

В одну из ночей вместо Рины купаться пришёл Борька-«мушкетёр». В другую Петька наткнулся на Веньку, который возвращался из леса с большими кусками бересты. Следующая вылазка привела к встрече с Сашкой, который совершенно случайно прогуливался по берегу озера, а при виде Петьки вдруг заторопился домой.

Петька снисходительно бросил:

— Ладно врать-то, ты Ринку пришёл высматривать.

Сашок отбрил:

— Можно подумать, ты к Матушке Берёзушке явился.

Несколько минут ходьбы по лесной тропинке прошли в молчании. Потом Петька заметил:

— Ринка даже в магазин не ходит. Она хозяйку надумила, что можно Ибрагима со списком посылать. Так ей теперь и повода за ворота выйти нет.

— Скажешь тоже. Она же не в тюрьме. Выйти-то она может в любое время, только что ей за воротами делать? Костями по оврагам любоваться?

Петька пожал плечами, а Сашка добавил:

— Ринка книг много читает. Выпросила разрешения брать любые, и сама не своя до исторических романов. Она и Кащейю вслух читает — медленно, с пояснениями разными. Кащей от того чтения размякает, с кухаркой не спорит, на прислугу не бросается, даже и на дочь не орёт. Всем тишина и спокойствие.

— А я слышал, что Наталья сиделкой недовольна.

— Без стычек с папашей заскучала.

Раздавшийся сзади голос заставил мальчишек подскочить и замереть.

— Далеко идём, пацаны?

Переглянувшись, пацаны приготовились дать дёру.

— Да не дрейфьте, это я, Гришка.

Лично Петьку это сообщение не приободрило. Мало ли, что у этого уголовника на уме? Все говорят, что Гришка другим человеком вернулся. Да и могло ли быть

иначе? Из тюрьмы ангелами не выходят.

Гришка догнал мальчишек и ехидно спросил:

— Что, прослышали про новое лукогорское чудо? Русалку в озере?

Мальчишки промолчали, машинально ускорив шаг.

Где-то впереди раздался крик:

— Аа-уу!

Гришка откликнулся:

— Ээй!

Навстречу троице выбежал запыхавшийся Венька. Увидев мальчишек, он выругался и недовольно заметил:

— Весь лес распугали, мелкота любопытная.

Стоя у озера, Петька был абсолютно уверен, что в лесу никого нет. Но после слов Веньки ему вдруг представилось множество неясных сущностей, таящихся буквально за каждым стволом.

— А ну-ка марш по домам, и чтобы духу вашего здесь не было!

Злость приказа ошеломила Петьку. Венька был спокойным и тихим человеком, и Петька не мог припомнить, чтобы слышал, как он повышает голос.

Гришка махнул рукой в ту сторону, откуда появился Венька:

— Вон! Смотри!

Справа от группки людей за множеством тёмных стволов мелькало светлое аморфное пятно. Расплывающиеся края, неопределённая форма и полупрозрачность пятна не позволяли мозгу установить природу загадочного явления, и сознание быстро подставило то, что впитало из книг и фильмов. Привидение!

Гришка подтолкнул мальчишек по тропинке:

— Быстро! Валите отсюда!

Сашок растерянно спросил:

— А вы куда?

— Куда надо, любопытным знать не надо.

Гришка выругался, Венька прибавил к сказанному ещё пару нецензурных оборотов, и мужчины начали быстро пробираться по лесу в направлении исчезнувшего пятна. Два пятна фонариков заметались по стволам, но быстро скрылись из вида.

Петька вздохнул и укорил умчавшегося Гришку:

— Что там знать-то? Два деревенских дурака хотят привидение поймать. Один от племянша-идиота дурастью заразился. Другой, видно, слишком долго на небо в клеточку смотрел, думать разучился.

— Может, они и дураки. Но никто не знает, как объяснить появления привидения.

— Это облако из светляков. Здесь их много, когда они вместе собираются, получается пятно. А когда пугаются, разлетаются и прячутся, вот облако и исчезает.

— Ты и сам знаешь, что Лукогорье — заколдованное место. Может, здесь последнее место на земле, где сохранились древние формы жизни, истреблённые суеверными людьми ещё в средние века. И какое-то отчаявшееся существо ищет контакта с нами, чтобы передать последние крупницы знаний своего народа, а мы отправляем на встречу с ним уголовника и тракториста.

— Глаша поставила бы тебе пятёрку как сказочнику дня.

— Глаша не ставила оценок за сказки.

Сашке хотелось поспорить по любому поводу. Петьке хотелось научно обосновать отсутствие привидений. Но за отсутствием аргументов диалог не состоялся. Мальчишки домчались до деревни и разбежались в разные стороны.

На следующий день, когда Толян соизволил выползти из дома, Петька и Сашка попытались уязвить приятеля тем, что он проспал интересное приключение. Но выслушав сбивчивый рассказ друзей, Толян лишь снисходительно бросил:

— Забрались олухи в лес, полный неясных чудес.

Петька недовольно парировал:

— От олуха слышу.

Пожав плечами, Толян рассудительно выдал:

— Что толку по лесу бегать, когда Ринка вчера в реке купалась. На мелководе за старыми ивами.

Сашок быстро спросил:

— Откуда знаешь?

— Сорока на хвосте весточку принесла.

Приосанившись, довольный Толян объяснил:

— Вы разве не слышали? Внучка Евфимии Бобровой приехала к бабке благословения просить. А где благословения, там и гулянки. Девишник вчера в Сидаково был. Заодно и наш женский полк на плач по невесте выдвинулся. Полсотни девиц собралось, не меньше. Визг стоял на всю округу. А уж как петь начали, так и весь мужской отряд в слёзы пошёл.

— Какой ещё отряд?

— Охранный, какой же ещё? Сидаковские парни с той стороны реки дозором ходили. Мы с этой до рассвета в караулах стояли. Меня Жорка Верхин ещё три дня назад завербовал. Я думал, вы отказались. А вы, оказывается, туман ловить ушли.

Петька не смог вынести насмешки со стороны наглого Толяна. Фыркнув, он перепрыгнул через высокий забор Глебовны, что друзьям было не под силу, и отправился к краю пустоши — искать крепкую ивовую ветку для новой удочки.

17. Нервный скрипач

*Собрались женихи со всего света,
и понравился Белолице витязь
по прозвищу Север. И красив был Север,
и умён — всё при нём. И уважение,
и вздохи восторженных дам — всё о нём.
Но вот незадача, он совсем не верил
в волшебство...*

*Слащавость без границ. Сказка стерпит.
А как интересно было бы поспорить,
можно ли считать веру в науку неверием
в волшебство? В другой эпохе ты мог бы
и патриархом стать.*

Очередной диалог Дика и Гордея Алексеевича Петька подкараулил, заранее забежав в избу и затаившись на печке. Войдя в дом, Дик эмоционально спросил:

— Хорошо, допустим, Александра родила ребёнка. Но от кого?

— От кого угодно.

Дик сморщил нос и уселся за стол, положив на него руки и побарабанив пальцами, как если бы это было пианино. Гордей Алексеевич неторопливо занял место напротив и объяснил:

— Мы не знаем точную дату смерти. А плюс-минус месяцы — загадка отцовства. Самое вероятное — то, что кажется невозможным. Александра могла вернуться к Волку. Ей надо было где-то отдышаться, и она понадеялась, что Волк не устоит перед её чарами. Возможно, беременность — знак того, что он и не устоял. А вот последующее появление княжны здесь, в Лукогорье, объясняется тем, что и по второму разу в этом романе что-

то пошло не так.

— Этот вариант ставит Волка на первое место в списке подозреваемых.

— Нет. Он весь короткий остаток жизни ждал её. И если бы убил, не посвящал бы ей эти ужасные скрипичные пьески.

— Может, он пьесками заметал следы?

Снисходительно-терпеливо Гордей Алексеевич растолковал:

— Жорж Волков помимо путаницы имён оставил в досье полиций нескольких стран три места и четыре даты рождения, шесть вариантов национальности, двух жён и большое количество всевозможных нестыковок. Ты полагаешь, пламенный революционер-подпольщик не смог бы замести следы без издевательств над музыкой?

Помедлив, Гордей добавил ещё один аргумент в пользу невиновности Волка:

— Ему достаточно было сказать, что убитая — княжна, и никто не задал бы ни одного вопроса.

— И как же Александру угораздило в него влюбиться?

— Кого угораздило, большой вопрос. Они познакомились в процессе погружения в лечебные воды. Жорж думал, что Александра — компаньонка больной княгини, а она думала, что он поэт и музыкант. Потом, конечно, выяснилось, что она княжна, а он — экстремист, из царской ссылки сбежавший. Скандал был знатный, на весь континент крики и обвинения. Но ничего, помирились, какое-то время вместе жили.

— Вот это любовь.

— Когда и как они расстались, неизвестно. Но Волка это расставание потрясло настолько, что он оказался в санатории для душевнобольных. И он не участвовал в революционных штурмах — по причине расшатанности нервной системы.

— Заслуженный адреналинщик схлопотал передозировку.

— После выписки Волк геройствовать не стал, а устроился в оркестр, в четвёртый ряд вторых скрипок. И партийную ячейку театра возглавил. Вот и вся карьера. Сломала его Александра так, как тюрьмы, пытки и ссылки сломать не могли.

Дик развёл руками и с горчинкой заметил:

— Если бы наши комиссары были поумнее, им надо было отдать Волка Александре и оставить их обоих в покое. Влюбленные чародейки заняты блинчиками, детьми, рассадой, вязанием. На колдовство времени не остаётся. А если бы она выжила... Эх, это проклятое «если бы»...

Гордей Алексеевич выдержал многозначительную паузу, а потом задумчиво продолжил:

— Волк быстро попал в капкан репрессий. И на его деле осталась личная пометка вождя.

— Это не оставляло Волку ни шанса.

— Волк был помилован. Он получил десять лет в одном из особых и сравнительно комфортных лагерей.

Удивление Дика оказалось столь искренним и непосредственным, что вызвало понимающий смешок Гордея Алексеевича:

— Вулкан организовал приказ на высшем уровне, потому что хотел заполучить Волка себе. Он лично проводил обыск квартиры Волка. Все рукописи, все записные книжки были аккуратно собраны и упакованы. И даже больше. Вулкан сам проверил наличие скрипки в футляре и забрал инструмент с собой. Скрипка была дрянная, копейчатая, но памятная для владельца. Вулкан готовился превратить Волка в послушную марионетку.

— Невероятно.

— Ты же понимаешь, что Волк не мог интересоваться Вулкана. Огнепоклонник надеялся на встречу с Алек-

сандрой. А вот дальше мы упираемся в проклятое «если бы»...

Воцарилась тишина. Мужчины мысленно собирали вероятности, которые приводили в те пространственно-временные континуумы, где не было останков женщины в лесу. Построения разрушил Дик:

— А откуда известно, что это был Вулкан?

Холодный ответ Гордея Алексеевича не содержал ничего нового:

— Спроси отца.

Дик молниеносно вспыхнул, но потом взял себя в руки и карикатурно откланялся:

— Понял-понял. Вопросов более не имею. Удаляюсь.

Едва за Диком захлопнулась дверь, Гордей Алексеевич повернулся к печке:

— Слышь, пацан, ты к лору запишись, носовые пазухи проверь. Сопишь, как раненый бегемот. Хронический ринит, не иначе. Я тебя первый раз не стал сдавать, так ты совсем нагло шпионить решил?

Петьку накрыла удушающая волна паники. Но каким-то образом ему удалось всё же слезть, буркнуть что-то извинительное и спрятаться у себя.

18. Терем

*Улыбалась Белолица витязю — и розовела
над морем заря. Обнимала Белолица
витязя — и распускались цветы.
Целовала Белолица витязя —
и вспыхивали над миром мириады звёзд.
И были влюблённые безмятежно
счастливы. Пока злая кикимора
не подкинула Северу идею поговорить
с любимой об атомах...
Так себе сказочка. Ты заподозрил подвох
и подстроил мне ловушку. Я глупо
попалась. Но не потому, что увлеклась
атомами. Я раздумывала, как бы мне
безболезненно умереть, чтобы не видеть
ваших поцелуев.*

Петька волновался насчёт погоды. И побаивался, что тётка снова соберётся в Сидаково. Однако тётка была занята какими-то капустными вредителями, а погода выдалась хоть и прохладная, но ясная. Запланированной прогулке к терему ничто не могло помешать. На прогулку собрались Гришка и Рина. Но Петька настроился всене-пременно составить им компанию.

Оказалось, что помимо него на прогулку собрались также Сашок, Толян и Женька с Мышью. И вся эта компания уже болтала о разной ерунде, когда Петька спустился с угора.

Появившийся Гришка скептически оглядел стайку подростков, но опоздавшая Рина только махнула рукой, мол, пусть идут, раз уж навязались.

Первая часть похода прошла в трескотне девчонок, пробующих свои силы в магии говорящих гидр. Уже выйдя на большой мост через Облепиховку, Гришка распевно и тягуче выговорил:

— Выйду из избы в сени, из сеней в двери, от дверей через порог, со двора да из ворот, да пойду на поворот. На южной стороне быстрая река, тёмные облака. Выйду на перекат, поплыву на закат, сойду на бережок, пробегу лужок. За зелёным лугом — тёмный лес, в лесу у курьих ножек привязан мелкий бес. Бесу хлебца отломлю, дверцам масла подолью, гусей рожью покормлю. Гуси полетят на юг, унесут и твой недуг.

Восхищённая Рина всплеснула ладонями:

— Вот это класс...

— Заговор. Но я не помню дословно. Глаша каждый раз по-новому рассказывала. Если начинала, могла час говорить, и всё складно, одно к одному.

— Почему она не записывала эти складности? Могла бы известной сказочницей стать.

— Она считала, что записанные слова умирают. Что сказка на бумаге необратима и навсегда остаётся одинаковой, в то время как мы живём в изменяющемся, живом мире, и все сказки меняются вместе с нами.

— Интересная мысль.

— Интересно, что мы все выросли будто в отдельной стране. Галстуки красные носили, в комсомол вступали, но и о репрессиях знали, и о тёмных сторонах революции. Про войну Глаша всегда рассказывала вроде и спокойно, но так, что плакать хотелось. И про соблазны власти и богатства я с малолетства всякое слышал. А когда на зоне читать разную психологию стал, оказалось, что я всё знаю, иногда и лучше иных заслуженных умников.

Хвастовство Гришки показалось Петьке неприятным, и он забежал вперёд, увлекая за собой друзей.

Войдя в лесок, отделявший терем от дороги, Рина то-

же решила похвастаться знаниями:

— Курьи ножки — это, наверное, пни. Раньше избы в лесу строили на пнях, чтобы от животных и от сырости повыше оставаться. А корни, вросшие в землю, похожи на ножки курицы, отсюда подмена пошла.

Пройдя немного дальше, Гришка указал на одиноко торчащий бревенчатый столб с массивными подпорками:

— Вот она. Курья ножка. Была и вторая, но опрокинулась в незапамятные времена. Если присмотришься, вон та прямая полоска мха — она и есть. Каркас это был для ворот, да только так каркасом и остался, ворот здесь никогда не было.

— Хочешь сказать, что сказки Глаши надо понимать буквально?

— Если ты знаешь, в чём буквальность. Вот здесь полянка, где бесы могли напасть. Ярош собак всегда держал. Двух-трёх шавок, небольших, но злых. Они всерьёз не кусали, но порвать подол или штанину могли.

— Ярош? Это кто?

— Смотритель за теремом. Он до того кузнецом был. Как в Чураново заводов понастроили — ремесленники все туда ушли. А Ярош по старости остался. Князь Николай ему доверял, на него дом и оставил.

— Ярош один здесь жил?

— Нет. Он овдовел ещё в молодости, но больше не женился. Как жить здесь начал, девочку-сиротку на воспитание взял. Звали её Настей, но иначе, как Копушей, никто и не называл.

— Это та Копуша, которая мать Глаши?

— Другой у нас не было. Глаша Яроша в живых не застала. Но она нас в детстве пугала: «Читай быстрее, выучить успеи. Ярош придёт, брови сведёт, книжку отберёт, в печке сожжёт».

— Он что, книги жёг?

— Кто его знает.

— Если Глаша пугала, значит, знала.

— Глаша в своём измерении жила. И Матушку Берёзушку видела, как я сейчас тебя вижу. И с деревьями разговаривала, как мы друг с другом говорим. И в небе звёзды пересчитывала, рядом с которыми люди живут. Что знала Глаша, нам не понять.

Миновав забытую тропку и пройдя по плотно пригнанным и всё равно заросшим мхом каменным плитам дворика, компания оказалась у терема.

Часть стен дома сложилась внутрь, но экзотическая конструкция центральной части из вертикальных брёвен не позволила «шалашу» рассыпаться. Хотя в таком виде дом стоял уже не первый десяток лет, подходить близко к держащимся на честном слове брёвнам казалось опасным. Петьку невольно пробрал озноб, когда он увидел, как Гришка заглядывает между бревен, пытаясь увидеть то, что скрывается внутри руины.

В мелодичном голосе ведьмы прозвучала грусть:

— Грустно было жить здесь. Темно. И одиноко.

— Место такое. С одной стороны река, с другой болото. Берег этот низкий, топкий, вокруг дома всегда холодно и сыро. А темень оттого, что лес с густым подлеском. Осины с ивняком сплелись в толстый полог.

— Слово «терем» ввело меня в заблуждение. Я думала, терем — потому что маленький, а этот дом раза в два больше, чем тот, что на пустоши стоял. И построен добротно, с кирпичным подклетом.

Гришка взял на себя роль экскурсовода:

— Терем князь Николай построил, но зачем и для кого — неизвестно. Приехали мастера, сделали всё, за что им заплачено было, и уехали. Болтали, что здесь много чего интересного обустроено было. Система подъёма и слива воды была, ванна прямо в доме стояла. В кухне была сложена диковинная печка с железной столешницей. И на второй этаж из кухни можно было поднять

корзинку по специальной трубе.

Рина чуть пренебрежительно бросила:

— Экие чудеса. А в городах уже улицы фонарями освещали.

Гришка поморщился и продолжил:

— Ярош здесь полным хозяином жил. А через несколько лет Анна Лукогорская явилась с маленькой дочкой, Александрой. У Анны какой-то разлад с мужем Владимиром, сыном князя Николая вышел. Князь Анну сюда вроде как в ссылку отправил, но она не растерялась, хозяйство наладила. Жаль, что ненадолго. Как дочка подросла, Анна с ней за границу уехала. Дочку в пансион отправила, а сама при каких-то целебных водах осела.

Пристально оглядывая дом, Рина заметила:

— Получается, что за несколько лет до революции в этом доме жил Ярош. Жила княгиня Анна. И жили две девочки. Александра и Анастасия. Интересно, как они относились друг к другу? Дружили? Или ссорились?

Пожав плечами, Гришка перебрался в новую эпоху:

— После революции мужики местные хотели здесь похозяйничать, да ничего ценного не нашли. Посуду да скатерти растащили — вот и вся экспроприация. Областные начальники пытались здесь трудовую коммуну для беспризорников обустроить. Не вышло. Беспризорники обжились неделю-другую, и давай лукогорские дома обчищать. Ну, подкараулили их мужики, побили. На том воспитание и кончилось.

Толян неожиданно вставил:

— Нет, не кончилось.

Понимающе улыбнувшись, Гришка добавил:

— Да, конечно, здесь же и беспризорницы были. Молодцы местные их тоже караулили. И замуж всех поразбирали. Тихон наш до старости кучерявым красавцем сохранился. И мать у него такая же была. Южанка

заносчивая. И чуть ли не графиня. А соблазнил её папашка Тихона картошкой варёной. Не рассчитал, правда, коварного замысла. Такой соблазн вышел, что больше полувека душа в душу с ней прожил. И на третий день после неё к ангелам ушёл.

Решившись, Рина подошла поближе к дому и заглянула в провал между брёвен. Ничего не разглядев, она направилась в обход, и Гришка двинулся за ней, перескочив в очередной временной пласт:

— Комиссары внутренних дел пустой домик себе присмотрели. Приехали серьёзные люди, обнесли всё колючей проволокой, выставили охрану. Любопытным носы быстро укоротили, так что деревенские на эту сторону и ходить перестали. Но шила в мешке не утаишь. Архив здесь какой-то хранили. Папки с бумагами. В конце шестидесятых товарищи съехали, а дом бесхозный долго не живёт, так что лет через десять терем начал разваливаться.

С торца два больших окна на фасаде и полуразрушенный выступ кирпичного подклета образовывали недружелюбное «лицо». И Петьке вдруг почудилось, что старый дом караулит их, ждёт, чтобы совершить какую-нибудь пакость. Встряхнувшись, он решил не показывать своего страха.

Но Рина, зябко поёжившись, честно призналась:

— У меня от этих развалин мурашки по коже.

Пройдя к небольшой прогалине в сплошной «стене» зарослей вдоль болотца, Гришка махнул рукой, показывая на лес:

— До Чёрного оврага можно добраться с трёх сторон. Через брод, как вы шли. От дороги со стороны Синего ручья. И вот отсюда, по тропке через воду и вверх. Кажется, что это непролазная грязь, но здесь плотина старая, если по прямой вот так идти, то неглубоко, максимум до середины икры ноги замочить. Правее уже яма,

а здесь ровное дно, удобное. Александра здесь и пробежала. От родного дома — в лес.

Женька с любопытством спросила:

— Она убежала от убийцы?

Рина, уставившись на проход в зарослях, скептически ответила:

— Бежать от убийцы надо на дорогу, к людям.

Толян принялся рассуждать:

— Княжна могла бежать, потому что кто-то гнался за ней, а в такой ситуации не размышляют, куда бежать. Бегут, потому что зло рядом и не даёт передышки, чтобы попить чаю и накидать план действий. К тому же почему вы думаете, что она именно бежала? Она могла просто встретить злодея в лесу.

Женька не унималась с вопросами:

— А зачем ей было уходить в лес?

— Может, за грибами-ягодами пошла.

— В Чёрный овраг? Там одни поганки.

— Значит, хворост собирала. Дом большой, протопить его — два сарая дров на зиму надо. Может, запас дров кончился, и княжна решила в лесу хоть чуть-чуть подсобрать топлива.

— Княжна, собирающая хворост?

— Она должна была скрывать то, что она княжна. Возможно, её убили как раз из-за этого. Она выдала себя, и кто-то из мстительных крестьян подстерёг её в лесу.

— Да кому и за что было ей мстить?

— Время было такое.

Рина согласно кивнула и добавила:

— Вполне возможно, в то время многие деревенские знали, что произошло. Но помалкивали. Не зря же у этого леса дурная слава.

— Почему её не похоронили?

Гришка хмыкнул и неторопливо поделился:

— В тридцатые попа из Сидаково забрали, а через

неделю к попадье делегация активистов пришла. Красивой женщиной попадья была, статной и сильной. Спротивлялась до последнего. А когда отчаялась, нож себе в сердце воткнула. Поглумились активисты над её трупом, да и бросили тело в канаву за селом. И всё село слышало крики. И все знали, что творится. И все видели гниющее тело. Ну и что? Присыпали торчащие кости тайком, но и только.

После паузы Толян нервно вставил:

— Если бы не Копуша, так и осталась бы попадья в канаве.

Кивнув, Гришка продолжил в своём размеренном ритме:

— Узнала Копуша про старую расправу, пришла в Сидаково с лопатой на плече, да и раскопала тело брошенное. А у Копуши взгляд такой был, что никому не выдержать. Говорят, когда она по улице прошла, чистых штанов ни у кого в деревне не осталось. Всем миром и чистую могилу у церкви вырыли, и крест поставили, и на активистов доносов настрочили. И до сих пор всей деревней за той могилой ухаживают.

Рина встрепелась и уточнила:

— А когда попадью убивали, Копуша в Лукогорье не жила?

— Нет. Как колхозники терем разорили, она ушла. Вернулась перед самой войной. Да не одна, с тремя детшками. Младшие Наташа и Миша совсем маленькие были.

Покачавшись из стороны в сторону, Рина собрала цепочку событий:

— Вернёмся в двадцатые. Если Александра надеялась встретить здесь знакомых, то первым таким человеком была Копуша. Или, наоборот, Александра не рассчитывала столкнуться здесь с девушкой, которая её наверняка бы узнала. Вскоре после возвращения Александру

убили. И Копуша ушла в какую-то неизвестность. Сдаётся мне, что уже после этого колхозники разорили дом. Есть во всём этом какая-то последовательность причин и следствий. Только мы их не понимаем. А Глаша не рассказывала какой-нибудь длинной сказки о загубленной принцессе? Или о своей загадочной матери?

— Глаша сотни сказок рассказывала. И в половине из них были несчастные принцессы и таинственные колдуньи.

Гришка улыбнулся и сделал размашистый жест в сторону дороги:

— Давайте возвращаться.

Обратная дорога прошла в обрывочных воспоминаниях о сказках Глаши. Но Гришка, Толян и Мышка, увлечшиеся бурными спорами, не могли прийти к согласию, какая именно сказка может указывать на подоплёку реального убийства в Чёрном овраге. Рина отстранённо брела сбоку. Петька оказался рядом с Женькой. Девчонка доверчиво взяла его за руку, и постепенно они отстали от компании.

Уже войдя в деревню, парочка нагнала остальных. Компания топталась возле ворот дома Кащея. Из-за забора доносились резкие крики Натальи:

— Мерзавка! Где тебя носит?! Отец едва дышит!! Вот же паразитка на мою голову! Лентяйка беспардонная! Овца безмозглая!

Ухмыльнувшись, Гришка ехидно выдал:

— Ума палата. А всё равно баба дура.

Толян неловко поблагодарил:

— Спасибо, Григорий. Было очень интересно.

Усмехнувшись, Гришка вполголоса ответил:

— Сделайте мне одолжение. Не болтайте, куда и с кем ходили.

— А сходим как-нибудь к Красному камню?

Гришка уклончиво, но согласился:

— Может, и сходим.

Мальчишки рванули в сторону лестницы на угол, и Петька на ходу упрекнул приятеля:

— И зачем нам Гришка? Мы завтра сами сходим.

— Ты иди. А я завтра должен задание за сегодня сделать.

Ответ прозвучал нейтрально-вежливо, но Петьке мучительно, до дрожи в пальцах захотелось пристукнуть Толяна. Избавить его от муки ежедневных заданий.

19. Лучший друг

Комиссар привёз из столицы новости.

Я будто прочитала газету некрологов. Ты помнишь Дерлянскую? Она замучена в своём южном поместье. Но белыми или красными — неизвестно. Можно подумать, есть разница, какая из бешеных собак тебя загрызла.

Белолица отвлеклась от сказок, чтобы объяснить решительному Гавриле, какая я лентяйка. Готовлю плохо, в деревню хожу редко, уборкой пренебрегаю, да и доброго слова от меня не дождёшься.

Комиссар понимающе поддакивал, быстро работая ложкой. За тарелку куриного супа Гаврила выслушает и самого Самаэля.

Дик неторопливо прошествовал по деревне и зашёл в дом Ольги и Семёна. Петьку искорежило воспомина-

ние о коротком замечании Гордея Алексеевича, и он не рискнул повторить манёвр с подслушиванием на печке. Но распахнутые окна дома манили его, приглашали к продолжению шпионской практики. Петька на четвереньках подполз под третье от угла окно и чуть привстал так, чтобы оказаться максимально близко к карнизу окна, но так, чтобы его не было видно изнутри.

Размеренный голос Дика прозвучал вполне отчётливо:

— Мы остановились на том, что Вулкан получил карт-бланш на работу с Волком. Похоже, он рассчитывал, что Александра так или иначе явится проведать бывшего возлюбленного. Что же произошло?

— Волка затолкали в подвал и пустили ему пулю в лоб.

— Кто и почему?

— Нет данных. Вся документация уничтожена, если вообще существовала. Осталось только собственно дело Волка. Ты же знаешь, как бывает. Вопреки всему сохраняется ниточка, которая позволяет сделать однозначный вывод...

Гордей Алексеевич сам озвучил вопрос, который собеседник не решался задать:

— Кто мог договориться с Вулканом?

В тихом шёпоте Дика плеснулись и ужас, и непонимание:

— Не может быть... Лучший друг?

— Алексей Северов.

После выразительного молчания последовало уточнение:

— Все косвенные данные за то, что он сам Волка и расстрелял.

— Святые угодники... Значит, Север тоже...

— Он тоже писал Александре. всю жизнь писал ей длинные, сумбурные и малопонятные письма.

— Как страшно.

— В архиве помечено, что пачка неподписанных конвертов — это письма жене. Но Север обращается в них к своей нежной девочке, что, согласись, не подходит его чокнутой супруге. Серго прочитал примерно треть и сказал, что с первых строк предельно ясно, кому именно верный друг Волка изливает душу.

Дик горько припечатал:

— Вот с кого репрессии надо было начинать.

— Это ничего бы не изменило.

— Кто знает... Но где и когда Александра и Север могли пересечься?

— Какая разница? Волк познакомил друга с Александрой, и вспыхнул параллельный роман. Капризной красавице надоели нервные истерики романтика, и она потянулась к стальной надёжности прагматика.

— Я имел в виду не это. Как они встретились уже потом, здесь? Мог ли Север стать отцом ребёнка Александры?

— Слушай, зачать ребенка — дело на пару минут. А прошла целая эпоха. Да, мог. Нет, не мог. Мы этого никогда не узнаем.

Собеседники чем-то зашуршали, раздалось шипение открываемой крышки с бутылки, полилась вода. Утолив жажду, Дик спросил:

— Если у него была нежная девочка, зачем он женился на злой гарпии?

— По расчёту. Во-первых, он знал, что она быстро сбежит. Во-вторых, он притянул к себе славу жены-революционерки и удачно вписался в компанию победителей на правах своего. В-третьих, он использовал родственные связи жены в кланах старой интеллигенции. Он был умён и проницателен, но не в ракурсе любимой химии. В химии он был троечником. Однако профессура приняла его, сочтя благородным человеком.

— Жена могла притянуть к нему и неприятности.

— В то время кто угодно мог притянуть неприятности. Думаю, Север выжил, потому что контролируемые им институты получали феноменальные результаты. Север собирал их как точные механизмы, где каждый талант работал на полную отдачу. Таланты, конечно, вопили и писали про него всяческие ужасы, но сам факт того, что они могли что-то вопить, уже памятник их покровителю.

— Хм. А я полагал, что биография Севера скучна и лишена белых пятен.

— Да если бы. В письмах к нежной девочке Север вскользь, очень завуалированно, но упомянул, что всю войну поддерживал контакт с кем-то из ордена железных крестов. А именно Северу достались разработки с западного полигона. И вокруг ещё три десятилетия были нервные пляски всех посвящённых. Улавливаешь? Север не был человеком везения. Он точно рассчитал свою удачу. Он получил информацию, потому что знал, где её искать. Но кто был на другой стороне, и что Север отдал за свою удачу — неизвестно.

— Что, если подкинуть вопрос Тиру?

— Твой отец уже подкинул. Невзначай так, между прочим. Старый всезнайка от мысли, что кто-то из ордена спелся с нашим троечником, впал в обморочное изумление, и пока ещё не пришёл в себя.

— О-ля-ля.

— Не то слово. И это только одно белое пятно из тех, что смог выловить Серго. Все полагали, что письма — любовное воркование, но оказалось, что это зашифрованная метафорами и аллюзиями исповедь. Нельзя понять, о чём речь, если не знаешь, на что опираться. Север — одно сплошное заснеженное поле, и что ещё осталось на этой белой равнине, мы уже никогда не узнаем.

Нетерпеливо щёлкнув пальцами, Дик перебил это

размеренно-печальное резюме:

— Красиво говоришь. Только что в моём деле делает Серго?!

Гордей Алексеевич прибег к любимой отговорке:

— Спроси отца.

— А своё мнение у тебя есть?

— Серго учится. Как и ты.

— Но мне писем Севера не показали.

Гордей Алексеевич весело рассмеялся:

— Если бы ты видел почерк Севера, ты бы нисколько не возмушался.

Через двор Ольга остановилась перекинуться парой слов с Глебовной. Заслышав голоса гидр, Петька резво отполз от окна, забежал в огород и сделал вид, что засмотрелся на цветение кабачка.

20. Из лыка в рогожку

*Повстречала Белолица умного писателя
Лоэля. Белолице нравилось гулять с ним
по прохладным аллеям и беседовать
о высоких материях, но она скучала
на балах, ведь он не умел танцевать...
Помню я эти укромные беседки подальше
от прохладных аллей. Там такие высокие
материю обсуждались, что даже слов
не хватало, сплошные «ах», «ох», «мммм»
и тому подобные философские обобщения.
А вот в общественных собраниях такие
жаркие диспуты обычно не одобряются.
Если только танцы, да и то по правилам.
Действительно заскучаешь.*

Петьке не сиделось на месте, но приятели, как назло, куда-то запропастились. Ни Сашки, ни Толяна не было ни в одном из привычных мест сбора команды. Наконец, Петька догадался заглянуть непосредственно в дома приятелей. У Толяна было пусто. А в доме Сашки он наткнулся на примечательную картину.

Сашок и Толян изображали короткую стенку футболистов напротив двери в маленькую комнату Веры Ильиничны. Увидев Петьку, они дружно зашикали и показали на место рядом с собой. Недоумевая, Петька присоединился к друзьям.

У кровати Сашкиной бабушки сидела Рина и очень осторожно разматывала укутанные тряпками ноги старушки. Не сразу осознавший ситуацию Петька оказался неприятно шокирован запахом, который быстро распространялся от кровати. Отойдя от друзей, Петька настезь открыл окно, но через секунду раздался окрик Рины:

— Прикройте форточку! Сквозит!

Взгляд Сашки был весьма красноречив. Петька закрыл окно и уселся на лавку, решив не смотреть на происходящее.

Рина с неестественной распевной интонацией заявила:

— О-ой, бабуленька, дело-то плохо совсем...

Сашок отвернулся и отошёл. Толян сморщился, но остался стоять, наблюдая за действиями сиделки.

Рина громко спросила:

— Саша, а мать когда приедет?

— Не знаю.

— Надо скорую вызвать.

— Я вызывал уже. На прошлой неделе. Они пару уколов сделали и сказали, что в больницу её не повезут. Если привезут, её на ампутацию направят, а сердце анестезию не выдержит.

Ильинишна вмешалась в эти объяснения:

— Не поеду в больницу. Не дам резать. Дома помру. Здесь.

Сашок, не обращая внимания на бабушку, добавил:

— Врачи со скорой сказали, что в больнице будет хуже. Нужно, чтобы кто-то ухаживал за ней в больнице, приходил кормить и всё такое. А мне там жить негде.

Рина вышла из комнатки и направилась в кухню к умывальнику. Вымыв и вытерев руки, она поинтересовалась:

— А вы баней пользуетесь?

— Нет. Там пол сгнил, провалиться можно. Я к Толянну бегаю.

— Печку топить умеешь?

— Жара такая, а ты печку топить собралась?

— Ага. Воды нагреть нужно. И дом подсушить.

— Я умею. — Вклинился в разговор Толян. — Дрова есть, сейчас принесём, затопим. И воды наносим, сколько скажешь.

— Сколько сможете принести. Саша, найди тазы, корыта, вёдра. Но только те, что не для продуктов. И бельё чистое. Полотенца. Тряпки ненужные любые.

Повернувшись к старушке, Рина превратилась в улыбчивую воспитательницу детского сада, обещающую трёхлетней девочке праздник душистого мыла:

— Мы, бабушка, вот что сейчас сделаем. Выкупаемся хорошенько, в чистую кроватку ляжем, чаю вкусного напьемся и отдохнём. А уже потом будем решать все остальные проблемы...

Следующий отрезок жизни Петька запомнил как ад. Именно это короткое слово из двух букв заменяло весь остальной словарь. Пламя, дым, раскалённые круги плиты, холодные запотевшие вёдра, пар, пена, ругань, снующие туда-сюда полуголые черти, хлопающие двери — любая преисподняя позавидовала бы столь энергичному действию.

Спустя час или два Толян без сил опустился на большое бревно во дворе:

— Пристрелите меня.

Сашок понимающе кивнул:

— У Рины, наверное, есть какое-нибудь волшебное зелье. От усталости.

Петька не стал вдаваться в разговоры, а молча потащил в дом очередную порцию воды. Он никак не мог отвязаться от неприятного сожаления о том, что он не вовремя пришёл к Сашке. Ведь мог бы избежать всей этой немыслимой работы.

Когда дело дошло до чая, Петька быстро занял кресло в углу и развалился в нём, чувствуя себя на седьмом небе. Толян попросту лёг на половик. Сашок плюхнулся на лавку. Рина, несколько не утратившая энергичности, спокойно втолковывала размякшей в белой кровати Ильинишне:

— Загнала ты сама себя в мрачные мысли. А резать ничего не надо. Никакая это не гангрена. Подсушим твои ноженьки, воспаление вылечим, и на Сашкиной свадьбе первой плясуньей будешь.

Ильинишна шевельнула губами, но Петька вдруг подумал, что она вряд ли понимает, что Рина болтает. На лице старушки было выражение такого счастья и умиротворения, что казалось неловким на неё смотреть.

— Ничего больше на ноги не наматывай. Лежи как есть, без носков и валенок. Холодно будет, одеяло накидывай сверху, но не подтыкай.

Ильинишна вдруг бодро усмехнулась:

— Из лыка да в рогожку... Какие уж тут носки.

— Всю грязь мы убрали, теперь посмотрим, как заживать начнёт. Мази все эти забудь, пользы от них не будет. А вот антибиотики, что выписали, пропить надо. И нечего слушать, что в телеке дураки болтают. Да, это плесень. Да, животом помаяться придётся. Но выбор у тебя про-

стой: хочешь до свадьбы внука дожить — лечись. Не хочешь — ползи на кладбище.

Старуха вдруг перекрестилась и с пронзительной истошностью выдохнула:

— Господи, и всего-то годочка Глаша не дожила...

— Да что Глаша-то? Ей на небесах уже всё равно. Ты о своей земной жизни побеспокойся.

— Говаривала Глаша, что не послали ей небеса ученицы да помощницы. Так и не дождалась она заветной встречи. А ты вот возьми и объявись.

Рина невозмутимо согласилась:

— Да-а, колоритная была старушка, интересно было бы пообщаться.

— Ээх, всё в землю ушло.

— Что надо, само в головы пролезет. Ты, бабуленька, о пустом не сожалей. Расскажи мне лучше сказку Глашину. О разлучённых сестрицах.

— Жили-были в Лукогорье две сестрицы. Девушка Берёзушка и красавица Рябинушка. Как-то раз отлучилась Берёзушка по делам, а в дом пробрался лиходея Горюн, околдовал девушку Рябинушку и увёл в неизвестные края. Только бусы рассыпанные остались. Сняла Берёзушка свои серёжки и попросила Ветровея, чтобы разнёс он их по всей земле, чтобы проросли они белыми деревцами, чтобы увидела Рябинушка те деревья и вспомнила про родной дом. Но не вернулась Рябинушка, лишь из рассыпанных бус проросли красные деревья с огненными ягодами.

— Вот интересно. У всех Глашиных сказок есть и хорошие, и плохие концовки, есть короткие и длинные вариации, есть множество линий, которые вырастают в отдельные сказки. Но в этой сказке Рябинушка так и не вернулась. Что это может значить?

— Что ты придумаешь, то и будет значить.

— Капли крови на снегу похожи на россыпь ягод.

— Не очень.
— Вдоль реки у спуска Чёрного оврага много рябин.
— И вдоль огорода Верхиных много рябин.
— Говорят, что в двадцатые годы в здешних краях разбойничал некий лиходей. Может, он и есть Горюн?

По лицу Ильинишны прошла волна морщин, а в голосе вдруг проснулись строгие нотки:

— Говорят, ты к водяному на свидания бегаешь. Может, у него и спросишь?

Рина улыбнулась и переключилась:

— А сказки про волшебника Севера тоже выдумка без смысла? Это же целая сага, на три тома хватит. Как встретились Берёзушка и Север. Как она укуталась в снежную шубу, а он увидел кончик зелёного платочка. Как он улетел на чёрном вихре, а она догнала его с быстрой молнией. Как они вместе победили огненного великана, и как прятались от ночной тени. Чудесные истории. Я только самого финала не понимаю. Ну как это так, что он скрылся в тёмном облаке, а она села под берёзу сказки рассказывать, шарфики вязать? Не может такого быть.

Переместив сжатый пучок губ слева направо и обратно, Ильинишна заметила:

— Ты ещё очень юная сказочница. Со временем поймёшь.

Рина едва слышно фыркнула, но потом передумала обижаться и с нудной лекторской интонацией заявила:

— Я думаю, на этих землях в древности был культ берёзы. И какие-нибудь местные племена поклонялись Великой Берёзе как изначальному дереву мира. Спустя эпохи остались только сказки — архаические следы былой веры. Сюда бы этнографов, вот бы они диссертаций настрочили.

Старуха собрала лицо в одну звёздочку морщин и отвергла эту теорию:

— Сказки о берёзках я только от Глашки слышала. А Глашка сюда перебралась перед самой войной. Не знаю, из каких краёв те сказки. Прижились, потому что берёзок вокруг много. — Строго поджав губы, Ильинишна добавила. — А культов у нас нет. И не было никогда.

Улыбнувшись, Рина поднялась и попрощалась:

— Утомили мы тебя, бабушка, сказками. Всё, лежи, отдыхай. Я завтра забегу.

Сашок встал и неловко поблагодарил ведьму:

— Спасибо.

— На здоровье. Ты молодец. Здорово справляешься.

Эта короткая похвала произвела Сашку в генералы. Выпрямившись и засияв, он отправился провожать Ринку.

Вернувшись домой, Петька с наслаждением растянулся на кровати, но почти сразу ему захотелось обратно. В адский мир с чудесными сказками.

21. Ослепительный свет

И захотел Лоэль познать ослепительный свет истины. И познал великий маг порядка всё несовершенство своей идеальной возлюбленной. И вспыхнул он гневом, и сжѐг все мосты между миром порядка и страной хаоса. И осталась его возлюбленная на другой стороне вечности.

Прошѐл гнев, усмирилась гордость, стихла боль. Но не смог маг забыть свою любовь, не смог утолить тоску, не смог заполнить пустоту одиночества...

Красиво, но не имеет к реальности никакого отношения.

Лоэля свела с ума мысль о том, что его, сверхчеловека, обмануло жалкое существо, недостойное даже взгляда.

Но он не поймѐт урока. И однажды заплатится чем-то посущественнее напрасно исписанной бумаги.

Увидев, как Дик и Гордей Алексеевич выходят из магазина, Петька мгновенно развернулся, обежал дома дворами и оказался в своём огороде как раз тогда, когда беседующие мужчины толкнули калитку с улицы. Через пару минут Петька уже занял место под окнами, немного сетуя, что одно из них оказалось закрытым.

Спокойный голос Дика звучал холодно, но с острыми нотками:

— А другая часть истории? Ведь был ещё и Лоэль.

Гордей Алексеевич принялся размеренно рассказывать:

— Он любил Александру. Хотел её до умопомрачения. Жаждал ответной любви, признаний, страсти. А она в письмах дразнила его тем, что хочет замуж, что хочет настоящую семью, детей. После чего рассуждала о свободных отношениях даже в браке.

Помолчав, Гордей Алексеевич сдержанно добавил:

— Они довели друг друга до белого каления. И последовал неизбежный взрыв. Страсти, злости и невыносимости.

После паузы Дик вздохнул:

— Мне представляется, что он мог её прикончить.

Последовало быстрое сухое опровержение:

— Нет. Лоэль никогда не оставил бы своё божество в овраге.

— Пожалуй.

— Но между ним и Александрой произошёл фатальный, непреодолимый разрыв. После чего в Лоэле проявились все худшие стороны. Он купил студию танца, нанял продажных девиц, и вместе с ними проводил вечера танцевального искусства. По отзывам участников, это были натуральные оргии, во время которых он доводил себя сексом и наркотиками до истощения и потери сознания.

— Но именно тогда он написал свои лучшие книги.

— Эпатаж, жестокость, насилие и все пороки мира.

— Он выплёскивал разрушающую боль.

Короткий смех Гордея Алексеевича донёсся до Петки сухими кашляющими звуками. Потом сотрудник объёкта поделился ещё одним кусочком информации:

— Лоэль сжёг свои дневники. Он сохранил единственный лист, на котором чужой рукой написана всего одна загадочная фраза. Мистика этого пророчества до сих пор не дает некоторым умам покоя.

Повисла долгая пауза. Гордей Алексеевич молчал, и в пространстве нарастала напряжённость. Наконец, прозвучало само пророчество:

— «Ты познаешь свет, Лоэль. Ослепительный свет истины принесёт порядок в твой дом. Под знаком солнца. И всё сбудется, как загадано». Примерно так в переводе. Но на русском звучит и жёстче, и безнадежнее.

После ещё одной затянувшейся паузы Дик только и сказал:

— Да уж...

— Фраза построена так, словно это поздравление ко дню рождения. Но пожелание Александры оказалось мрачным, жестоким и неотвратимым проклятием, смысл которого Лоэль вряд ли понял сразу. А когда понял, было уже поздно хоть что-то изменить.

С болью в голосе Дик подвёл некий итог жизни Александры:

— Какой талант. И какая потеря. Так знать, понимать, чувствовать мир — и безвестно сгинуть в родном поместье...

Воцарилась тишина. Где-то в деревне пели девчонки, откуда-то приносило едва слышное кукование, но из дома не доносилось ни звука.

Наконец, Дик подал голос:

— Вокруг смерти Лоэля столько домыслов и слухов. Есть достоверные сведения о том, как именно он погиб? В официальную версию верится с трудом.

— И, как ни странно, она близка к реальности. Через три года после войны Лоэль выпрыгнул из окна психиатрической больницы. До этого у него было три попытки суицида, и я полагаю, кто-то позаботился о том, чтобы он получил возможность последнего полёта. Слухи о его бегстве в Южную Америку — красивая легенда, но не более того.

— Даже так...

— Отец его жены был евреем. И жена, и обе дочери Лоэля погибли в Равенсбрюке.

Дик удивился:

— Неужели он — уж он-то! — не мог ничего сделать?

В ответе Гордея Алексеевича прозвучала горечь:

— Как раз такая самоуверенность его и сгубила. Он полагал, что ему нечего бояться, потому что он велик и всесилен. Но ему не следовало высмеивать друзей фюрера. Один из них затаил обиду и нанёс ответный удар. Есть свидетельства, что он сам привёз Лоэля к газовой камере — полюбоваться тем, как насмешник будет выть и сдирать ногти о стены.

— Нда. Так себе величие оказалось. А вот ты понимаешь, что такого было в нашей княжне, что титаны уровня Лоэля мало того, что прогибались перед ней до состояния ковриков, так ещё и умом повреждались от её писем и объятий?

Гордей Алексеевич саркастично разъяснил:

— Тебе ещё предстоит прогнуться. Тогда поймёшь.

Дик пренебрежительно фыркнул, эксперт невозмутимо продолжил:

— Магдалена Хоуп обещала нам помощь. Мы получим копии всех писем Александры и её адресатов. В обмен на копии тех, что сохранились здесь. Есть шанс выстроить хронологию всех трёх роковых романов Александры и проанализировать тексты по порядку. С Лоэлем Александра исповедовала мрачный гностицизм, в то время как с Волком беседовала как яростный агностик. Мы пробуем вывести эту лицемерку на чистую воду. Понять, кем эта ведьма была наедине с собой.

— Ничего себе. Сама Магдалена обещала? Кому же это удалось с ней договориться?

— Спроси отца. — Выждав несколько секунд, эксперт добавил. — Но ответ тебе не понравится.

Дик выплеснул раздражение:

— Опять Серго? Да?! А можешь мне объяснить, почему Серго занимается историей в тёплом кабинете? И почему меня сослали в дальнюю деревню вместо того, чтобы познакомить с Магдаленой?

— Твой отец не хочет, чтобы ты был всего лишь инфантом.

— То есть в талант Серго он верит, а в мои способности — нет?

Со стороны улицы донёлся крик Сашки:

— Петюныч! Петюха!

Быстро пригнувшись, Петька на четвереньках заполз за угол дома, а затем пролез на соседский огород. Разговаривать с приятелем и даже просто видеть его Петьке почему-то совсем не хотелось.

22. Тайны болота

Ждала Белолица кольца от принца, да не дождалась. Надеялась на признания витязя, да обманулась. Мечтала о спальне писателя, да не учла, что богатая жена писателя не одобряет юных поклонниц мужа в своей постели. Вспылила Белолица и выкрикнула заклятие отмены всех волшебных желаний...

Опять враньё. Не было криков. Было тихое бегство к маме. А я осталась во всём безобразии единственной виноватой. Ты уехал. Волк синяков наставил. Лоэль собирался пристрелить, но не догадался, что я в больнице оказалась. Оставил на столе в мансарде пятистраничный меморандум о нелюдях, подлежащих уничтожению.

Я чуть в монастырь не ушла.

Несколько дней ничего не происходило. Потом к Гордею Алексеевичу явился один из его сотрудников — тщедушный мужчина по прозвищу Куч. Несмотря на то, что начальник не одобрял превращения своего временного пристанища в круглосуточный офис, а всей работы в безостановочный марафон, люди с объекта притаскивались обсудить свои идеи непосредственно к его кровати и в любое время суток. Поэтому Петька не удивился, увидев, как Куч раскладывает вдоль рядок большие листы с рисунками каких-то амёб.

При виде этого украшения огорода Гордей Алексеевич только обречённо вздохнул. Куч поделился своими выводами:

— Строили терем, вероятно, костромские мастера. Но догляда за стройкой не было, они и схалтурили. Кирпичный подклет крепкий, надёжно выложен. А вот второй этаж каркасным сделан. Сзади на обшивку сырые доски пустили. Оттого стены и сгнили так быстро.

— Вокруг по лесочку прошли?

— А что толку? Гэбешники вывезли всё, что могли. Ни скрепки, ни кнопки не оставили. Огузкин в самых зарослях сигнал слабый почуял, сутки ковырялся, вилку нашёл. Серебряную, но в чёрной корке. Матерился два дня.

— Давай к делу. Что с болотом?

— Красивый пример, как люди изменяют ландшафты. При царе Горохе небольшой ручеёк запрудили, чтобы карасей таскать да простыни полоскать. Потом веками плотину подсыпали, берега расширяли, корыто дна пакостью всякой выстилали. Однажды ручей ушёл вниз и теперь сетью капилляров течёт под дном пруда и под плотиной. Вода медленно, но верно затягивает всё вниз. А сверху ил, заросли, трава.

— Нда. И получилось болото.

— Все местные знают, что ходить по отмелям берега опасно. И не зря. Петрович вон кружечку уронил и потянулся достать. Ноги в иле увязли, и всё, выйти не смог. Мы на вопли прибежали, смотрим, Петрович на мелководье плещется, орёт белугой. Ржали минут десять. А вытаскивали мы его оттуда больше часа. Втроём.

— Я наслышан.

Вздохнув, Куч начал тыкать пальцами в нагромождения амёб и стрелок на карте:

— Шесть локаций со стороны терема. У дальнего берега восемь. И десять со стороны леса. Итого двадцать

четыре. И есть ещё с полсотни мелких пятен.

— Вот напасть...

— Очевидно, что для лукогорцев самый простой способ избавиться от ближнего — столкнуть его в болото. Локации, что у дальнего берега, аккуратной кучкой лежат. Недалеко от линии мостков, которые по рассказам местных рухнули уже после войны.

— Тихая русская деревня. Все овраги в костях, всё болото в трупах. Удивительно, что вокруг терема ограды с черепами нет. Хорошо бы смотрелось.

— Будем осушать?

Гордей выразительно поморщился:

— Я что, интеллектом похож на Петровича? Ты только вдумайся. Допустим, я пригоню технику и раскопаю эти вековые залежи. Угробим мы на это всё лето и всю осень. Найдём мы пусть не двадцать, а десяток тел. И половина из них окажется с очевидными свидетельствами нелюбви ближних. Ты представляешь, как мы будем по каждому случаю идентифицировать личность убиенного и собирать доказательства того, что страдалец не был связан с княжной, потому что умер за двадцать лет до её рождения?

Кивнув, Куч заговорщицки понизил голос:

— Значит, никаких тел?

Строго сведя брови, Гордей пояснил:

— Много мелких локаций, ни одна из которых не может быть определена как заданные для поиска объекты.

— Понял.

Раздраженный голос Ольги вмешался в беседу:

— Никто у нас ближних в болото не сталкивает. Да и не ходим мы в той стороне.

Петькина тётка стояла, облокотившись на столб крыльца и скрестив руки на груди. Обсуждение экспертов затронуло какую-то чувствительную струнку в её душе, и она поспешила на защиту односельчан.

Гордей бесстрастно ответил:

— Сейчас нет. Но сто лет назад заросли на берегу, противоположному терему, не подходили вплотную к воде, как сейчас. Там по твёрдому грунту шла хорошая тропа. И со стороны терема строители прочистили берег. Так что пройти можно было и там, и там. Вероятно, летом ходили по дальней тропе, потому что по ней не надо было переходить плотину. Но зимой, когда болото замерзало, ходили со стороны терема, потому что это короче, можно срезать путь между теремом и лугами.

— Да зачем там вообще ходить?

— Машин не было, конь с телегой — роскошь, особенно после гражданки. Единственный способ путешествий — на своих двоих. Со стороны Сидаково самая короткая дорога к тракту проходила вокруг болота и мимо Чёрного оврага. Можно, конечно, и правее забирать. Но там подъём в гору крутой, по непогоде скользкий. Так что это был совсем не безлюдный лес. Лапотники на заработки по нему ходили.

— Можно подумать, туда-сюда демонстрацией шествовали. После революции народа что в Сидаково, что в Лукогорье вполтину меньше стало. Ушли люди — и без возврата. Да и сколько было тех, кто ещё мог куда-то ходить? Роскошь, не роскошь, а на телегах по дороге через Лукогорье всё же ездили, подобрать ходока — подобрали бы. А по лесу если только лиходея какой хаживал, по своим тёмным делам.

Гордей кивнул головой:

— Так, наверное, оно и было.

Высокомерно вскинув голову, Ольга добавила:

— А возле мостков утонуло стадо Медведева, кулака из Сидаково. Когда постановили, что он должен всё в колхоз отдать, он своих коров, телят и коз сам в болото загнал.

— Спасибо, Ольга. Это важная информация.

Ольга остервенело звякнула случайной посудиною и заявила:

— Будете раскапывать болото, души детей потревожите.

— Каких детей?

Певучесть исчезла, а вместо неё в голос Ольги вплелась вкрадчивая злость:

— Жила в Сидаково страшная баба Тычиха. Сил и здоровья боженька ей отсыпал сверх меры, а умишка дать забыл. Пила Тычиха столько, сколько и рота солдат не выпьет. И путалась с любым кавалером, кто хоть фантиком её в кусты поманит. Раз в год рожала Тычиха ребёночка. И относила его к болоту, чтобы бросить с плотины в топь. Болото наше сильное, но медленное. Долго младенцы плакали, в тине бились. А Тычиха смотрела, как они умирают, и смеялась. Весело ей то было.

Куч побледнел и замер с полуоткрытым ртом. Ольга добавила:

— Встанете в тихую ночь на болоте — увидите клочок тумана, на ребёночка похожий. Будто бьётся дитя, пытаются выбраться. Это дети Тычихи о себе напоминают.

Гордей Алексеевич снова поблагодарил:

— Спасибо, что поделились.

Торжествуя улыбнувшись, Ольга скрылась в доме. Гордей вздохнул и тихо прокомментировал:

— Лукогорская программа вечерних сказок представляет: наши милые истории о младенцах на болоте. Приятных сновидений, дорогие гости.

Куч очнулся и пробормотал:

— Я видел. Будь я проклят, я видел душу.

Закрыв лицо рукой, Гордей мрачно согласился:

— Конечно, видел. Теперь ты ещё и не то увидишь.

23. Двуличный идеал

*Воспоминания о кавалерах иссякли,
и Лекса опять болтает о сокровищах.
Далась ей эта глупая фантазия. Как
объяснить, что даже если Лекса явится
в колхозную лавку в компании золотых
императоров, её не обернут в шелка,
и не усадят в бархатное кресло?
Акулинка сделала из старой шубы княгини
красивую накидку. Я испытала неудобное
желание забрать её обратно. Если бы я
одела такое в Париже, была бы
королевой.*

Несколько дней Петька торчал рядом с Семёном, выматываясь не столько его поучениями по части ведения сельского хозяйства, сколько тряской по всем ухабам, какие только нашлись в окрестностях Лукогорья. Мелкая трясушка накрывала Петьку даже ночью, и когда очередной воспитательный порыв дядьки иссяк, он блаженно валялся в постели дня два, едва находя в себе силы выползти хотя бы во двор. Ольга поглядывала на племянника снисходительно, но воздержалась от комментариев, за что Петька был ей душевно признателен.

В конце недели к Гордею Алексеевичу снова приехал Дик, но на этот раз Гордей не стал изгонять Петьку, хотя он и сидел практически в центре горницы, под портретами деда и бабки.

В руках Петьки болтался массивный том, посвящённый приключениям индейцев, но мозг мальчишки сам собой настроился на чужой разговор. Поначалу Гордей и Дик обменивались малоинтересными подробностями

обмывания чьих-то новых погон. Но потом беседа пришла и к обсуждению лукогорских событий.

Гордей Алексеевич со значением упомянул:

— Серго, начитавшись излияний Севера, выдвинул неожиданную идею насчёт истинной природы лукогорской ведьмы. Поначалу она казалась абсурдом. Но Серго не стал ждать милостей от Магдалены, и в своей любимой манере пошёл на таран.

Дик с решительностью откликнулся:

— Перестань хвалить Серго. Давай к делу.

— Серго нашёл каких-то умников в университете. Они проанализировали лексику, стилистику, литературные тонкости известных писем Александры и пришли к выводу, что философские, исторические и прочие умные рассуждения придуманы одним человеком, а примитивные стишки и сплетни — другим.

Дик сморщил нос и после паузы переспросил:

— Александра делегировала эпистолярную часть своих любовных приключений кому-то ещё?

— Можно сказать и так, что другая девица использовала Александру как красивую ширму в своих эпистолярно-романтических приключениях. Видишь ли, почерк писем Александры-умницы не совпал с единственным образцом почерка Александры-девочки, который Серго раскопал в музее личных коллекций.

— Значит, Александра не писала Лоэлю про драконов?

— Нет. Все шестнадцать страниц блестящей иронии вперемешку с неприличиями придуманы и написаны другой девушкой.

— Две ведьмы вместо одной? Теперь понятно, почему у титанов предохранители плавилась.

— Титаны восхваляли Александру как идеал красоты и ума, как совершенство во всём. Но Александра водила их за нос. Она посылала им чужие тексты и, вероятно,

выучивала какие-то фразы, чтобы ввернуть их в разговор. Можно было и не стараться, потому что как раз до разговоров дело не доходило, от вида её обнажённых плеч у титанов не то, что предохранители, а и целые трансформаторы сгорали синим пламенем.

— Бедолаги...

— Помнишь, мы обсуждали, что Лоэлю было бы сложно принять беременность совершенства. Но он и сам не от святого духа родился. Представь, что он обнаружил двуликость своей сверхженщины. Понял, что его идеальный экстаз слияния тел и сознаний — заблуждение. Более того, чистый кристальный разум его любимой во время идеальных слияний находился в каком-то третьем теле. И этот разум мог про экстаз вообще ничего не знать. Или даже пребывать в каком-то своём, отдельном экстазе.

Дик весело хохотнул:

— Хаос!

— Ага. Именно этим Лоэля и разломало. А Волка довело до психушки эмоциональное неприятие собственного чувства к фантому. Выяснив правду, титаны стабильно теряли ориентацию в мире, потому что любовь не регулируется выключателем. Они продолжали любить сдвоенную личность, которой в действительности не существовало. И несбыточность, трагичность этой любви была её же катализатором.

— А Север?

— Он не позволил себе раскиснуть. Но, согласись, его женитьба на неадекватной грубиянке тоже наводит на размышления о неслабом психозе.

— Зачем же второй девице нужен был столь изощрённый план? Красота — дело хорошее, но титаны не отвергли бы и просто умницу. Ну, может, если только Лоэля пришлось бы дольше охмурять красивыми словами...

— Думаю, девица пыталась обратить их внимание

на себя, но в те времена к таким, как она, заведомо относились как к умственно отсталым. Она могла произвести впечатление только в письмах.

— И кто же эта вторая девица?

— Анастасия Кузнецова.

Дик недоумённо пожал плечами, и Гордей Алексеевич холодно улыбнулся:

— Если ты хоть немного напряжёшь мозг, ты сообразишь.

Пару минут Дик что-то вспоминал и даже сделал нескольких жестов, как если бы решал в воздухе пример на сложение в столбик. Потом он догадался:

— Есейкин лапоть...

Гордей Алексеевич засмеялся и отверг это предположение:

— Нет, не он.

Потрясённый Дик эмоционально взмахнул руками:

— Поверить не могу...

— Придётся.

— Так она не умерла!

— Умерла, к сожалению. Но не в лесу и совсем в другой эпохе. Лукогорская ведьма прожила очень долгую жизнь.

Всплеснув руками, Дик эмоционально сообщил:

— Господи... А ведь отец собирается притащить сюда Тиира.

— Это будет очень и очень забавно.

— Но я, честно говоря, удивился, когда узнал, что Тиира интересует наша забытая деревушка.

— Ты веришь во всю эту болтологию вокруг магии?

— Не очень.

— И правильно. Тиира потрянуло инфарктом. Он перепугался и нашёл повод встретиться с твоим отцом. Как бы ни менялся мир, они друзья детства. У тебя много друзей, которые разделяют с тобой последний кусок хлеба?

Ты не знаешь. А они знают. Во всех их неистовых стычках и сражениях есть невидимый план защиты друг друга. Это противоречие уже несколько десятилетий спасает наш мир.

— Но в учебниках истории об этом не напишут.

— Учебники — это всего лишь учебники.

— Но если Тиир узнает правду про Александру...

— А зачем ему узнавать?

Гордей резко повернулся и подмигнул мгновенно окаменевшему Петьке.

Часть 3

24. Старый колодец

Ах, пастушок, пастушок...

*Не ходил бы ты, пастушок, на наш
скользкий бережок. Здесь дым гнилой
по топким ямам ползёт, Здесь мох
ядовитый на старых пнях растёт...*

*Не так давно я воображала себя
счастливой пастушкой, весело
танцующей среди коров и коз.*

*И подкарауливала Никитку, когда он
возвращался вечером в деревню. Теперь я
знаю, что он регулярно бьёт Акулину.*

*И не по пьяни, не по злобе, а в силу
убеждения, что только так и надо
обращаться с никчёмной бабой.*

*Безнадёжность. Ты ведь тоже
чувствуешь это? Да, Север?*

Деревенские дела шли своим чередом. Семён ругался с трактористами, Тихон отбрыкивался от каких-то проверок, к которым давно не имел никакого отношения, Тонька таилась от районной инспекции, а Клавка, наоборот, вдруг рассекретила свой талант рукодельницы, выйдя к магазину в роскошной вязаной шали.

Сашок пристроился на побегушки к Жорке — подавать доски да гвозди. Копеечная и никчёмная работа его выматывала, и он отказывался от прогулок и рыбалок. Толян уехал на неделю в город, а вернулся с книжкой про

атомы, на первой странице которой красовался размашистый автограф автора. Два урока этого автора произвели на Толяна сильное впечатление, и Петьке стало казаться, что приятель живёт на каком-то атомарном уровне, не воспринимая обычный мир.

Рина выходила из замка Кашея, но ненадолго, и эти выходы случались не каждый день, в разное время. Пару дней Петька пытался ненавязчиво подкараулить момент появления затворницы, но так её и не дождался.

Поздно вечером в субботу Рина постучалась к нему сама. Точнее, конечно, не к нему, но открыл ей дверь именно Петька. Рина несмело шагнула в большую комнату и застыла, тихо выдавив:

— Здравствуйте.

Семён оторвался от созерцания газеты и недоумённо уставился на гостью. Лукогорцы не утруждались ожиданием приглашения войти, поэтому остановка Риной у самого входа вызвала у Семёна некоторое подсознательное затруднение. Пока он собирался с мыслями, Рина быстро и тихо залепетала:

— Простите за беспокойство, Семён. Извините, я не знаю, как вас по отчеству. Я могу с вами поговорить? Я не знаю, где Тихона Ивановича найти. А надо кому-то рассказать.

Семён приглашающе махнул рукой, показывая на ряд стульев у стола. Мелкими осторожными шажками преодолев примерно метр, Рина взволнованно продолжила:

— Это на пустоши. Яма. Старый колодец. Глубокий, не могу даже сказать, насколько. Увидеть его невозможно, верхние брёвна заросли травой так, что она сплошным ковром дырку закрывает.

Скисшее выражение лица Семёна было более, чем красноречиво. Но Рина умолкла, и Семёну волей-неволей пришлось начать расспросы:

— Колодец? На пустоши? Откуда он там взялся?

— Да всегда, наверное, был. Он зарос совсем, его не видно. Солдатики приезжие там всё утоптали так, что места укромного не осталось. Я с тропинки отошла, чуть в сторону... И ногой сорвалась, в яму эту. За куст ухватилась и вылезла. А потом заглянула вниз... и увидела её.

Семён нетерпеливо вздохнул и вопросительно уставился на гостью. Рина переступила с ноги на ногу и добавила:

— Она, может, упала случайно.

— Кто она?

— Я не знаю.

— Ты скорую вызвала?

Рина обвела взглядом избу и вздохнула:

— Скорая ей не поможет.

Пока до сознания Семёна добиралась эта новость, Рина начала объяснять:

— Там темно совсем, я бы и не разглядела ничего. Но сегодня луна почти полная. Я как глянула, а там лицо. Только глаз нет. Дырки. Может, птицы выклевали.

От этого пояснения в доме будто стало холоднее.

Семён сердито спросил:

— Ты её вытащила?

Прижав к себе руки, Рина съёжилась и виновато опустила голову:

— Нет. Мне не по силам.

Семён, немного смутившись такой реакцией, более спокойно уточнил:

— Сегодня темно уже, толку от наших метаний не будет. Завтра с утра пораньше покажешь, где это. Место запомнила? Или козой напуганной сбежала?

— Я запомнила.

После паузы Рина едва слышно промямлила:

— Семён, а вы не могли бы... не говорить, что это я её нашла? Если Наталья Петровна узнает, что я ушла без

спроса, она меня уволит.

— Это же не поход на танцульки. Ты понимаешь?

Обречённо кивнув, Рина почти прошептала:

— Понимаю.

— Иди домой, постарайся выспаться.

Кивнув, Рина выскользнула за дверь. Семён гулко крикнул, тяжело вздохнул и начал переодеваться, собираясь принести соседям дурные вести.

25. Ожидание

*Зачем эта идиотка полезла в курятник?
Ну, захотелось ей омлета. Так
сказала бы — и получила бы свой омлет
через двадцать минут. Нет, потянуло
на подвиги крестьянские. Лежит теперь,
вся в страданиях. Мало мне других
хлопот.*

*А Пеструшка разгуливает по двору
с гордым видом. И откуда она такая
взялась? Для курицы у неё слишком уж
умный взгляд.*

Устала. Пишу ерунду.

Экспедиция на пустошь в составе Семёна, Тихона, Михалыча и Кольки-комбайнёра собралась сразу после завтрака.

Петька, быстро умяв всю порцию овсянки, тоже потянулся к кедам, но Семён сердито пресёк его попытку отправиться к загадочному колодцу:

— А ты куда это собрался? Сиди, жди.

Сидеть и ждать. Сидеть и ждать. Да любая пытка ми-

лостивее этого огненного потока в крови, электризующего клетки! Сидеть. Ждать. Не может Петька сидеть! И ждать не может!

По телевизору передавали нечто унылое. Во дворе и на улице ничего не происходило. В доме было пусто, тягостно и невыносимо. Когда Петька уже собрался нарушить распоряжение дяди, вернулась Ольга и поделилась:

— Нашли пропавшую Ларку. Упала она в яму на пустоши, покалечилась, а на помощь позвать не могла. Сиделка Кашеева под счастливой звездой родилась. Ещё бы полшага — искали бы мы сегодня её. И не факт, что нашли бы.

Развивать тему уставшая тётка отказалась, и Петька опять оказался в вакууме неподвижного времени.

Прошло ещё часа полтора, и в дом ввалился мрачно-серьёзный Семён. Ольга вздохнула и усадила его за стол, водрузив перед ним тарелку горячей ухи. Семён принялся молча и деловито уплетать еду. Немного утолив голод, он начал рассказ о событиях дня.

— Хорошо, что девчонка додумалась что-то вроде вешки оставить — палку воткнула и носок свой на неё намотала. Без подсказки ты эту погань не увидишь. Прямо на углу старого сруба два куста растёт, да и травы кругом много. Зимой снег ляжет и не провалится. А провалится — не заметишь. Да и много ли мы приглядываемся к пустоши-то?

Тихое позвякивание ложки. Тикание старых ходиков на стене.

— В колодце не только Ларка. Под ней ещё тело. Глубина небольшая, метра три, ниже яму затянуло землёй да песком, на дне и воды-то три ложки. Но по весне вода наверняка под самый верх подходит.

Натужный скрип деревяшки на крыльце. Хлюпающий звук зачёрпнутой и вытягиваемой из тарелки гуши.

— Постоялец наш местных ментов вызвал. Сказал, что не его профиля проблема. Тела увезли на экспертизу. А завтра к нам какие-то другие спецы разбираться придут.

Шорох ёрзающего по полу стула. Шуршание юбки.

— Петька, на носу себе заруби: на пустошь ни ногой! Попробуешь с дружками в колодец залезть — клянусь, выпорю! Книжек вон полно. Сиди, читай!

Ольга сдержанно кивнула, полностью одобряя это наставление, а потом грустно вспомнила:

— Принцесса одинокая в лесу нашлась. Теперь вот и чёртова дыра на пустоши показалась. Сбываются сказки Глаши.

— Не нужны нам такие сказки. Завтра же с Тихоном поговорю. Как только чужие уедут, мы тот колодец зароем. Трактор подгоним, всех дел на день-два. И заросли повырubaем. Берёзки посадим, сосенки. Хватит джунгли эти терпеть.

Семён углубился в теоретизации насчет того, как он за день-два возведёт на месте пустоши город-сад. Ольга не мешала этому приступу говорильни, расторопно подливая супа в тарелку уставшего мужа.

26. Вы его знаете

*Золото, драгоценности, богатства...
Только кто же прячет сокровище
в дальнем углу, где его не достать в случае
надобности? Князь спрятал ящики
с вензелями в надёжном подвале. Но он
не просчитал, что подвал может
оказаться в другом измерении.
И было бы куда проще, если бы в ящиках
было золото. Только князь потратил
состояние на старые бумаги. Его
сокровище — большая коллекция
родословных. Кто, когда, у кого и от кого
родился. Увы, матрикул
чернокнижника — не то сокровище, что
приносит счастье.
Я знаю, где эти ящики. И что нам
с того?*

К вечеру следующего дня над Лукогорьем повисла тишина.

Останки ещё одной женщины из колодца удалось быстро опознать по ярко-зелёной синтетической кофточке, которая не сгнила в колодце.

Нинка Брюшкина из Таракашкино уехала в столицу и пропала там позапрошлым летом. Это исчезновение связывали с желанием девушки покорить столицу, о котором она не раз заявляла. У Нинки не было чётких планов этого самого покорения, и где конкретно искать Нинку в столице, никто не знал. Мать подала заявление об исчезновении, но она же грозилась убить дочурку, ес-

ли та вернётся. Проявлять активности в поисках было некому. И Нинка стала одной из многих девушек, бесследно теряющихся в многомиллионном мегаполисе.

Увы, теперь стало ясно, что Нинка исчезла совсем не в мегаполисе.

Местные спецы по уголовным расследованиям мудрствовать не стали, а сразу направились в дом Масловых. Гришку в наручниках усадили в яркую машину и увезли. Ксанка проводила машину злобным взглядом исподлобья, но молча.

Промолчали и старухи на лавочке, и бойкая Тонька, и мужики на перекуре у ангара Жорки. Сказать было решительно нечего.

Единственным человеком, кто решил поговорить о случившемся, стал Гордей Алексеевич. После ужина он неторопливо обратился к Семёну и забежавшему на огонёк Тихону:

— Моя интуиция выдала вам обоим значки невиновности. И я хотел бы донести до вас некоторую информацию. Формально я не должен этого делать, но кому-нибудь из местных девчонок может спасти жизнь лишняя минутка осторожности.

Тихон понятиливо кивнул, как всегда кивал каким-нибудь случайно заезжим районным властям.

— Ненавязчиво внедрите в юные умы мысль о том, что вольные и одинокие прогулки по лесам, полям и болотам в текущем периоде времени небезопасны.

Теперь хмуро кивнул Семён.

— Жертвы задушены. Сценарий убийств один и тот же. Девушка лежала на спине. На полу или на плотно утрамбованной земле. Убийца стоял рядом на коленях, держал двумя руками за горло и душил. Характер травм идентичен, оба убийства совершил один человек. Подозреваемых много, и отрабатывать их будут медленно.

Семён и Тихон переглянулись и насупились.

— Экспертизы займут какое-то время. Но главное и без тонких изысканий очевидно. Убийца — мужчина, среднего или высокого роста, правша, размах между большими и указательными пальцами выше среднего. Следов сексуального насилия не обнаружено. Но исключить то, что у девушек могли быть сексуальные отношения с убийцей, нельзя.

Петька заёрзал. Сказанное покорило чувствительный уровень его сознания, о котором он до сих пор и не подозревал.

— Убийца знал про колодец. И знал, что в деревне про него давно забыли. Он использовал колодец, чтобы спрятать тела, но сами убийства происходили в другом месте. Не скажу, что пустошь похожа на Бродвей, однако если бы кто-то при свете белого дня потащился на пустошь с трупом на плечах, вы бы об этом узнали. Наиболее вероятно, что трупы выносили ночью, в промежуток между полуночью и рассветом.

Петька вспомнил свои ночные прогулки и резко замёрз.

— Всё это позволяет предположить, что убийца — местный, он здесь вырос или провёл много времени. Он досконально знает местность и хорошо ориентируется на пустоши даже в темноте. Убийства совершены где-то в деревне, но вряд ли в доме. Сарай, амбар, хлев — это какая-то подсобная постройка, где достаточно много места, и где легко убрать все следы и улики.

Семён пошевелил губами, но ничего не сказал. Петька мысленно пробежался по сараям и амбарам, осознавая, что всевозможных подсобок в Лукогорье в разы больше, чем собственно жилых домов.

— Жертвы похожи по нескольким качествам. Обе девушки не сказать, чтобы были откровенно корыстными, но они любили подарки. Обе болтали о том, что уедут

в столицу. Обе были русоволосыми, светлоглазыми, обе зачёсывали хвост высоко на затылке. И обе использовали косметику, в частности, ярко-красную помаду.

«Как и почти все лукогорские девушки» — мысленно додумал Петька.

— Удушение руками как способ осознанного и запланированного убийства встречается редко. Можно предположить, что первое убийство было спонтанным. Убийца рассердился и в гневе задушил девушку, которая ему отказала или сказала что-то невыносимое. Но её конвульсии и судороги могли произвести на убийцу очень определённое впечатление. Возбудить, пробудить интерес к исследованию этой стороны женской природы. Не исключено, что убийца получил сексуальную разрядку без собственно секса.

Петька вдруг понял, что ничего этого не хочет знать. Может, убежать?

— Если эти выкладки в той или иной мере верны, второе убийство стало лишь проверкой, а всегда ли так происходит. Прошло время, убийца «созрел» и воспроизвёл обстоятельства первого преступления. Нет сомнений, что он будет делать это снова и снова.

Семён тяжело вздохнул, и этот вздох отозвался внутри Петьки волной страха. Тихон возмущённо побряхтел, маскируя за привычными звуками растерянность. Гордей холодно продолжил:

— Он где-то среди вас. Вы его знаете, вы видите его если не каждый день, то так часто, как и любого другого односельчанина. Присмотритесь друг к другу.

Тихон чуть заискивающе спросил:

— А вы нам поможете?

— Я не занимаюсь уголовными расследованиями. Я специалист по древним захоронениям. Если я увижу что-то важное, я, разумеется, поделюсь этим со следователями, а, возможно, и с вами. Но мне не увидеть того,

что знаете вы.

Семён и Тихон мрачно переглянулись, и Гордей, криво улыбнувшись, добавил:

— Я вам скажу, кто точно не убийца. Григорий Маслов. Он отбывал срок во время первого убийства, а значит, не совершал и второго.

— И почему его первого замела наша доблестная милиция?

— По порядку.

Семён грубо ругнулся. На этом беседа и закончилась.

27. Защитница

Ты шёл мимо меня. Спокойно, уверенно, равнодушно. Как будто не поймал мой удивлённый взгляд, как будто не заметил, что я случайно оказалась на твоём пути. Бородка, пальто, котелок, тросточка — ты был похож на богатого промышленника.

А на мне болталось поношенное платье с чужого плеча, у моих ног стоял битый чемодан, и я не знала, куда спрятать свои руки в пятнах от реактивов. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Но когда ты начал меня ругать, я почувствовала себя счастливой. И я не запомнила ни слова из твоих упрёков. Ты стоял рядом и разговаривал со мной. Да я могла бы слушать твои грубости всю жизнь!

*Потом ты резко бросил: «Нечего сказать? Красноречие потеряла?»
Я растерялась. Я думала, ты знаешь. И я достала карточки, чтобы объяснить.
«Я немая». «Я всё понимаю, но не могу говорить». «Я могу написать».
Ты постоял молча, а потом отвернулся и ушёл. Ты разбил мне сердце!
Так давно тебя не видела. Скучаю.*

За пару дней Лукогорье немного успокоилось и переключилось на свои дела.

Но очередное вечернее явление Рины повергло и Ольгу, и Семёна, и самого Петьку в тревожное ожидание неприятностей. Проямлив «здравствуйте», Рина снова осталась стоять у двери, и если бы не Гордей Алексеевич, пауза могла бы затянуться на несколько минут.

— Проходи, не стесняйся. Что-то ещё случилось?

Рина сумела преодолеть расстояние до стола и тихо пробормотала:

— Вы простите за беспокойство, Гордей Алексеевич. Я не знаю, с кем поговорить, но надо же сказать. Извините, я не хотела помешать...

Эксперт с холодной улыбкой констатировал:

— Но помешала.

Ольга тихо всплеснула руками, уставившись на гостью с лёгким беспокойством. Рина сбилась и замолчала.

Гордей Алексеевич уточнил:

— Это ведь ты та непоседа, что в забытые колодцы проваливается?

— Я Рина. Точнее, Марина. Марина Григорьева.

Эксперт чуть качнул головой:

— Так в чём дело, Рина?

— Ваши люди... Они забрали Григория Маслова. Но это ошибка. Он не мог убить первую девушку. Он в тюрьме в это время сидел. Это же алиби, да? А раз он не убивал первую, то не убивал и вторую.

— Не убедила. В криминальных хрониках достаточно примеров преступлений-подражаний. У маньяков это общее место. Они любят друг у друга опыт перенимать.

— Вы видели его жену? Красивее Ксанки, может, в целом мире женщины нет. Гришке не нужны другие женщины. Он не нападал на них.

— Наличие красивой жены — не алиби.

— Вы поймите правильно, я нисколько не сомневаюсь, что ваши сотрудники разберутся. Но для Григория это плохо, ему и так сложно привыкать к простой жизни.

— А ты Григорию кто?

— Никто. Я сиделка. Я у Петра Борисовича Кашкина работаю.

— А если ты никто, отчего стресс Григория настолько тебя взволновал, что ты сочла необходимым явиться сюда?

Рина, вероятно, готовилась к такому вопросу, потому что её ответ прозвучал гладко и спокойно, хотя в этой гладкости таилось напряжение:

— Один из моих предыдущих подопечных рассказывал мне о том, как ему было сложно вернуться в мир обычных людей. Я приняла эти рассказы близко к сердцу.

Петька был уверен, что Гордей попросту выставит Рину с какой-нибудь нотацией. Но эксперт указал сиделке на стул возле стола:

— Сядь, защитница.

Вздохнув, Гордей сдержанно объяснил:

— Я не работаю в органах внутренних дел. И Григория задержали не мои сотрудники. Мы научные работники, и в нашей компетенции исследование тел и улик. Причём многовековых тел и тысячелетних улик. Меня

и мою команду пригласили изучить останки из леса. Я не могу повлиять на уголовное расследование.

Рина кивнула, ухитрившись простым движением выразить и понимание, и разочарование. Гордей невозмутимо попросил:

— Ты была в компании детей, нашедших кости в овраге. Опиши мне свои чувства.

— Да не было у меня никаких особых чувств. Мне едва удалось сдержаться, чтобы зубы торчащие не потрогать. Толян меня одёрнул, сказал, что мы навредим. Если бы не это, я бы и откапывать её сама начала.

— И никаких зловещих ветерков вокруг? И никакого предчувствия?

Рина замялась, но потом тихо призналась:

— Мы долго ходили. А я не завтракала. Я не думала ни о каких ветерках. Мне очень хотелось есть... Да и не боюсь я ветерков. Подумаешь, воздух движется. Это просто физика.

— А ты уже придумала, кто убил княжну?

— Тот, с кем она повстречалась на лесной тропинке. Вряд ли её специально заманивали туда. Здесь полно более доступных мест, где легко спрятать тело. Её убил кто-то, с кем она столкнулась.

— Кто же был этот злой прохожий?

— Мужчина, которому она нравилась. Она не уступала или дразнила его, или вообще не замечала. Он вспылал, ударил её, а потом и убил. Может, и женщина, которая завидовала ей или ревновала к ней. Встретились, слово за слово, поругались, одна толкнула другую, потом упала в аффект и убила.

— Мы полагаем, что Александра была убита в холодное время года. Поздней осенью или зимой. Наиболее вероятно, что она поднималась в лес от дома. Лёд уже встал, и там могла быть протоптанная дорожка.

— А как она погибла?

— Смертельным стал удар слева в висок. С высокой вероятностью орудием убийства стала тяжёлая ветка, подобранная прямо в лесу.

— То есть убийство не планировалось.

— К травмам, полученным перед смертью, мы отнесли перелом ключицы, перелом левой кисти и переломы двух пальцев левой руки. Такая картина соответствует ситуации, в которой жертва пытается отклониться от ударов или закрыться руками. Александра стояла вполборота к убийце.

Рина покрутила шеей и головой, как будто представляя себя на месте убитой. Гордей пояснил:

— Игру в гольф знаешь? Ключку держат двумя руками, потом бьют по шарик, а клюшка подлетает вверх. Убери шарик, но поставь на пути клюшки наклонившегося человека. Получишь примерную картину того, как убили Александру.

Рина задумалась на несколько секунд и быстро парировала:

— Если выкинуть гольф, получится неудобно. Если перед тобой кто-то стоит, то замахиваться надо сверху вниз. Так и сильнее, и надёжнее.

— Чтобы ударить сверху, надо поднять ветку, а это, во-первых, время, во-вторых, сама ветка могла быть слишком тяжёлой для такого замаха.

— Зачем же хватать ветку, которую не можешь поднять?

— Потому что всё происходит очень быстро. И не забудь, всё замёрзло и ушло под снег. Ветку ещё надо найти.

— Если тропинка натопанная снежная, а жертва сравнительно маленькая, то теоретически было бы проще ногами и боком подкатится и сбить жертву с ног, а потом быстро навалиться сверху и двумя руками в замок лупить по носу со всей силы. И палка в этом случае большая не нужна. Достаточно быстро бить, чтобы

не дать опомниться.

Гордей иронично кивнул:

— Боевиков ты достаточно посмотрела. Верю.

Рина смутилась и бочком сползла со стула. Но потом снова присела.

— Знаете, когда я стала обо всём этом думать, то всё время возвращалась к мысли, что Александра хотела, чтобы её нашли. Именно теперь, потому что теперь это важно, а какие-то другие факторы потеряли своё значение. Понимаете? Время пришло. И она вернулась, чтобы уйти уже навсегда. Чтобы поставить точку в каком-то сплетении историй.

— Ты думаешь, что она и есть привидение?

— Нет. Привидение недалеко от деревни бродит, вокруг просеки. Я думаю, это мальчишки-девчонки друг друга пугают. Александра — не потустороннее явление. Это какая-то память. Люди что-то помнят, но не могут связать воедино смыслы своих воспоминаний. Вот, была княжна, а потом она исчезла. Александре захотелось, чтобы мы узнали, что случилось.

— Почему это стало важным сейчас?

— Это покажется ерундой, но... Не так давно умерла Глаша, бабушка одна местная. Кого из лукогорцев ни спроси, все ответят, что Глаша всё обо всех знала. И она же была главной местной сказочницей. А в сказке легко переделать события во что-то другое, хоть прямо противоположное.

— Зачем же?

— Правда может быть неприятной, может причинять боль, может разрушать человека и превращать его в монстра. Правда о том, что Александра лежит убитой в лесу, никому не была нужна. И Александре не позволяли вернуться.

— Знали, но молчали. Вряд ли. Если только один-два человека.

— Одного достаточно. Ведь может быть, что и вполне буквально не позволяли. Это же просто. Землицы подсыпать по весне. Веток покидать на могилу, о которой никто не знает. Но теперь все действующие лица умерли. И Глаша, которая всё знала, тоже умерла.

— Интересно мыслишь.

Рина застенчиво улыбнулась и встала. Гордей окинул её внимательным взглядом и предупредил:

— Ты носишься везде без оглядки. Но посматривай по сторонам. Проверь, кто дышит тебе в спину. И никакие подкаты тебя не спасут. Почувствуешь угрозу, не думай, не останавливайся — включай максимальную передачу и беги со всех ног.

— Да. Спасибо. Вы не волнуйтесь. Я хорошо бегаю.

— Я проверю, кто ты. Если ответ мне не понравится, у тебя будет возможность показать мне, как ты бегаешь.

Улыбнувшись, Рина звонко предложила:

— Зачем так сложно? Хотите, устроим завтра спартакиаду?

Гордей Алексеевич выразительно свёл брови. Рина смутилась и вернулась к маловразумительному тихому лепету:

— Вы извините, пожалуйста. Я знаю, у меня с этим беда. Я много говорю. Вы не думайте, я всё понимаю. Я не буду мешать. И шуметь не буду. Я пойду.

Рина сделала пару шагов к двери, но её догнал мягкий вопрос эксперта:

— Ты знаешь, что тебя называют ведьмой?

Пожав плечами, Рина легко ответила:

— Да что я, это так, насмешки. Вот на лавочке собрание — заслуженные чертовки на заглядение. Ульяна Глебовна, Вера Ильинична, Анна Егоровна, и Эмма Михайловна. Передовой колдовской коллектив.

Покачав головой вслед убежавшей сиделке, Ольга задумчиво поделилась с постояльцем мнением о вечерней гостье:

— Смешная девочка. Добрая, но чудная, нездешняя.

Эксперт отстранённо кивнул, а потом вдруг выдал:

— Ваш племянник, Ольга, на нездешнюю девочку с известным интересом посматривает. Охладили бы пацана, ни к чему ему такие приключения. Девочка она добрая, и бегаёт она действительно быстро, но история у неё какая-то непростая и нерадостная.

Потянувшись, Гордей Алексеевич невозмутимо удалился к себе. Петька остался поджариваться под взглядом разнервничавшейся тётки. Ольга не стала ничего говорить, но показала племяннику кулак, скалку и тяжёлую сковородку.

Петька сделал вид, что ничего не понял, и отправился маяться разными внезапными вопросами. Откуда Гордей знает, что ведьма хорошо бегаёт? Он следил за ней? Как и когда? Зачем?

28. Дети с дороги

*В деревне пожар. Церковь горит. И домик
при ней. Иконы горят, покрова горят.
И занавески, и перины пуховые, и сундуки
дубовые....*

*Мужики стоят, смотрят. Бабы
причитают, добро пропадающее
считают. Старухи сидят по лавочкам,
любуются.*

*Хороший день. Есть, о чём поговорить.
Плохой день. Старика-сторожа не видно.
И золотой утвари под пепелищем
не найдут. Настоящего золота
в церквушке, конечно, и не было,
но латунь сияла — глаз не отвести.*

Петька договорился с Толяном и Сашком, что утром они все вместе пойдут на рыбалку, однако команда не откликнулась на призыв капитана. Ни Толян, ни Сашок не соизволили построиться у крыльца, чтобы выслушать разные там «смирно» и «вольно». Ну и как прикажете покорять мир?

Уже после обеда обнаружилось, что Сашок и Толян снова сидят в компании Веры Ильиничны и Ринки, забежавшей проведать старушку. Петька не хотел заглядывать в дом Сашки, опасаясь снова попасть в адскую работу, но когда не утерпел и всё же заглянул, оказалось, что все мирно гоняют чай, увлечённо пересказывая лукогорские сказки и байки.

Выслушав несколько вариаций истории про девушку Ивушку, уплывшую на чёлне времени в город множества

шпилей, Рина спросила:

— А вы хорошо знали Анастасию Ярославовну?

Вера Ильинична лукаво усмехнулась:

— Знать знала. А хорошо или нет — как сказать? Скорее нет, чем да. Мы детьми для неё были, а какие дети знают, что у взрослых на уме да на сердце? А даже если и знают, не всякое знание понять можно, пока на своей шкуре не попробуешь.

— Почему Настю прозвали Копушей?

— Вроде бы последняя княгиня так её прозвала. Настя всё делала хорошо, но медленно и долго. Никогда не бегала, не торопилась, да к тому же ещё и мечтать любила. Сядет где-нибудь, в небо смотрит, облаками любитесь, а дела стоят. Но это я с чужих слов знаю, а когда я маленькая была, мы души в ней не чаяли. Хотя и боялись, что она про шалость какую-нибудь узнает. Она одним взглядом так наказывала, что некоторым такой острастки на всю жизнь хватало.

— Где она была в тридцатые годы, куда уехала из Лукогорья?

— Глаша болтала, что мать в научных исследованиях участвовала. Но Глаша много чего болтала. А какие там исследования, когда трое детей на руках. Копуша сюда вернулась, чтобы хоть как-то малышкой прокормить. Всё же с огородом да курятником проще выжить.

— Одна вернулась? Без мужа?

— Какой там муж. У нас половина отцов — лётчики-испытатели. И Глаша повторяла, что отец выполняет ответственное правительственное задание.

— Напрашивается мысль, что Копуша сюда неспроста вернулась. Не к родным берёзкам её потянуло. А подалее от передряг в других землях. Может, муж в репрессиях сгинул, она детей подхватила да и уехала?

— Может, и так. Председателем тогда Фрол Шершов был. Копуша с ним как-то быстро сговорилась. Домик

брошенный заняла, в колхоз обратно вступила.

— А как она сговаривалась?

— Она очень быстро писала, и у неё был красивый понятный почерк. Получалось медленнее, конечно, чем просто речь, но зато Копуша формулировала всё так ясно, что не было смысла в повторах или уточнениях. А ещё у неё была своя система знаков и жестов, все лукогорцы эти движения понимали. Ну а Глаша умела считывать мысли матери. Иначе и не скажешь.

— Что Копуша делала в колхозе?

— На поле от неё проку, конечно, не было. Но в поле невелика наука спину ломать. Дом Копуши у нас был вместо детского сада. Вечно полон двор детишек. Свои, чужие — все без разбора.

Рина улыбнулась:

— И некоторые чужие превратились в своих.

— Так уж вышло. Первым приёмным Фрося-сирота стала, поповна из Сидаково. Уж не знаю, как там по документам это проходило, а только привязалась Фрося к Копуше, как не всякое родное дитя привяжется. Наташка с Мишкой сорванцы, да с характерами. Этим всё бы бегать, мир переустраивать. А Фроська тихая, ласковая, всё льнула к Копуше, обнимала её. Но Глашка ревновала, конечно. Может, и к лучшему, что недолго.

— Война началась?

— Да. По дороге беженцы пошли. Некоторые и в Лукогорье забредали, но не оставались, уходили дальше, чтобы уж наверняка от войны уйти. Как бои к столице подкатились, совсем беспокойно стало. И часть лукогорцев тоже ушла...

После грустной паузы старушка продолжила:

— Глаша с Копушей, да и другие наши бабы всю осень ходили в Подолье, остатки зерна с полей пшеничных собирали. С войной там в председателях старик мудрый оказался, он с бабами воевать не стал, разре-

шил выживать, кто как может. Зерна порядочно можно было набрать, да только по дороге опасно было мешки нести. Ходили тайными тропами по лесу. И вот, возвращались однажды Копуша и Глаша по такой тропе, да и нашли спящую девчущку. Отбилась кроха от какого-то обоза, заблудилась, присела отдышаться и уснула. Года на два девчущка. Спокойная, улыбчивая. И одета хорошо — пальто, шапочка, сумочка через плечо.

— Неужели никто не хватился?

— Глаша добралась до дороги, бегала, кричала, но никто не признался, что ребёнка потерял. Что было делать? Принесли девчонку в Лукогорье, назвали Машей. После войны Глашка писала в инстанции разные, в газеты, надеялась, что родные Машкины найдутся. Но нет, не нашлись.

Грустный вздох ведьмочки, грустная улыбка старухи, и снова слова, слова:

— За Машкой Васька появился. Фрол нашёл чумазого заморыша в канаве у поворота, да и притащил его к Копуше. А Ляльку её мать сама Глашке в руке отдала. Цыганка она, Лялька-то. Мать её воровством промышляла, да попалась в Трушкино. Бросилась бежать, к нам и прибежала. Увидела Глашку и попросила спасти невинную душу её доченьки. Нагнали цыганку мужики трушкинские на повороте к Красному камню, да не рассчитали сил, избили сильно. К следующему вечеру она и умерла. И стало в доме Копуши одной девчонкой больше. Так вот семерых деток Копуша с Глашей и приютили. А уже после войны Глашка и своих троих родила.

— Потрясающе. А от кого родила?

В бесцветных глазах старухи мелькнули вдруг яркие огоньки:

— Любопытная ты птичка. Смотри, прищепишь клювик.

— Распушу хвостик, никто и не заметит.

Быстрый ответ Рины показался Петьке чересчур ехидным, но тут неловкий Толян уронил кусок фруктового сахара на пол, и, отодвигая стул, обрушил башенку из журналов у комода. Возникла суматоха, в которой и клювики, и хвостики благополучно забылись.

29. Многодетная мать

*Лекса слегла. Ребёнок живой, шевелится.
Но это всё, что я могу понять. Ещё
и Ярош под ногами мешается. Будто
специально пакостит. Выпустил куриц
и натравил на них собак. Совсем
чокнулся. Что с ним делать?*

Чай остыл, но Петька потягивал его неторопливыми маленькими глоточками. Это занимало руки и позволяло иногда шевелиться. Сашок и Толян, собрав журналы, снова расселись у стола, и Вера Ильинична, несколько раз тяжело вздохнув, вновь погрузилась в воспоминания:

— Глаша молоденькая совсем была, но из ранних девка, всё при ней. Хороша, как картинка. Только деревня почти пустая стояла. Ну и влюбилась Глашка в Ваньку-моториста. Он много старше её был. С войны вернулся, а дома похоронка на сына да жена больная лежачая. И за соседним забором девчонка то пляшет, то песни поёт. Ну и потянулся он к юности душой израненной.

— Сложный треугольник.

— Простой, если сложностей не строить. Первенца своего Никиту Глашка от Ваньки и родила. А через год Ванька в поле погиб, переехал его пьяный Злотик-комбайнёр, а потом и сам повесился. Ванькина жена на по-

хоромах при всех Глашку обняла и сестрой назвала. Вскоре и сама помирать собралась, так дом свой Никите отписала. Сидеть уже не могла, а десятку свидетелей твёрдо заявила, что про дом ей сами архангелы нашептали, и если кто мальцу поперёк дороги встанет, она с небес спустится и того врага придушит.

— Вроде место здесь такое медленное и ленивое, а страсти кипят, что и в Бразилии не слыхивали.

— Отцом Ильи, второго сына Глашки, заезжий парень стал, чернявый, красивый. Вот это страстный роман был, жгучий да нервный. Только кому нужна невеста с толпой малышей в приданом? Уехал красивый хлопчик один. Правда, писал он Глашке до самой смерти, что любит и всегда любить будет.

— Ну, это просто, письма писать. Это ж не каждый день детей кормить, одевать, в школу провожать...

— Ох, милая, будешь и ты ждать заветного письма. Тогда поймёшь.

— Что там дальше-то было?

— Младшенького своего Павлика Глаша уже за сорок родила. Приехал к ней вдруг полковник, вроде бы отец одного из мальчишек усыновлённых. Сложный человек. И сына не признал, и Глашу с пузом оставил. Но она на него не обижалась, говорила, что этот малыш ей на счастье.

Рина улыбнулась мечтательно, но затем нахмурила брови и уточнила:

— А на что Копуша с Глашей и всеми этими детишками жили?

— Поле. Огород. Лес. Река. Все работали с малолетства. Кто грибов принесёт, кто карасей наловит, кто сорочку сошьёт, кто полы помоеет, кто хлеб испечёт. Веками так люди жили.

— Это всё понятно, но... Сначала Наташа и Миша уехали учиться. Потом и приёмьши начали разъезжать-

ся, и не постепенно, как если бы они по порядку разного возраста были, а как-то разом, за два-три года. Глаша им всем помогала, посылала и гостинцы, и подарки... К тому же я уже три дома знаю, которые с помощью Глаши куплены или построены. Не стыкуется это с математикой колхозных копеек.

Ильинишна хихикнула и пояснила:

— Смешная ты. В нашей жизни пряник — уже и гостинец, гривенник — большие деньги. На себя ни Копуша, ни Глаша ни копейки не тратили. Всё старые шубы перелицовывали да валенки стаптывали по десять лет. Так жили, понимаешь?

— Да.

Утверждение Рины таило в себе список длинных уточняющих вопросов, но старая и молодая ведьма обменялись взглядами, в которых будто бы были даны все ответы.

Толян встрял в беседу с пространными мыслями об относительности представлений о богатстве. Сашок высчитал, что его прадед в нынешние времена считался бы практически миллионером. Ильинишна внимательно слушала мальчишек, но было непонятно, интересно ей то, что они говорят, или она наслаждается моментом разговора с молодёжью. Рина улыбалась, но так, будто сама она находилась в какой-то другой галактике.

Петька отмалчивался, наблюдая за круговоротом чайнок в холодном чае. И зачем он оказался здесь? В этом доме, воняющем лекарствами и старостью? Среди этих людей, чужих и ему, и друг другу?

Какой смысл слушать шамканье больной бабки? Петька мог бы рассказать всё это куда толковее и ярче. Почему Рина не спросила его? Они пошли бы по лугу к старым ивам, и уселись бы на берегу Облепиховки, и болтали бы ногами над перекатом, и в яме за перекатом

резвились бы юркие карасики. И Рина нацепила бы цветное платье. И он достал бы ей купавку. И был бы тёплый вечер. И не хотелось бы уходить. И было бы всё как в книгах. Всё-всё...

30. Красота и яд

Знахарка Полтушка все болезни считает проявлениями дурной желчи, которую можно изгнать иван-чаем и рюмашкой самогона перед сном. Но для Лексы она сделала исключение и в страшной тайне выдала мне чудодейственный порошок от всех болезней. Я сначала попробовала его на себе. Такое разочарование. Мел.

Голос Ильинишны зудел, мешая полностью перенестись в придуманный мир, и Петька вернулся в реальный, где разговор сместился к более близким событиям.

— Дикарку Веру Копуша где-то в городе подобрала, уже после победы. И мало кто верил, что сможет она Верку отогреть, в человека вырастить. Девчонка-то всё по углам пряталась, людей боялась. Худая, хромая, запуганная. Года два Копуша Верку за руку везде водила. Чуть что — обнимала, в шаль большую укутывала. А потом в школу её отправила.

Рина задумчиво вставила:

— У Копуши был особенный дар спасти детей.

— Может, дар, может терпения запас особенный, только Верка быстро всё пропущенное нагнала. А там и олимпиаду важную выиграла, и в университет поступила, и замуж вышла. Вера и муж её Николай — морские

биологи, люди известные. Всё по экспедициям да исследованиям. Только куда же во всех переездах да лабораториях малыша пристроить? Как родился у Масловых сыночек, осели они в городе, но тут же и ссориться начали.

— Заскучали с пелёнками, известное дело.

— Приехала к ним как-то Глашка, видит — плохо дело, да и предложила забрать Гришку в деревню. Плывите, мол, в свои экспедиции, а за малыша не беспокойтесь. Вера поколебалась, пометалась, а потом согласилась. Но забрать-то недолго, только и Копуше ноги отказывать начали, и Глаша постарела, вымоталась. Ей и на своего-то младшего сил не хватало, а тут ещё не то племянник, не то внучок. Учился Гришка средне. Тянуло его к тракторам да к железкам. Ничего другого он и знать не хотел. В училище поступил, потом в армию ушёл. А из армии девчонку привёз. Просто так, без документов, без всего, за руку взял, она с ним и уехала.

Рина порывисто вздохнула, и Ильинишна понимающе улыbnулась.

— Вера к невесте неожиданной спокойно отнеслась. Что поделатъ, коли сынок по семейной привычке неприкаянного ребёнка на улице подобрал. Поехала сама к родителям Ксанки, чтобы проблем не было. А их и не было. Родители уже и учебники дочки пропили. Но увидела Верка что-то такое, что напомнило ей о кошмарах детства. Как вернулась — одела Ксанку, как с картинки. Ремонт затеяла, всего, что можно и нельзя молодым в дом накупила. И свадьбу устроила — красивую, необычную.

— Но я слышала, что Глаша Ксанку невзлюбила.

— Это ещё мягко сказано. Всё твердила, что и родители у неё алкаши, и аттестат никудышный, и сама она неумеха и лентяйка. Ксанкина красота Глаше покоя не давала. Как увидит Гришку с женой, так вполголоса и заметит, что красивые жёны всегда по чужим огородам бегают. Или на семейном празднике возьмёт, да и бряк-

нет, что кто с красивой женой живёт, тот добра не наживёт. Стареть начала, вот и зачудила.

— Опасная отравка.

— Злые слова найдут, в чьей дурной голове поселится. Раньше молодёжь на посиделки с танцами за околицей собиралась. Ксанка с Гришкой туда и не ходили: видать, и дома вдвоём не скучали. А как-то вечером случайно рядом с толпой оказались. Один Гришкин приятель выскочил наперерез, Ксанку схватил и в круг танцующих втащил. Ещё и закричал, что теперь любой может красавицу обнять да поцеловать. Гришка дрын из забора вытащил, жену спасать ринулся. Пару раз насмешника приложил, да неудачно вышло, насмерть забил.

— Так он не убийца получается. Он жену защищал.

— Защитник, да. Но и убийца тоже... Глаша на следующий день Ксанку в виноватые назначила. И давай костерить её пуце прежнего... Здесь, правда, бабы наши ей рот заткнули. Дочери у всех есть. Да и самим по улицам ходить спокойно хочется. Шершовка пришла и помоями Глашкины окна облила. Гавкнула, что если Глашка рот свой поганый не прикроет, то она и её помоями умоет.

Рина уверенно кивнула:

— Егоровна может.

— Потом Миша, брат Глаши, приехал, да и Николай из какой-то экспедиции сорвался. Адвокатам денег дали, с ментами переговорили, семье насмешника помогли в райцентр перебраться. Посадить Гришку, конечно, посадили, а всё же какое-то смягчение ему вышло.

— А что Копуша?

— Копуша тогда в больнице столичной лечилась, ей и не сказали ничего. А без неё Миша с Глашей крепко повздорили. Миша характером спокойный, но взгляд у него материнский, воля стальная, и по работе он большой начальник. Как сцепился он с Глашкой, так искры и полетели. Несколько дней они ругались.

— Вот тебе и дружная семья.

— Конечно, дружная. После разборок Глаша про Ксанку болтать дурное перестала. Но через какое-то время явилась Ксанку из дома выгонять. Дом-то на Глашу записан был. Так что она с порога Ксанке заявила, что пора ей выметаться туда, откуда она пришла, и в том, в чём пришла. Ксанка и ушла. К Любаше попросилась на пару дней пожить, с мыслями собраться.

— Что-то своё, глубинное, Глашу накрыло. Нам не понять...

— Да тут уж Копуша с заваленки поднялась. Одним взглядом Глашу с грязью огородной сровняла. Во всей деревне тишина дня три стояла. Глаша перед матерью повинилась, перед Ксанкой извинилась, дом на Гришку переписала и больше к тому не возвращалась.

— Только и слышу про этот мощный взгляд дряхлой старушки. Как бы мне такой же натренировать? Этак вот встала, взором сверкнула — и всё, проблемы улажены.

— Детей десяток вырасти. И натренируешь.

— А когда Копуша умерла?

— Глаши второй год нет. А Копуша ещё года за два до того ушла.

— То есть она целый век облаками любовалась? Круто. И ведь счастливо жизнь прожила.

— Трудно прожила. В работе, в заботах, в сомнениях.

Рина бросила беглый взгляд на часы и резво соскочила с места:

— Спасибо. Слушала бы и слушала. Но засиделись мы. Пора и по домам.

Толян тихо слинял вместе с сиделкой прежде, чем Петька успел сообразить, что к чему. Понимание пришло вместе со стопкой грязных блюдец, которую Сашок впихнул ему в руки. Сколь бы ни была проста уборка после простого чаепития, а заниматься ею Петьке не хотелось. Но пришлось.

31. Соображения на троих

*Измучилась сомнениями, да что толку?
Наменяла продуктов, потащилась
в столицу. Вулкан ничего и не спросил,
просто отдал пару приказов. Власть ему
к лицу. Я вернулась домой на автомобиле
и привезла к Лексе врача.
Вердикт строгого доктора меня
успокоил. Есть сложности,
но не фатальные. Рисковать с переездом
смысла нет. Растрясём, спровоцируем
роды, ребёнок погибнет. Он, конечно,
и без тряски вряд ли выживет, но незачем
терзать Лексу. Справимся и здесь.*

Рыбалка вышла неудачной. И говорить с друзьями оказалось не о чем, и карасики, будто насмехаясь, плескались на неторопливых перекатах, напрочь игнорируя все наживки и ухищрения рыболовов.

Вернувшись домой раньше времени, Петька не поверил своим глазам. Но картинка упорствовала, отчасти напоминая картонный мультик, где у персонажей двигаются только руки и покачивающиеся головы.

Семён, Тихон и Гришка Маслов неторопливо пили, ели и обсуждали соседей и друзей, прикидывая, кто из них может на досуге душисть девушек.

Когда и как вернулся Гришка, Петька не знал, но не было никаких сомнений, что теперь он выступал в качестве знатока пороков и искривлений человеческих душ. Время от времени он вставлял в разговор криминальные истории, а Семён и Тихон впитывали их, как дети впитывают новогодние сказки. И этот душевный раз-

говор стирал с Гришки клеймо преступника. Отсидка становилась лишь частью житейского опыта, неприятного, но вместе с тем и поучительного. Деревенские «генералы» будто произвели Гришку сразу в майоры, если не в полковники.

— Михалыча можем исключить. Какие там девушки, когда Катерина каждый его чих контролирует.

— Так, может, и захотелось клубнички на стороне?

— Таких бесов сердечку Михалыча уже не осилить.

— А Ильич?

— Старый пень. Он и цыплёнка не задушит.

— Денис Плюшкин? Он вроде к Ларке подкатывался.

— Он второй год к девахе в Трушкино бегаёт. Свататься собирается.

— Ну и что? Вон, Жорка к Вальке тоже второй год лыжи вострит. Мачеха Валькина уже и ночей не спит, не чаёт дитячко с рук сбить. А женишок к серьёзным шагам никак не решится.

— Может, Жорка решительность на шеях девичьих тренировал?

— Он решительность на старом матрасе тренирует. Колошматит его на досуге.

— Коля Ноготков ни к кому не бегаёт. Будто вовсе бабами не интересуется.

— Передовик ручной заточки болта. У него весь сарай неприличными картинками заклеен.

— Подозрительно.

— Глупо.

— А Венька? Он, случается, идиота-племяша и на пустоши ищет.

— Пока он идиота ищет, некогда ему баб душить.

— Петя Жуков сподличать может.

— Алкаш законченный. Ему бы проспаться, а там какие девушки, в магазин за бухлом и снова в канаву.

— Мотька Уклейка?

— Так потому и Уклейка, что кроме рыбы ничего на уме нет.

— А что, если на Илью Николаевича попристальнее посмотреть? Ой, подозрительный пенсионер выйдет. Куда это он всё бродит-шастает? Что на месте не сидит?

— Интеллигент заслуженный, и на слово «сидеть» у него аллергия. Намаялся он сидеть, теперь стихи на природе пишет, Эмму за околицей караулит.

— Эмму и до лавочки внуки на машине подвозят. Какая околица?

— Та самая, где Эмма разрешила поэту свою ручку поцеловать.

— Ээх... Пропал Николаич.

— Лёшка Куркин два года назад женился. И Нинка вроде по нему сохла.

— Да кто их разберёт, по кому они сохнут. Сигналят авансы глазками всем, а о ком в подушку плачут — пойди, догадайся.

— Павел Самойлович да Гошка Корзухин остались.

— Самойловича радикулит жмёт, если он на коленки плюхнется, сам уже и не встанет.

— Гошка лентяй, ему с печи слезть — испытание непосильное, а уж за девицу ухватиться — и вовсе понимания нет, зачем так утруждаться.

— Так, может, проснулось понимание?

— К чёрту, мужики. Надоела эта волынка. Нет у нас уродца, и всё тут.

— Ты Нинкиной матери это расскажи.

— Давайте с другой стороны зайдём, подумаем. Все мы знали сказку о дыре на пустоши, но никто не знал, что дыра и впрямь есть. Заросла дыра, забылась, и не на нашей памяти. Прикрыли её досками в пору, когда наши бабки по молодости провалиться боялись. Кто мог знать, где те доски да подковырнуть гнилушки, чтобы дыру открыть?

— Да кто угодно, кому родители показали да настрого приказали, чтобы рядом не ходить, чертям воду не мутить.

— Мутно, что малец этот никому ничего не разболтал. Вот ты, Семён, точно не утерпел бы, Михалыча бы сразу потащил древность откапывать. Да и ты, Гришка, не из тех, кто запретам следует. К тому же если и была закрыта дыра, то не на моей памяти, а мне не двадцать, и даже уже не сорок лет.

— А что, если колодец был отмечен на какой-нибудь старой карте поместья?

— Да всего-то три карты и было. Если, конечно, можно картами эти схемки приблизительные назвать. Князь Дмитрий собственноручно пару квадратов накалякал. Князь Николай, когда во владения вступал, обмеры сделал. А потом уже Фрол Шершов, как с колхозом соседним рассорился из-за лугов покосных, землемеров из города вызвал, границы вычертил.

— Знаю я карты эти. Нет на них кружков загадочных.

— Может, кто-то нашёл колодец, когда пустошь вырубали под кукурузу?

— Да что там вырубали-то? По границе веток наложили, в районе отчитались, на том и остановились.

— А помните, сумасшедший дед Василий всё на пустошь ходил? От немцев прятался, партизан искал? Землянку ведь вырыл, может, и колодец нашёл?

— Да он же со всеми мальчишками окрестными в войнушку играл, а в землянке у него штаб был. И колодец он бы не смог утаить...

Петька, поначалу внимательно слушавший беседу, вдруг раззевался и, потянувшись, отправился спать, не дослушав рассказы о странностях контуженого ветерана. Что толку перемусоливать одно и то же? Прав Тихон. Нет в Лукогорье душителя. И точка.

32. В поле по грибы

В деревне суматоха. Бравый комиссар всю ночь сражался с трёхговым Горынычем на заливном лугу. От больших стогов ничего не осталось. Последний клоч сена вояка внёс на вилах в деревню, прокричал, что вырвал сердце чудовища, и упал в беспамятстве. Интересная борьба с неграмотностью вышла. А заодно и наглядная агитация о вреде пьянства... Надо полагать, сказочный подвиг Гаврилы не удостоится описания в его записной книжечке. В книжечку Гаврила записывает сведения о том, в каких домах есть подполы, и что в этих подполах есть.

К Сашке приехала мать. Толян уехал с Жоркой — изучать шестерёнки на практике. Петька остался без компании, и, выйдя на угор, вдруг пожалел об этом, хотя ещё накануне был уверен, что это к лучшему. Просторный и ленивый пейзаж, расстилавшийся во все стороны с угора, казался скучным.

Сзади тихо подошла Женька:

— Кого высматриваешь?

— Лисицу-сестрицу, что пошла по чистую водицу.

Скривив ярко накрашенные губы, Женька жеманно протянула:

— Говорят, ты теперь водонос, у ведьмы на подхвате.

Петька не задержался с ответом:

— Говорят, ты Борьке-мушкетёру поцелуй обещала.

— Дурак!

Примерив мину бывалого и разочарованного жизнью капитана, Петька развязно предложил:

— Я до перекаатов хочу прогуляться, может, карасей натаскаю, Барсику на обед. Пойдёшь со мной?

— Пойду.

Минута, вторая, и ещё десять минут... Дорога шла слишком медленно, пейзаж менялся слишком плавно, слишком неторопливо. Петька, мысленно ругая себя за отсутствие оригинальных идей для начала разговора, негромко спросил:

— Ты куда будешь поступать?

— А мне что поступать? У меня тётка в приёмной комиссии работает. В институте культуры.

— А если экзамены не сдашь?

— Сдам.

Уверенный ответ Женьки оборвал беседу. Петька придумал новый вопрос:

— Что это ты с Динкой раздружилась?

— О чём мне с ней говорить? Все уши театром проела. Никого не слышат, только о себе и болтают.

— А Мышка?

— Замухрышка последняя. Нехорошо, конечно, так говорить, но какой смысл лицемерить, если так оно и есть?

Лицемерить, может, и не было смысла. Но Петька снова потерял нить разговора. Женька будто специально обрезала все его жалкие попытки быть если не галантным, то хотя бы вежливым.

Минута, пять, и ещё двадцать пять... Петька свернул на тропку через луг и вспомнил универсальную для всех лукогорцев тему для непринуждённого общения:

— А ты какую сказку Глаши лучше всего помнишь?

— Про фею Франку.

— Какую именно?

— Пришла фея Франка, дала каждому эльфу по золотой монете, покатали эльфы монетки по небу, и встала над миром золотая заря. И по той заре перебежала через море-океан Елена Ясная, унесла с собой драгоценную Тростиночку. Долго эльфы мост держали, да силы их невеликие кончились. Упали монетки в воду, погасла заря. Подъехал к морю король Иржик, оглянулся на рать вражескую, да и бросился с обрыва вниз, в тёмную воду. И обернулся дельфином, и поплыл по золотой дороге к своей жене. Долго сидела на берегу Елена Ясная. Но дождалась всё же, увидела золотого морского короля и поплыла навстречу. Подхватил Иржик Елену и унёс за край земли, и живут они там до сих пор в мире и согласии.

— Я не помню, а что в Тростиночке было волшебного?

— Вроде бы она была последняя из тростиночек с земли Иржика, всех остальных враги погубили.

— Есть в этом какой-то свой смысл.

— Очень простой. В каждой сказке фея Франка давала кому-нибудь золотую монету или даже несколько. У неё сундук был волшебный, где всегда одинаковое количество монет было. Берёшь одну, одна добавится, возьмёшь сотню, сотня и прибудет.

Петька скептически напомнил:

— Но зарок нарушать нельзя. Взятую монету надо потратить на доброе дело.

— Эх, мне бы эту фею встретить да хоть пару-другую монеток выпросить, я бы натворила добрых дел...

Петька вздохнул и в свою очередь вспомнил одну из запомнившихся сказок:

— А мне нравилась сказка про чернокнижника Ричарда. Помнишь? Заперли мальчишку в подземелье с книгами, и стали приходить к мальчишке духи и учить его по тем книгам. И познал он всё то, что колдуны всех времён знали. Произнёс одно заклятие — и открылись

все засовы, произнёс другое — и построилась лестница к белому свету, произнёс третье — и склонился перед ним сам император. Стал чернокнижник учить и лечить людей, и многих выучил и вылечил.

— И что тебе в этом нравится?

— Представь, как это здорово — ходить по миру и делать всё, что хочешь. Деньгами и милостями сорить. Императорам грубить. Людей у Смерти отнимать.

— Так и поступай в медицинский.

— Не-а. Это сложно слишком. Мне бы вот внушение духов. Такое, чтобы сразу всё знать. И мешок с волшебными склянками.

— Ага. А потом встретишь красивую колдунью и сойдёшь с ума.

— Ему сорок лет стукнуло, а ей пятнадцать. Начал бы старик какой-нибудь к тебе приставать, пусть и великий, и богатый, ты бы его полюбила?

Женька уклонилась от ответа:

— Пока не пристанет — не узнаешь.

Неторопливая на низине Облепиховка извивалась, образуя множество удобных для рыбалки заводей. Но среди лукогорских мальчишек самым удачным местом считался укромный пятачок между нескольких старых ив. Река образовывала здесь почти замкнутый остров, и из ям под берегом всегда можно было натаскать карасиков.

Петька достал с дерева одно из простых удилищ, которые использовались всеми рыбаками, кто ленился тащить сложные снасти из деревни. Копнув ржавой лопатой крапивные заросли, он поймал пару нежирных червей и насадил одного на маленький крючок. Осталось забросить удочку в тихое место за старыми корягами.

Две минуты, пять, пятнадцать...

Как можно сосредоточиться на поплавке, когда куда ни посмотри, отовсюду торчит наглый пупок этой проныры Женьки?

На Женьке была одета короткая юбочка, и голые ноги девчонки тоже тревожили своей белизной и беззаботностью. Однако то, что чуть распахнувшаяся внизу кофточка приоткрывала вид на голое тело внутри, казалось абсолютно невыносимым. Петьку так и манило снова и снова посмотреть в узкую щель, за которой мелькала тёмная ямочка.

Пупок. Это просто маленький пупок. Как у всех.

Таблица умножения не помогала. Фамилии учёных и писателей не спасали. Названия станций столичного метро не лезли в голову. Всё, что лезло, укладывалось в одно-единственное слово: «пупок».

Караси срывались с давно голого крючка, а Петька отрешённо рассматривал отражение Женьки в воде. Рябь смазывала лицо девчонки, но единственный гладкий пятячок воды выпячивал расходящиеся кусочки ткани, под которыми торчал пупок. И Петьке мучительно хотелось его потрогать.

— Скучно. Пойду я.

От тягучего голоса Женьки Петька вздрогнул, и каким-то чудом сумел собраться с мыслями:

— Нет. Не ходи одна. Дай полчасаика ещё посижу. Потом вместе вернёмся.

Женька прыснула, а потом спросила:

— Ты серьёзно веришь, что кто-то нападёт на меня среди бела дня? Всё поле видно с угора.

— А отсюда не видно, есть ли кто на угоре.

— А ты ночей не спишь, убийцу вычисляешь?

— Я сплю. А выяснится всё само.

— Ага. Как с Александрой выяснилось.

Серебристый карасик ловко хватил какую-то мошку с поверхности воды метрах в трёх от Петьки. Тяжело

вздохнув, Петька начал собирать снасти.

Возвращение казалось тягостным, а потом Женька вдруг взяла Петьку за руку. И все его мысли переключились на то, чтобы случайные касания плеча девчонки не волновали его так сильно. И чтобы порыв обнять девчонку не был написан на его лице пятнами яркого румянца. Видеть себя со стороны Петька не мог, но надеялся, что справляется с собой как бывалый капитан.

Как назло, на угоре стояла большая компания мальчишек и девчонок, разумеется, заметившая парочку. Пока Петька и Женька взбирались по первым пролётам лестницы, дразнилок не было слышно, но как только Петька и Женька поднялись достаточно высоко, Борька громко выкрикнул:

— Как наш Петька под шумок Женьку в поле уволок.

Приятеля поддержал Васька:

— Не ходите, девки, в поле по грибы, как бы не случилось нечаянной беды.

Женька, запыхавшаяся в штурме лестницы, ограничилась тем, что погрозила дерзкому насмешнику кулаком снизу.

Динка выпрямилась и, проведя вокруг рукой, как если бы собиралась выступить перед большим залом, продекламировала:

— В поле Петька ловит рыбу, не идёт карась к нему, потому что козы съели всю зелёную траву.

Нескладность выступления будущей звезды вызвала недоумение, но никто не решился сказать об этом вслух. А когда Женька с Петькой добрались вверх, Борька указал вниз, на дорогу:

— Гляньте-ка. Вот и ещё одна парочка.

Парочка напоминала плохую пародию на мультфильм про Винни-Пуха и Пятачка. Рина вела Поруню за руку. Он шёл-шёл спокойно, размеренно, крупными шагами, а потом вдруг останавливался, Рита тоже сбивалась

с ровного шага, но крепкая хватка идиота не позволяла сиделке упасть. Со стороны это движение походило на странный танец.

— Что она делает?

— Сердобольная. Домой придурка тащит. А он думает, это игра такая.

— А где же Венька?

— А Венька сейчас на всё Сидаково кричит, что у него племяша украли.

— Знатная пропажа.

Но когда Поруня и Рина подошли поближе, Толян вдруг серьёзно заметил:

— Дурак-то весь в крови. Я сбегая, посмотрю, может, Венька в мастерской. Мышка, Динка, сгоняйте до магазина и Тихона. Борька, а ты Ринке помоги, как они поднимутся. Поруня ей руку сломает, но не отпустит.

Борька понимающе кивнул, настороженно сведя брови.

Снизу донеслось тревожное мычание идиота.

Подъём Рины и Поруни занял целую вечность. А когда сиделке всё же удалось вытащить идиота наверх, Петька невольно отвёл глаза. На голове Поруни зияла рваная рана. Половину лица и шеи залила кровь. Часть рубахи окрасилась разводами от нежно-розового до буро-коричневого.

Васька серьёзно заметил:

— Ничего себе ушибся.

Рина с укоризной объяснила:

— Он лежал недалеко от моста. Головой в воде. Может, он и дурак, но сделал то, что умнее всего. Он промыл рану и охладил её.

Петька не удержался и ехидно вставил:

— Заодно и мозги прополоскал.

Компания дружно одарила Петьку укоризненными

взглядами. Воцарилось молчание. Рина попыталась сдвинуть растерявшегося Поруню с места.

Из проулка выскочил Венька:

— Поруша! Ну как же это ты?!

Венька обнял племяша, и тот сразу выпустил руку Рины, прижавшись к шуплому дядьке, который в результате едва не опрокинулся.

Рина коснулась плеча чуть не плачущего Веньки:

— Вениамин Львович, надо скорую вызвать. Рана глубокая, хорошо бы рентген сделать. И зашить. Да и замёрз он сильно. Когда я его нашла, он весь дрожал. Согрелся, пока мы шли, но простудиться мог.

Венька решительно отказался:

— Нет, не надо скорых. Они его в психушку сдадут, а там лекарствами накачают, чтобы не вставал. Его все боятся.

— Если хотите, я могу перевязать.

— Я сам.

Перехватив руку дурака, Венька решительно потянул его домой:

— Порушенька, малыш, ну всё, всё, пойдём. Топ-топ, хороший мой, топ-топ. Пойдём супчика покушаем, конфеткой закусим. Топ-топ, топотуша, славный мой Поруша. Пойдём.

Рина удивилась перевоплощению малоразговорчивого Веньки в заботливую няньку, но потом прижала к себе покрасневшую руку и бросилась спускаться обратно вниз — к замку Кашея.

33. Любитель конфет

*Ты шёл мимо меня. Быстро, нервно,
оглядываясь по сторонам. Ты скользнул
по мне взглядом, но не узнал, не понял,
что это я. И ты бросился дальше,
расталкивая людей, спотыкаясь о тюки
и свёртки. Ты был похож на бездомного
бродягу — худой, чумазый, уставший.
Когда ты налетел и начал меня целовать,
я была так счастлива, что не поняла ни
слова из твоих объяснений. Я забыла
в лаборатории все свои карточки, и я
приложила руку к своему сердцу, а потом
к твоему...
Ты написал в моей тетрадке «Люблю»
и ушёл, пока я спала.
Я два дня тебя ненавидела!
Мне тревожно. Я не нахожу себе места,
и не знаю, почему.*

Вечернее явление Рины в дом Семёна и Ольги уже никого не удивило. Но Рина по-прежнему замерла у порога:

— Извините, пожалуйста. Гордей Алексеевич, вы просили, чтобы я зашла.

Гордей свойски махнул рукой на стул рядом:

— Присядь. И покажи руку.

В первый момент Петька испугался. По всей кисти Рины расползались сине-багровые разводы. Гордей оглядел руку со всех сторон и назидательно заметил:

— Хорошо, что ты о Поруне позаботилась. Но в сле-

дующий раз продемонстрируй свой прекрасный бег и позови на помощь. Не води его за руку. Поруня, конечно, приучен так ходить, куда поведёшь, туда и потопает. Только ты без руки останешься. В лучшем случае.

Рина послушно кивнула и проямлила:

— Я растерялась. Не знала, что делать.

— Я договорился, чтобы Поруню увезли в столичную больницу. Там и рану вылечат, и диагностику проведут. Будет хоть какая-то ясность, на что он способен.

— Хорошо.

Гордей развернул большую карту:

— Покажи, где ты его нашла. И опиши точно, как он лежал.

— Вот здесь. А лежал на отмели, примерно до талии в воде, ноги на песке и камнях. Я думаю, он наклонился к воде, чтобы кровь смыть, но не удержался. Когда понял, что в воде не так больно, остался лежать. Он на животе лежал, а голову повернул на бок, рана в воде оказалась. Я сначала и не поняла, что он ранен. Просто заметила, что он долго и неподвижно лежит.

— Поруне повезло, что ты оказалась рядом.

— Не я, так кто-нибудь ещё прошёл бы.

— Так уж устроены наши мозги, что некоторые явления мы перестаём замечать. И Поруня — как раз такое явление. Все местные привыкли не обращать на него внимания. Не знаю, кто ещё потащился бы к отмели посмотреть, что это там дурак делает.

— Да многие бы потащились. Поруня здесь вроде общего ребёнка. О нём все заботятся.

— Наивная ты ещё ведьма. Но жизнь это поправит. Скажи, а ты видела на дороге кого-нибудь ещё? Может, встретила кого-то? Или кто-то впереди шёл?

— Впереди Петя и Женя шли, но далеко. Они про тропинку от старых ив вперёд нас вышли. Если они за карасями к ямам ходили, то никак не могли Поруню

заметить. Ямы с другой стороны.

— Может, кто-то ещё был?

— Нет. — И, чуть запнувшись, Рина тихо спросила. — Вы думаете, на Поруню напали? Его кто-то ударил?

— Да. Ты и сама так думаешь.

— Приятным дураком Поруню, конечно, не назовёшь. Иногда я его побаиваюсь, потому что он перегораживает дорогу, и не знаешь, как его обойти. Но в остальном он безвредный.

— Поруня не любит лестниц. Я думаю, он высоты боится, поэтому и на угоре никогда не бывает. Обычно он уходит из деревни по дальнему пологому спуску и потом через пустошь к дороге и мосту. И он любитель прямых траекторий. На него бабы местные ругаются, что он огороды топчет. Если разобраться, то он очень определённым образом их топчет: углы спрямляет.

— Это да. У Эммы мозоль на языке из-за какого-то штакетника.

— Тропка на пустоши, с которой ты сошла, когда в колодец провалилась, вероятно, Поруней и протоптана. Ты шла от новых домов, поперёк, чтобы повернуть примерно посередине. Но изначальная тропа пересекает пустошь почти по идеальной прямой. С одним-единственным искривлением. И это нелогичное искривление обходит колодец. Вот, смотри, как на карте это выглядит.

— Ух ты... Я и не задумывалась, откуда тропки. Думала, всегда были. Получается, что Поруня знал о колодце?

— Он любит прятаться. И часто шастает по пустоши. Скорее всего, он сам случайно проломил сгнившие доски, которые колодец прикрывали.

— Но даже если он видел что-то необычное или страшное на пустоши, он никому ничего не расскажет.

— Он может показать. Он не настолько идиот, как принято считать.

— Не знаю. Я обычно с деменцией дело имею.

Гордей улыбнулся. Ольга не удержалась, присела к столу и погрузилась в объяснения:

— Поруня знает все буквы и даже читать умеет. Он ведь классов пять в школе отучился. Он в детстве поумнее нынешнего был. Хоть медленно и непонятно, а всё же говорить мог. Все надеялись, что он сможет если не догнать сверстников, то хоть восьмилетку на тройки осилить. Сначала его терпели, переводили из класса в класс, а потом он быстро вырос, мычать стал. Веньке пришлось распрощаться с мечтой об аттестате для племяша.

— Удивительно, что Вениамин настолько привязан к племяннику. Не каждый родитель так о родном ребёнке позаботится.

— Сестра Венькина красавицей была. Замуж вышла за музыканта столичного, и вроде счастливо, по любви взаимной. Да денег ей всё было мало, начал музыкант по ресторанам на свадьбах играть да петь. А на каждой свадьбе чарочку-другую да поднесут. И бутылку можно с собой прихватить. Так и спились оба. Музыкант по пьяни погиб, а сестру после нескольких запоев Венька в монастырь какой-то пристроил. Поруня на его руках остался.

Гордей кивнул, по всей видимости, он всё это уже знал. Но Ольга договорила:

— Венька возил его в столицу на консультации. Но там исследования проводили, от которых Поруня совсем невменяемым становился. Раз съездили, два съездили, а потом Венька сказал, что Поруня не крыса, чтобы на нём опыты ставить.

— Сейчас он в руках хороших специалистов. Они постараются ему помочь.

— Хорошее дело, Гордей Алексеевич.

Простая похвала Ольги понравилась Гордею, но упиваться ею он не стал, продолжил рассказ:

— Я не хотел вмешиваться в расследование, да и не по моей это части. Но так уж получилось, что мои ребята ненароком прикормили Поруню. Он сам не свой до сладостей, ворует конфеты и шоколадки при любой возможности. Причём это именно воровство — Поруня таится и понимает, что это нехорошо. Если его обнаруживают, он своеобразно, но просит прощения. Это уже немало с точки зрения оценки интеллекта. Ну и мои эксперты не нашли ничего умнее, как начать давать Поруне конфеты без счёта. В результате он стал постоянно болтаться вокруг нашей палатки.

Ольга и Рина одинаково встрепнулись, любопытно уставившись на Гордея.

— Выяснилось два интересных момента. Во-первых, Поруня отлично считает. Он легко оперирует сотнями и тысячами, а, возможно, и большими числами. Он понимает арифметические примеры, и ему нравится их решать. Поруня точно знает все расстояния в деревне в своих шагах. Он отказывается от карандашей и ручек, но если ему дать карточки с цифрами, он складывает из них нужные числа.

Петька мимолётно подумал, что до карточек надо было ещё додуматься. Гордей не хочет ни во что вмешиваться, но его невмешательство носит последовательный характер сбора данных обо всех лукогорцах.

— Во-вторых, Поруня умеет наниматься на работу. Он готов таскать тяжести и большие сумки за несколько конфет или шоколадку. Причём он даже торгуется, настаивая, чтобы за неудобные вещи ему дали больше конфет. Я уверен, что жители деревни не порывались объяснить Поруне суть товарно-денежных отношений. И никто не использовал его в качестве тягловой силы. Однако с нами он применил уже существующий навык. Ему уже доводилось носить нечто тяжёлое и получать за это конфеты.

И почему Петька не додумался, что дурака за несколько конфет можно использовать в постройке плотины? Поруня наташил бы брёвен. Тогда плотину не размыло бы первым же ливнем.

— Признаться, поначалу у меня была мысль, что Поруня может оказаться убийцей.

Ольга вытаращила глаза и сдавленно промычала что-то, отчасти став похожей на самого Поруню. Рина удивилась менее выразительно. Гордей пояснил:

— Он хорошо развит физически. У него сильная мускулатура, он много двигается. Нет никаких оснований считать, что естественные сексуальные реакции ему чужды. А с учётом местной свободы нравов он каждое лето может наблюдать самые разные игры молодёжи, заходящие намного дальше поцелуев. Он болтается где угодно, и вполне мог оказаться там, где развивался конфликт между парнем и девушкой. Это могла быть как ссора, так и попытка изнасилования. Поруня спугнул мужчину, а потом подошёл к лежащей девушке и случайно задушил её в попытке помочь.

Рина замахала рукой:

— Нет. Поруня не стал бы подходить. Он боится ссор и убегает, если слышит крики.

— Да, и это тоже. Но меня в его невиновности убедил тот факт, что иногда он приносит Веньке раненых и мёртвых зверьков из леса. Если бы Поруня придушил девушку сам, он не стал бы прятать тело. Он притащил бы его к дядьке в надежде, что тот его оживит. Однако я полагаю, что убийца использовал Поруню для того, чтобы перенести тела жертв с места убийства в колодец. И он расплатился с ним сладостями.

— Выходит, что Поруня знает, кто убийца?

— Да. Выходит, что так. И убийца, видимо, подметил, что Поруня много времени проводит с нами. Возможно, сообразил, что мы вычерчиваем его тропки. Поэтому ре-

шил спрятать концы в воду.

— Бедный Поруня.

— Подумай лучше о себе, непоседа.

— В смысле?

— Думаю, ты помешала убийце. И сейчас он размышляет, отчего не прикончил и тебя тоже.

Мельком глянув на настенные часы, Рина грустно заметила:

— Напрасные заботы. Наталья Петровна меня прикончит. Минут через пятнадцать. Как только воздуха в лёгкие наберёт.

Раздался громкий стук, и в дом ввалился Гришка:

— Всем здрасте. Время уже позднее. Я провожу Рину.

Гордей поднялся со спокойным отказом:

— Не беспокойся. Я сам её провожу.

Рина перевела взгляд с одного мужчины на другого, потом обратно, и недоумённо пролепетала:

— Да зачем? Я и сама дойду.

Ольга захихикала и посоветовала:

— Вы, храбрецы, вдвоём идите. Уж точно доведёте.

Петька пошёл бы тоже, третьим провожатым. Но взгляд тётки буквально пришил его к стулу. Уткнувшись в книгу, Петька попытался сосредоточиться на чужих приключениях. Но ничего не получалось. Слабоваты оказались приключения.

34. Ведьма под дождём

*Не замечаю дней. Не ощущаю ни холода,
ни голода. Не понимаю, сплю или нет.
Промелькнула весна, уже лето,
и девчонки у реки поют что-то тягучее
о любви, а я не могу отвлечься. Пишу
и думаю, покормила ли я куриц?
Я не боюсь работы, я справляюсь. Но где-
то рядом за волшебной дверью скрыт
белокаменный дворец с ордой
предупредительной челяди. И мне никогда
не сравниться с тем, что может эта
челядь.
Зря я не ушла в тот монастырь. Там все
молчат.*

Мощные летние ливни смыли пыль с деревенского ландшафта, а заодно и пробудили спящие грибницы в лукогорских лесах. Деревенские похватили корзинки и рванули по опушкам, тропинкам, чащобам в поисках крепких боровиков и ярких подосиновиков.

Петька, Сашок и Толян пропустили первый день всеобщего грибного ажиотажа, и в поисках нетронутых плантаций забрели далеко от деревни. Плантации не разочаровали, но тащить обратно тяжёлые корзинки пришлось в несколько переходов, с остановками на отдых. К тому же начал моросить дождик, который с одной стороны, подгонял добытчиков, с другой, расхолаживал их желание сдвигаться с места после привалов.

Когда компания вернулась в деревню, уже начало темнеть. Возле магазина никого не было, старухи, испу-

гавшись дождя, разбрелись по домам. А вот под хлипким навесом остановки сидела Рина, поджав под себя ноги и безучастно изучая что-то мелкое в набирающейся рядом луже.

Петька, обрадовавшись, горделиво показал свою полную корзинку:

— Привет! Смотри, сколько мы грибов набрали! Да каких!

Рина, очнувшись от созерцания воды, кивнула головой и одобрила:

— Здорово. Вы молодцы.

Петька на мгновение задумался, чтобы ещё такого сказать, но тут Сашок с напряжённой взрослой интонацией спросил:

— Выгнали?

— Уволили. За прогулы без предупреждения и обоснования.

Петьке стало неловко. Торопясь обогнать дружка, он выпалил:

— Почему ты здесь сидишь?

— Автобуса жду.

— Так сегодня автобусов уже не будет.

— Значит, до завтра подожду.

Сашок, хмурясь, предложил:

— Пойдём к нам. Обсохнешь, поешь, переночуешь, а утро вечера мудренее.

— Нельзя. Завтра тебя сплетнями удушат. Мне на чужие слова плевать, я уйду и всё забуду. А тебе твоя доброта болью и обидами аукнется.

Толян поддержал друга:

— Дождь до завтра будет лить, посидишь ещё немного и вымокнешь совсем, простудишься. Пойдём, я тебя в бане устройю.

Рина качнула головой, хотя и засомневалась.

Хриплый голос сзади заставил всех вздрогнуть:

— Что за собрание?

Шершовка втиснулась между парней, заставив их разойтись в стороны. Ей хватило секунды, чтобы разобиться в происходящем:

— Никчёмная трещотка, и что сидеть, мёрзнуть? Стукнула бы в любую дверь: «Люди добрые, пустите переночевать». Давно бы спала в тепле. Метнулась бы к Ольге, к Тоньке. К старухе любой. Да хоть бы и Ксанка не отказала.

Рина замешкалась с ответом, и Шершовка грозно-неумолимо приказала:

— Вставай. Поживёшь у меня.

Едва слышно ведьмочка поблагодарила:

— Спасибо, Анна Егоровна.

— Ой, смотрите, какая вежливая. А я не о тебе забочусь. Помрёшь ты от хворобы какой, хорони тебя за общей счёт. Кто деньги собирать будет? Шершовка. Кому ноги топтать по деревне? Шершовке. Нет уж, хоронись сама в своей сторонке. А в нашей тебе помирать резона нет.

Рина испуганно пролепетала:

— Я не собираюсь помирать.

— Все так говорят. А потом обмывай их, наряжай, в гроб укладывай. Опять труды.

Переступив с ноги на ногу, вставшая ведьма пообещала:

— Я буду вам по хозяйству помогать.

— Ты от ветра, смотри, не упади, помощница. Дойдёшь до дома — считай, помогла, тащить волоком не пришлось.

— Я завтра договорюсь с кем-нибудь ещё.

— Ишь, пряткая какая. Нет уж. Я тебя нашла, мне и веселье. С каких таких разлюлей я буду с кем-то ещё счастливой добычей делиться? Пусть Глебовна причитает, что в магазин не пошла. А я вот как знала, что надо

пойти. У меня и будешь жить.

С этим распоряжением Шершовка двинулась к дому, будто не замечая сырости и холода. Рина поплелась следом, повесив на плечо промокшую сумку и обняв себя за плечи.

Часть 4

35. Благородный рыцарь

Возвращаясь на болото, я думала, что свободнее места не найти. Ошибалась. Я доделала переводы для Вулкана, и мне надо отвезти их в город. Но как оставить Лексу? И не могу же я запереть Яроша? У меня две ноги — и на каждой по человеку-гире.

А так хочется оказаться рядом с энергичными людьми, которые уверены, что смогут отправить человека в космос...

Надоело болото. И страдания надоели. Выпустите меня отсюда!

Сашка переводил тетрадки на макулатуру. Толян грыз гранит науки. Дело было утром, и делать Петьке было нечего. Он прошёлся по угору, посмотрел вдаль, ещё раз прошёлся по угору, дошёл до мастерской, вернулся на угор, посмотрел вдаль...

На весь день было одно дело — сходить в магазин.

Утренний кворум в количестве четырёх старушек сидел возле магазина в напряжённых позах с одинаково повернутыми шеями и торсами. Пыльное облако в конце улице означало, что некий человек направляется к центру деревни. Это не мог быть Семён, уехавший ещё на рассвете. Это не мог быть Михалыч, торчащий на сенокосе. Это вообще никто не мог быть.

А, значит, это было Событие. Приятная интрига дня.

Пыльное облако оформилось в стройного парня с лохматой причёской. Выношенные джинсы, изрядно стоптанные кроссовки и выцветший брезентовый рюкзачок позволяли классифицировать пришельца как представителя вида «деревенский отдыхающий». Интрига мельчала на глазах. Оставалось лишь выяснить, кому конкретно свезло на очередного постояльца.

Но тут пришелец поломал все вековые шаблоны. Подойдя к собранию старух, парень слегка поклонился и спросил:

— О, мудрые феи! Не соблаговолите ли вы указать уставшему путнику кратчайшую дорогу к ближайшей таверне?

Мудрые феи разом замерли, тщетно расшифровывая речь незнакомца. Сообразив, что витиеватый вопрос поставил старушек в тупик, парень переспросил:

— Здесь есть кафе? Или ресторан? Где перекусить можно? С утра маковой росинки во рту не было. А путь не близкий.

Первой очнулась Шершовка:

— В магазин зайди да купи, чем перекусить. А ресторан — вон, вся деревня один ресторан. Выбирай лавку, да садись. Так и быть, собак спускать не будем.

— Вы науськиваете собак на людей? Нехорошо. Ведь что получится-то может. Допустим, науськали вы собаку на чужеземца какого подозрительного. А у него в доспехах ведь и баллончик перцовый может оказаться? Или клинок стальной. И я уже не вспоминаю о тех смертельных базуках, которые продырявят собачку на решето. Неужели вам не жаль пёсика, который верой и правдой вам служил? Он видел в вас объект любви и почитания, а вы его на решето... И откуда в людях такая жестокость?

Сокрушённо покачав головой, парень нырнул в магазин.

Спустя почти минуту Глебовна отреагировала:

— Балабол.

Шершовка согласно кивнула:

— Свиристелка.

Прошло чуть больше времени, чем нужно было бы для совершения пары покупок. Шершовка заёрзала и бросила нетерпеливый взгляд на вход в магазин. Глебовна, наоборот, будто окаменела, вперив взгляд в кромку леса за домами.

Наконец, парень вышел с весьма объёмным пакетом в руках. Подойдя прямо к лавочке, он непринуждённо попросил:

— Милые леди, а вы не уплотнитесь? Я поем, а заодно послушаю ваши самобытные речи. Давно к культуре не прислонялся, а тут такая оказия. Живой музей под открытым небом. Ещё и с рестораном. Класс!

Обалдевший живой музей дружно уплотнился. Присев рядом со старушками, парень начал раздавать из пакета стаканчики с мороженым:

— Угощайтесь. Не одному же мне слюни продуцировать. Коллективно почавкаем.

Ещё одну упаковку парень протянул Петьке:

— Эй, товарищ абориген! Возьмите еду белого человека!

Чуть посомневавшись, Петька подошёл и получил заботливое указание:

— Бумажную шкурку лучше снять. А вафельку кушайте на здоровье.

— Спасибо.

Добыв из рюкзака салфетку, белый человек аккуратно протёр руки, чем поверг старушек в очередное изумление. Спрятав салфетку в карман рюкзака, пришелец отломил кусок батона, пристроил на него шмат колбасы и откусил от этого импровизированного бутерброда немаленький кусок.

— Ммм. Бофэфвефвая ефа.

Подождав, пока парень прожует первую порцию «божественной еды», Глебовна грозно спросила:

— Ты кто такой?

— Благородный рыцарь. — Улыбнувшись, пришелец добавил. — Хотя и не прекрасный принц, как вы, несомненно, заметили.

Старушки углубились в осмысление этого неожиданного ответа и дегустацию мороженого. Парень отпил немного холодного чая из пластиковой бутылки и объяснил:

— Я прибыл освободить добрую сказочницу от чар престарелого Кашея. Но сказочница не сказала, что от шоссе придётся полтора часа пыль месить, так что я притомился для сиюминутного совершения подвигов. Надо подкрепиться.

Откусив очередной изрядный кусок булки и колбасы, рыцарь принялся разглядывать деревенские дома и заборы. Выпавшая из протрации Ильинишна вежливо поинтересовалась:

— Как будешь сказочницу освобождать?

— Точно не знаю. Я ещё ничего такого не делал. Читал, что девицу надо закинуть на коня и увезти за туманный горизонт. С закидыванием я, наверное, справлюсь. Но у меня нет коня. Конечно, я очень даже могу быть сам себе конём. Однако я не уверен, что доберусь до горизонта. Вряд ли я смогу вынести сказочницу все полтора часа. Если её закидываешь на плечо, она больно колотит кулаками по спине.

Мудрые феи глубоко задумались. Парень дожевал бутерброд, допил чай и раскрыл кусочек батона чуть в стороне от лавочки:

— Цыпа-цыпа-цыпа.

Из-под ближайшего забора вылезла толстая курица и деловито проверила, что ей предложили. Боязливо под-

жав ноги, парень задумчиво заметил:

— Сказал «цыпа» — и тут же пернатое прибежало. Голодное. Какая опасная местность...

Собравшаяся с мыслями Ильинишна продолжила расспросы:

— А биться с Кашеем ты будешь?

Поморщившись, рыцарь скептически возразил:

— Ещё и биться надо? Это обязательно? Я могу предложить ему денежную компенсацию.

Упрямая Ильинишна гнула свою линию:

— Ты должен вызвать Кашея на бой. На лугу возле речки сойтись с ним в смертельной схватке. Кашей обернётся трёхговым Горынычем, а ты поскачешь на него с копьём наперевес.

Посмотрев по очереди на каждую из старушек, пришелец проникновенно и с некоторой досадой в голосе спросил:

— И зачем вы такого агрессивного Кашея себе завели? Нельзя было наколдовать доброго старичка в пушистых тапочках?

Глебовна решительно отказалась от такого навета:

— Мы не колдовали. Он сам завёлся.

Небрежно отмахнувшись, рыцарь отказался принимать такой ответ:

— Мне-то не рассказывайте.

Воцарилось молчание. Закинув остатки завтрака в пакет, а пакет в полупустой рюкзак, пришелец с минуту грелся на солнышке, а потом встал и приложил руку к сердцу:

— Благодарствую покорно за душевную компанию. А дорогу к замку с башенкой не покажете?

Шершовка сердито буркнула:

— Не покажем.

Парень беспомощно посмотрел на Петьку, развёл руками, и Шершовка добавила:

— Не дадим нашего Кашеюшку в обиду.

Эмма сладко улыбнулась и ласково прошептала:

— Не переживайте, рыцарь. Не нужно вам к замку. И с Кашеем незачем воевать. Спаслась сказочница самостоятельно. Села на метлу да в трубу вылетела.

Горестно покачав головой, рыцарь с печалью констатировал:

— Вот так всегда. Только ты на коня водружился с мыслью злодею наподдать, как извольте радоваться, оказывается, что спасаемое нежное создание самостоятельно наподдало злодею, захватило его замок, трон и армию, переделало злодея в дворецкого и теперь ищет, кого бы ещё облапошить своим кротким взором. Куда катится этот мир?

Уже без всякого ехидства парень нетерпеливо переспросил:

— Раз в трубу вылетела, значит, не заплатили? И где эта ведьма?

Шершовка, метнув недовольный взгляд на безмятежно улыбающуюся Эмму, скупно ответила:

— У меня живёт.

— Простите за прямоту вопроса, чем она вам угрожала?

— Тем, что замёрзнет прямо на остановке.

— Тяжёлая артиллерия.

Всем своим видом демонстрируя вселенскую усталость, Анна Егоровна начала соскребаться с лавочки.

— Нет-нет, милая сеньора, вы сидите, пожалуйста. Эй! Товарищ абориген! Не соблаговолите ли вы сопроводить благородного рыцаря до апартаментов этой прекрасной леди?

Петька отлепился от столба и невозмутимо буркнул:

— Пошли.

Немного отойдя от старух, рыцарь принялся рассуждать вслух:

— Ладно, пыль. Допустим, пернатые. Но вещие сестрички в переизбытке?.. И что меня понесло в рыцарство это? Того гляди, какое-нибудь прорицание про короны отхвачу, а потом все сцены мира придётся усеивать трупами. А я, может, театр не люблю. И трупов побаиваюсь.

Из-за кустов, нависающих над перекошенным штакетником, вылетело нечто увесистое металлическое, гулко просвистело прямо перед рыцарем и аборигеном, после чего мощно зарылось в дорогу, вызвав локальную ударную волну и небольшое грибообразное облако пыли.

Устало вздохнув, спутник Петьки попросил:

— В бой иду бедным рыцарем, но прошу считать меня тамплиером.

36. Обормоты и красавицы

*Никита умер. Ушёл к священным
воротам, к дому бога-страдальца.
На столе расставлены кубки, на тарелке
выложена рыба, и после сытной беседы
пастушок отправится в мир бесконечного
стада и вечного лета с назойливым гулом
слепней. Рай и ад, в сущности, могут
быть одним и тем же местом...
Пастушок пролежал неделю в ельнике
у дороги. Там, где его забили до смерти.
У Никиты были с собой колхозные деньги.
И маузер. Попутчик пастуха решил, что
ему всё это нужнее.*

Подобрав загадочный «снаряд», рыцарь начал внимательно изучать находку со всех сторон.

На дорогу выскочил Гришка, плюхнулся на колени и закопался в пыли, лихорадочно шаря по дороге сразу обеими руками. Из калитки показалась Ксанка и гневно припечатала мужа:

— Лентяй и обормот!

Рыцарь повернулся и, не скрывая изумлённого восхищения, уставился на Ксанку. Будто не веря себе, друг ведьмы прямо-таки залюбовался разгневанной фурией, растерянно ей улыбаясь. Недоумевая, Ксанка нехотя улыбнулась в ответ и проплыла мимо, замедляясь, удлинняясь и обретая грациозность.

Оторвавшись от созерцания, пришелец простодушно заявил:

— Вы видели? Какая красивая женщина!

Поднявшись, Гришка угрюмо и чуточку свысока объяснил:

— Это моя жена.

Рыцарь, полуобернувшись к Петьке, театральным шёпотом спросил:

— Не врёт?

Петька помотал головой, и рыцарь честно признался:

— Завидую. — Посмотрев вслед Ксанке и вздохнув, он весело добавил. — Ничего. Я тоже когда-нибудь женюсь. И тоже на красивой женщине.

Гришка вдруг рассмеялся. Рыцарь снова уставился на железку и констатировал:

— Надо разбирать и чистить.

— Знаю.

Ковырнув железку пальцем, рыцарь спросил:

— Отвёртка есть?

Гришка язвительно ответил:

— Есть.

На рыцаря эта интонация не произвела впечатления:

— Давай.

Гришка махнул рукой в сторону калитки. Усевшись

за большой дощатый стол, заваленный разным железным хламом, парень с любопытством оглядел своеобразную коллекцию и спросил:

— Это что?

— Мотоцикл.

— Не похож.

Гришка поморщился. Однако уже через несколько секунд мужчины ушли в обсуждение какого-то дефекта корпуса и спором о необходимости высверливать проклятый винт. Сидя за столом и склонившись над железками, они обменивались короткими фразами, прекрасно понимая друг друга и начисто игнорируя остальной мир.

Петька тоже присел к столу, но языка, на котором разговаривали любители железок, он не понимал, принять участия в беседе не мог и оттого быстро соскучился, не зная, не то ему уйти, не то остаться.

Вернулась Ксанка. При виде мужчин она состроила кислую физиономию, но потом прислушалась, изучила затылок рыцаря и подошла к столу, остановившись совсем рядом с незванным гостем:

— Вы будете пить чай?

Гришка поднял голову и скривил губы в ехидной усмешке. Однако рыцарь, даже не оторвав взгляда от железки, лежащей перед ним, буднично согласился:

— Да, было бы неплохо.

Ксанка склонила голову на бок, переступила с ноги на ногу, постояла ещё в задумчивости, но так и не решила, что делать. Гришка широко улыбнулся и подмигнул жене. Жена показала ему язык, отошла и присела на крыльцо, занявшись игрой с котёнком.

— Нет, вы только посмотрите на этого обормота!

Гришка нервно вздрогнул, выронил пассатижи и обернулся. У калитки, руки в боки стояла Рина, чьё обычно бледное лицо обрело яркие пунцовые краски. Не повернув головы, рыцарь спокойно ответил:

— А-а, вот и ты. Привет.

Несколько широких шагов — и Рина оказалась у стола, решительно стукнув по нему обеими ладонями:

— Я тебя ищу по всей деревне!

Голос ведьмы звенел металлом. На рыцаря это не произвело никакого впечатления. Уверенно повернув что-то внутри конструкции и довольно кивнув, он буркнул себе под нос:

— Секундочку.

Ксанка показала на рыцаря и спросила у Рины:

— Это твой парень?

Смешно нахмурившись, ведьма ответила вопросом:

— Похоже, что этот балбес пылает чувствами ко мне?

Поколебавшись, Ксанка честно признала:

— Нет.

— Вот и ответ.

Поколебавшись, Рина плюхнулась рядом с Ксанкой и протянула руку к котёнку. Малыш резво спрятался под ступеньки. Мужчины продолжили возню с деталью:

— Придержи здесь.

— Крути.

— Цепляет.

— Подчистим.

Время тянулось, но никого, кроме Петьки, это не тревожило. Рина с Ксанкой мирно сидели рядом и дразнили котёнка. Мужчины обменивались короткими отрывистыми фразами. Но отчего-то Петьке было неуютно в этом спокойствии.

Наконец, возня пришла к завершению:

— Есть.

— Работает.

Гришка и рыцарь дружно распрямились, потянулись, но затем рыцарь беспомощно огляделся, стеснительно улыбнулся и неопределённо протянул:

— Э-э-э. — Вытерев руки о собственные джинсы, ры-

царь с детской застенчивостью протянул механику руку, сообразив представиться. — Сергей.

— Григорий.

Переведя взгляд на Ксанку, а потом на Рину, Сергей весело спросил:

— Девчонки, а где же чай? Несите.

Ксанка расплылась улыбкой. Рина снова резко покраснела, вскочила и взмахнула руками, почти подпрыгнув на месте:

— Какой чай?!

Шагнув к ведьме, рыцарь преспокойно предложил:

— Обнимемся?

— Ах ты, бестолочь! Я тебе сейчас обнимусь...

Не двинувшись с места, Сергей выпятил нижнюю губу, насупил и чуть опустил плечи, что превратило его в провинившегося мальчишку, смиренно ждущего сурового наказания. Потом он улыбнулся и расставил руки широко в стороны, сдаваясь на милость раздраженной ведьмы.

И Рина прыгнула рыцарю на шею.

Петька такие трюки видел только в кино и позавидовал готовности рыцаря к столь внезапным нагрузкам. Мысленно представив, как Рина прыгает на него самого, он был вынужден дорисовать к картинке печальный пейзаж с торчащими вверх ногами, а затем и больничный натюрморт с шейными корсетами и атрибутами разных там перевязок.

Сергей бережно поддержал ведьму и после короткого объятия поставил её обратно на землю.

— Ты нашёл? — Нетерпеливо спросила Рина.

— А как же.

— И что это?

— Округлые приятности одной любительницы ветхой бумаги.

— Избавь меня от подробностей. Давай к сути.

Бросив быстрый взгляд на заинтересованного Гришку, любопытную Ксанку и наострившего уши Петьку, рыцарь снова застеснялся:

— Это, наверное, не слишком удобно здесь.

Ксанка подплыла поближе и радушно пригласила:

— Ну отчего же неудобно? Мы всегда рады гостям. Располагайтесь, устраивайтесь. Гришенька, ты, солнышко, подвинь свои детали немного, а я сейчас перекус организую. Не всухомятку же разговаривать. И оладушек я, как знала, напекла. Ты, Серёжа, с мёдом любишь или с вареньем?

Рыцарь выслушал это всё очень внимательно, но, кажется, не понял ни слова. Сообразив, что у него что-то спросили, он вопросительно посмотрел на ведьму, но та лишь закатила глаза и развела руками. Вздохнув, Сергей коротко изрёк:

— И то, и другое, и можно без хлеба.

Ксанка скрылась в доме. Рина задрала подбородок повыше, повела плечами, повертела кистями рук и передразнила:

— Финти-минти, за чаем она пошла.

Сергей наставил на ведьму указательный палец и сурово заметил:

— А ты не пошла, лентяйка и бездельница.

Петька не смог удержаться. Он надул щёки, сжал губы, перестал дышать, но смешки щекотали его изнутри. Прорвавшаяся смешинка выскочила из него с резким присвистом и громким хлопаньем. Компания дружно рассмеялась.

37. Архивные изыскания

*Ты шёл мимо меня. Холодно
и невозмутимо. Будто не чувствуя боли
и страха. На снегу оставались розовые
следы босых ног и маленькие красные
ямки. Конвоир подталкивал тебя
прикладом винтовки. Морозный ветер
выметал время из мира...*

*Я была счастлива. Ты дожил до утра, ты
мог стоять на ногах, ты был совсем
рядом. И я не запомнила, что и как
случилось. Я уронила муфту. Кажется,
вовремя. А потом ты уронил меня в сугроб
и крепко сжал, закрывая от взрывов.
В талой луже растеклись слова
с измятой карточки «Не бойся. Я всё
рассчитала»...*

*Как ты там? Держись. Я посылаю тебе
с попутным ветром свой нежный поцелуй.
Когда ты зависнешь над самой бездной,
нечто неуловимое поддержит тебя
и спасёт.*

Ксанка раздобыла из запасов на всякий парадный случай тонкие чашки, сплошь покрытые ярким цветастым узором. На серых досках изысканный сервиз смотрелся нелепо, не вписываясь в деревенский антураж. Рина восхищённо рассмотрела одну из чашек и очень уважительно пояснила:

— Красота. Настоящий кузнецовский. Это в музей надо.

— Обойдутся музейщики. Сами будем красиво жить. Помимо тарелки с оладушками стол украсился набором плосечек и мисочек, в которых были всяческие вкусности. Сергей явно настроился съесть всё, но Рина бросала на него нетерпеливые взгляды, и непринуждённой трапезы не получилось. Петька же и вовсе чувствовал себя не в своей тарелке. Хотя тарелкой снабдили и его тоже.

Наконец, сдвинув посуду к куче железок, рыцарь потянулся к своему рюкзаку и вытащил оттуда пачку измятых и замызганных листков. Смущённо улыбувшись, Сергей объяснил:

— Не очень-то много. Но и с этим мне здорово повезло. У разных нуворишей аристократический зуд начался, они новые родословные себе сочиняют, сплошь благородные. Кто-то, видно, к Лукогорским присматривался — на предмет внезапного обретения предков с княжескими титулами. Так что мне досталось всё сразу, готовым комплектом.

На первом листе в прямоугольном сером пятне смутно маячило нечто светлое. Рыцарь приступил к объяснениям:

— Бабушка. Аглая Лукогорская. Дочь бедных уездных дворян. Благотворительностью не занималась, в общественной деятельности не замечена, в светские сплетни не попала. Умерла в доме родителей. Во всяком случае, была похоронена на родине, на семейном участке. Кладбище снесли не так давно, некоторые могилы были сфотографированы. Судя по тому, что рядом с Аглаей похоронен младенец, умерший на три дня раньше, причиной её смерти стала родовая горячка.

На следующем листе оказалась нечёткая копия фотографии морщинистого лица с бородой.

— Дедушка. Николай Лукогорский. Получив наследство, вышел в отставку. После смерти жены уехал за гра-

ницу, издал две книги о духовности, не имевшие успеха. Жил-поживал, годы проживал. В возрасте семидесяти восьми лет по слабоумию был принят в богадельню православного монастыря в Сент-Клоринсе. В восемьдесят два скончался и похоронен на местном кладбище.

Очередная мутная картинка уносила в восточный город с торчащими башнями минаретов. На переднем плане торчала человеческая букашка в горделивой позе.

— Дядя. Константин Лукогорский. Военная карьера не задалась. Разжалован, уехал за границу. Некто Лука Горский оставил память о себе в среде профессиональных карточных игроков и шулеров. Вероятно, это и был Константин. Во всяком случае, он точно умер в Стамбуле. Его задушили на улице среди бела дня, и это стало поводом для дипломатических объяснений.

Сидящий за столом военный с лихо закрученными усиками. И криво скопированный листок с выцветшим перечнем фамилий.

— Отец. Владимир Лукогорский. Благодаря женитьбе получил должность, понемногу рос в чинах и окладах. Жил в столице, снимал квартиру в доходном доме. Не блистал ничем. Примкнул к белому движению. Попал в плен к красным и был казнён. Дата смерти неизвестна, но расстрельный список сохранился.

Почти во весь лист копия овальной картины. Молодая женщина и девочка вся в рюшах и ленточках.

— Мать. Анна Лукогорская, в девичестве Труверская. Фрейлина императрицы, вляпавшаяся в неприличный скандал. Её спешно выдали замуж, но с мужем она не поладила. Про её жизнь в Лукогорье данных нет. Умерла она за границей, во время эпидемии испанки. Но дата смерти и место захоронения нигде не указываются. А эта вот девочка — и есть ваша княжна Александра.

— Кукла куклой.

— Александра известна в узких кругах историков, за-

нимающихся раскопками мелочей из начала двадцатого века. Княжна болталась в заграничных кругах русских революционеров всех мастей. Ей приписывают с десяток скандальных романов, но, вероятно, это преувеличение. Чаще всего её упоминают как «фемме фатале» Лоэлина Саксонского. Якобы из-за ссоры с ней Лоэлин поддерживал националистические идеи третьего рейха. Но отдельно судьбой Александры никто, в общем-то, не интересовался.

После длинной паузы Рина подвела итог:

— Ничего интересного. И непонятно — зачем Александра вернулась сюда? На что княжна, дочь расстрелянного белого офицера, надеялась в красном хаосе? Что она здесь забыла?

Ответ Сергея прозвучал неподобающе весело:

— Семейное сокровище?

Обведя взглядом озадаченную компанию, рыцарь объяснил:

— Николай был богат. И не гнушался вкладываться в строительство и производство. Три дряхлых поместья выкупил, усадьбы снёс, дач настроил и очень, очень выгодно их продал. Завод кирпичный основал — и с прибылью сбыл. Стекольную фабрику затеял — два года торговался и продал, опять же, с выгодой для себя. И ещё с десятков подобных операций провернул. Николай не был князем по рождению, аристократическими вывихами мозга не страдал, поэтому работать не боялся, но и богатство напоказ не выставлял.

Выдержав ещё одну паузу, Сергей объяснил:

— Похоже, что сыновьям ничего не досталось. Один сын ради приданого женился на красотке с подмоченной репутацией. Другой и вовсе в шулера подался. Спрашивается, где деньги?

Компания начала наперебой выдвигать версии и догадки:

— Сыновья могли промотать наследство.

— Они его и не увидели. Николай пережил всю семью. Но и он жил довольно скромно, чтобы не сказать бедно. Умер и вовсе в благотворительной богадельне.

— А вдруг деньги где-то здесь закопаны? Золотыми слитками или бриллиантовыми коронами?

— Ваши бабушки сказок про клады не рассказывали? Песен про золотые горы не пели? Частушек про несметные сокровища не складывали?

— Выходит, Александру могли убить, чтобы ограбить. Очень удобная ситуация — труп неизвестной остаётся в лесу, а злодей с бриллиантами сваливает к хорошей жизни.

— Если у неё были бриллианты, зачем она оставалась здесь? Рядом большой город, где проще и затеряться, и драгоценности с рук сбыть.

— А если княжна вернулась домой, чтобы опустошить какой-то тайник, но её выследили и убили, чтобы забрать миллионы?

— Забавно выйдет, если те миллионы в старых ассигнациях где-нибудь всё ещё лежат. Представляете? Такие ветхие, плесневелые, рассыпающиеся миллионы.

И все задумались, представив себе обесценившееся богатство.

Гришка продолжил разговор:

— Итак. Александра вернулась в Россию и заехала в родное поместье. Допустим, потому что искала сокровище. Но кто-то её узнал и по каким-то причинам убил. Или не узнал, но всё равно убил. Кому она могла помешать?

Пожав плечами, Ксанка певуче предположила:

— Красивая молодая женщина, одинокая, беззащитная. Этого уже достаточно, чтобы стать жертвой в лесу. А если вспомнить, что она дворянка? Сколько мужиков могли захотеть получить с неё революционную контри-

буцию? И отнюдь не бриллиантами. Задумайтесь, за какие-такие бриллианты убили Ларку и Нинку? Убийца живёт рядом с нами, а мы бегаем через пустошь, гуляем по ночному лесу, громко смеёмся и нисколько не смущаемся мыслью о том, что Зло рядом.

В воцарившейся паузе калитка натужно скрипнула, и во двор двинулся Семён. Чуть нахмурившись, он оглядел компанию и веско распорядился:

— Петька, а ну-ка, марш домой, тётка тебя ищет.

Гришка и Ксанка насторожились. Рина радушно улыбнулась. Сергей выдержал паузу, а потом негромко спросил:

— Это Илья Муромец? Или Добрыня Никитич?

Ксанка весело и певуче ответила:

— Это Семён Андреич.

Пожав плечами, Сергей с лёгкой претензией в голосе выдал:

— Слушай, ведьма, ты куда меня заманила? В какое такое сказочное измерение? Ты же знаешь, я физике учусь, меня к волшебным явлениям осторожно подводить надо. Ты могла бы и задуматься, что рыцарю-самозванцу в стране былинных богатырей может быть некомфортно. Особенно без коня.

Семён сдержанно усмехнулся и снова показал Петьке на улицу.

Улучив подходящий момент, Петька смотался из дома сразу после обеда. Но двор Масловых был уже пуст. На столе высилась груда железок. На лавке стояли собранные в стопку чашки и тарелки. У крыльца прыгал котёнок. Однако весёлая компания исчезла, не оставив никаких указаний по способам перемещений в сказочные измерения.

38. Два по три, три по одному

*Новым комсомольским вожаком
единогласно выбран Фрол Шершов. Он
так удивился, что пришёл
посоветоваться. Объяснила на пальцах,
что если он хочет спасти мир, то надо
вступать в партию и возглавлять колхоз.
Ушёл с квадратными глазами.*

Как приятно в погожий денёк развалиться на тёплом песочке и, закрыв глаза, предаваться мечтам о счастливом будущем. Хотя мешает, конечно, бубниловка Толяна, посвящающего Сашку в тонкости квантовых теорий.

Толян откопал в сидаковской библиотеке плесневелые подшивки журнала «Химия и жизнь» и утащил часть из них домой, решив, что у него бессрочный читательский абонемент. Попытки сделать первые опыты, описанные в журналах, привели Толяна к весьма печальным результатам — он сжёг несколько кастрюль и переколотил изрядное количество банок. Но неудачи только раззадорили юного химика, и теперь он был преисполнен решимости вовлечь в свои эксперименты друзей. Не всё же ему одному в спалённых рубашках ходить?

Сашок внимательно слушал Толяна, но ни одно слово не проникало в его сознание, ибо он был занят наблюдением за муравьями, которые неторопливо тащили какую-то щепочку прочь от воды.

Идиллию пляжного отдыха нарушил девчачий смех. Женька, Динка, Мышка решили не упускать солнечную погоду и примчались искупаться на мелководье. Здесь вода Облепиховки быстро прогрелась и заполняла яму у берега, к которой спускался пологий песчаный берег.

Яма оставалась в стороне от течения реки, уходящей в широкий изгиб, и как лукогорцы, так и сидаковцы считали это место лучшим пляжем во всех окрестностях.

Звенящий голос Динки и писк Мыши сливались в какофонию звуков, в которой решительно невозможно было грезить о капитанском мостике межзвёздного корабля. Сашок и Толян приняли горделивые позы, пытаясь не обращать на девочнок внимания, но в то же время выдавая это внимание каждым движением. Петька рассматривал девочнок из-под кепки, прищурился так, чтобы можно было счесть, что он дремлет.

Странное дело, но пупок Женьки, открыто подставленный под солнечные лучи, уже не казался ему особенным. И все пупки всех девочек казались ему одинаковыми и скучными. Может, тогда на рыбалке ему просто напекло голову?

Девчонки вымочились и побрызгались на мелководье, после чего уселись отдельно от мальчишек, но недалеко, так, чтобы до сильного пола долетало каждое слово их пустой болтовни.

— Ой, девчонки, а что вчера было. Вы просто обалдеете! Иду я мимо пустоши, смотрю, за мной какая-то тень ползёт. Я быстро-быстро в сторону, а она за мной. Я та-а-ак перепугалась, побежала, а она не отстаёт. Представляете?! Бегу я, вспоминаю, что дома-то никого нет, мать ещё не вернулась, и думаю: а вдруг она за мной в дом забежит? Бросилась к Вальке — никого. Стукнулась к Ксанке — тишина. Ой, мне прямо дурно сделалось! Хорошо, хоть Глебовна дома оказалась. Отсиделась я у неё, через час вышла — вроде всё тихо, никого нет. Но вы не поверите, всю ночь не могла глаз сомкнуть. Дрожала и всё. Ужас!

Толян пояснил Сашке:

— Вообще-то, тень — природное явление, образующееся там, где объект перекрывает световой поток.

Динка поёрзала, усаживаясь поудобнее, и заявила:

— Насчёт тени не знаю, а вот с привидением дело мутное. Что-то в последнее время никто его не видел. Может, оно заболело? Или в другие леса подалось?

— Какое заболело, Динка? Не болеют привидения. А если ушло — так и скатертью дорога. Спокойнее будет.

— Скучнее.

— Может, это оно девушек убивало и в колодцы за-таскивало. Испугалось, что его поймают и убежало.

Толян пренебрежительно скривился:

— Если у привидения нет материального тела, то оно никак не могло задушить девушек.

— Но оно могло вселиться в чужое тело и заставить это тело убивать.

— Процесс вселения и захвата сознания предполагает перестройку всех связей внутри мозга. Вряд ли это можно осуществить без серьёзных потерь контроля. Тело может разучиться дышать.

Женька лениво потянулась к своей сумке, вытащила оттуда зеркальце, помаду, салфетку и принялась мазывать губы ярко красной краской. Строя гримасы зеркалу, она изредка окидывала остальных снисходительным взглядом. Петьке это показалось смешным, и он перевернулся на живот, повернув голову так, чтобы никого не видеть.

Динка спросила у Толяна:

— Ты не веришь в существование привидений?

— Для начала сформулируй, что такое привидение. Желательно в математических формулах. С определёнными константами и граничными условиями.

— В волшебство ты тоже не веришь?

— Я не верю в волшебные палочки и заклинания, которые могут создать что-то из ничего, не затратив никакой энергии и не увеличив энтропию. Травы, металл, стекло, земля, ветер, вещества, атомы — это просто наш

мир. В этом нет колдовства. Волшебство — это то, что создаёт наше сознание. Это логические связи, которые наш мозг просчитывает, но мы не знаем, по каким формулам.

Сашок, утомлённый рассуждениями Толяна, попытался сменить тему беседы:

— Девчонки, а где вы ведьму потеряли? Попросили бы её сейчас жахнуть в Толяна заклинанием, и он сразу уверовал бы в привидения.

Мышка объяснила:

— Рина кухню Шершовке отмывает. Дружок её тарелку с борщом уронил, и стену, и полы залил. Сам уехал, а она теперь отдувается.

— Так он чуть ли не в каждом доме по миске борща сожрал. Видно, руки сами дрогнули, когда ещё к одной тарелке потянулся.

— Такого едока и покормить приятно. Он даже морковные котлетки Эммы с аппетитом да похвалой слопал. Эмма потом на лавочке рыдала, что только в старости настоящего мужчину встретила. Они с Глебовной из-за него чуть не подрались. Глебовна его пирожками заманивала, а Эмма вне очереди с котлетками выскочила. Теперь обеим никакие загробные суды не страшны, все прегрешения ещё при жизни по косточками разобраны.

Женька неторопливо заметила:

— Нас трое, вас трое. Шесть равно два раза по три. Или три по два. Ведьма была бы седьмой. И лишней.

Толян встрял со своим очередным пояснением:

— Семь всегда считалось магическим числом. Потому что невозможно построить правильный семиугольник, вписанный в окружность. От тройки до девятки многоугольники вписываются. А семёрка — нет.

На пляж вышли Мотька, Колька и Гошка, грязные, уставшие и понурые. Увидев компанию подростков, Мотька уныло заметил:

— Ой, да тут яблоку некуда упасть. Малышня загорают.

Колька подбодрил, на ходу избавляясь от промасленных штанов и рваной рубахи:

— Будем надеяться, малышня тебя не покусает. Но если набросится, ты держись. Мы убежать успеем.

Мужчины вошли в реку и наперегонки поплыли к другому берегу. Вернувшись, они минут десять брызгались на мелководье, а потом выбрались, отошли вверх и в сторону, к разнотравью, где и улеглись обсушиться и отдохнуть.

Динка с Толяном продолжали соревноваться в умствованиях вокруг магии, но Петька сосредоточился на разговоре трёх мужчин.

— Слышали новость? Луг скоро освободится. Объект вывозить начали. Гордей бегаёт, команды раздаёт, а Петрович у Тоньки за ларьком в теньке пиво попивает. Проверяет, не оставил ли ценного оборудования в лесу.

— Да, признаться, уедут — и дышать будет легче. Я с Семёном перемолвился, пока страды нет, отгоним за реку маленький трактор Михалыча, ямы в овраге сравняем. Часть подлеска заодно подчистим, будет место по светлее да поприятнее.

— Семён и насчёт колодца бахвалился.

— Так колодец засыпать ему менты не разрешили. Сказали, что он нужен для следственных действий.

— Да какие там могут быть действия. Голову морочат.

— У них теперь главный свидетель Поруня. Венька давеча к племяшу мотался, приехал довольный, Поруне в клинике плюшевого кота дали, так дурак только что сам не мурлыкает, всё с игрушкой обнимается. Вроде бы даже говорить начал. Менты думают, он на пустоши что-то видел.

— Хоть бы заговорил уже. Признаться, мне надоели эти немые вопросы во взглядах. Уж не убивает ли наш

Коля девушек на досуге? Может, зря мы ему доверили дверь поправить? Может, нельзя его в дом с молотком пускать?

— Это что, меня на прошлой неделе с мотком кабеля на плече чуть не побили. Я же на злое дело собрался, всю деревню перевешать.

— Думаете, Поруня и в самом деле что-то видел?

— Нет, вряд ли. Но надо же ментам хоть за что-то уцепиться. Нас всех измотали, сидаковских парней дома-тывают, а улики нет. Кого хочешь, того и подозревай.

— А мы кого подозреваем?

— Я никого не хочу подозревать.

— Я только одного подозрительного знаю.

— Петьку, что ли?

Петька вжался в песок, оцепенев от неожиданности такого поворота.

— Мать его жалеет, денег присылает, а вдуматься, так сама сына гробит. Он второй год ничего не делает, только пьёт да у крыльца валяется.

Облегчённо выдохнув, Петька сообразил, что речь не о нём, а о деревенском пьянице Петре Жукове.

— А сестра? Всё же Петька её и в школу водил, и бантики-ленточки ей покупал. Заботился, как мог.

— Сам и перечеркнул всю заботу. Сколько она его из канав пьяным тащила? Петенька, братик, пойдём домой, люди же смотрят, стыдно. Тьфу! И ведь все ей помогали, потому что, и правда, стыдно. За её унижение в первую очередь.

— Разбаловали они с матерью его. Ну и валялся бы пьяным в канаве — простудился бы, заболел, глядишь, испугался, одумался. А чтобы не валяться, когда денег дают, домой ведут, дома раздевают, умывают, спать укладывают. С утра рассол подносят и тихо разговаривают, чтобы похмельного Петечку не беспокоить. Так и последний трезвенник сопьётся.

— Сестра с матерью год как уехали, и Петька в больницу после их отъезда быстро загремел. Только не одумался что-то.

— Думаешь, он мог Ларку и Нинку придушить?

— Пьяные много страшных дел творят.

— Ой, гляньте, там целая демонстрация в эту сторону выдвигается. Пошли, мужики. Освежились и хорош.

Вслед ушедшим в сторону луга мужикам Динка задумчиво посчитала:

— Трое, и все по одному.

Женька быстро добавила:

— Мотька к Ларке подкатывался, все знают. Она его отшила, а теперь кто другой ей цветочек на могилку принесёт?

— Так и Мотька что-то не торопится с цветочками. Не так уж он по Ларке страдал, как о том теперь болтают. Подкатился, не вышло, вздохнул, другими делами занялся. Вот и вся история.

— Зато у Кольки с Нинкой хоть до поцелуев дошло. А может, и до чего посерьёзнее. Гошка вот всё один, да, по правде сказать, никому он нужен, лежебока.

Мышка неожиданно заметила:

— Какая ты осведомлённая, и даже насчёт чужих поцелуев всё знаешь.

Женька поморщилась, Динка улыбнулась, и все три маленькие гидры синхронно сделали вдох, чтобы продолжить болтовню. Но тут из-за пригорка донесся визг и рёв. Через пару минут показались две женщины с толпой малышей.

Малыши мгновенно разбрелись по всему пляжу и принялись делать куличики, кидаться песком, лезть в воду, катать надувной мяч. Остаться в этой атмосфере всеобщего движения было невозможно.

Петька встал, потянулся и бросился в воду. Сашок и Женька вбежали в реку вслед за ним.

А вот Толян неторопливо зашёл по колено и с уверенностью кавалера галантных времён протянул руку Динке, а затем и Мышке. Кажется, Петька проспал какое-то важное волшебство. Какое заклятие превратило неуклюжего Толяна в ловкого пловца, смело улыбающегося девочкам?

39. Сказка для непоседы

*Что такое магия? Терпение земли.
Упрямство воды. Страсть воздуха.
Неустовость огня. Необъятность тьмы.
Лучезарность света. Беспокойство
разума. Сила жизни. И любая елейная
болтовня.
Я вижу мир таким, какой он есть. Там,
где ставится точка, начинается новая
история. Будут сказки. И весёлые игры.
И горе потерь. И счастье объятий...
Всё будет. Где-то. Но не здесь. А я как
раз здесь!*

Петька уныло копался в ящиках и коробках с банками. Ольга поручила ему выбрать только литровые, без трещин и сколов, с шестью насечками для завинчивания на горлышке. Найденные банки следовало отмыть до идеальной прозрачности и блеска, просушить, выстроить в ряд и пересчитать. На завтра Ольга запланировала день смородинового варенья. У Семёна и всех соседей тут же нашлись важные дела за сто километров от Лукогорья. Но у Петьки никаких дел не было, и по всему выходило, что лежать на амбразуре из сморо-

диновых веток и истекать смородиновым соком придётся ему одному.

Тщетно пытаюсь найти хоть какой-то позитив в предстоящем заготовочном аврале, Петька не сразу понял, что в дверь кто-то скребётся.

Переступив порог, Рина быстро спросила:

— А твоя тётка дома?

— Она в контору ушла. Вроде бы проверка из района приехала.

Разочарованно вздохнув, Рина замялась. Петька решил взять на себя роль гостеприимного хозяина. Подражая тётке, он суетливо и требовательно предложил:

— Ты проходи, проходи. Садись, подожди, я чаёк организирую.

Рина огляделась и заискивающе попросила :

— Петь, а можно я на печку посмотрю? У вас такая большущая, настоящая, на полдома. Я всё изучаю, как они работают, и не очень-то понимаю. Можно я кое-что проверю?

Что же ошеломлённому Петьке оставалось делать? Только кивнуть.

За минуту Рина успела подёргать все вьюшки и за-слонки, посмотреть под печкой, за печкой, и даже наполовину всунуться в саму печку, чтобы оттуда пробубнить что-то неразборчивое. Наконец, она залезла наверх, на широкую лежанку.

Тут хлопнула входная дверь, и Петька мгновенно представил себе разгневанное лицо тётки. Ольга полагала кухню и печь исключительно своей и священной территорией, за визит Риной в этот «заповедник» Петьке однозначно грозили какие-нибудь огородные работы на всё оставшееся время каникул.

Рина быстро слезла с печки, но Ольга вовсе не рассердилась, только уточнила:

— Разобралась, непоседа?

— Нет, не очень. Зачем вон та штука трубу закрывает?

Ольга улыбнулась и ответила:

— Чтобы тепло не уходило.

Петька провалился в ощущение «дежа вю». Рина носилась вокруг печки, задавая бесконечные вопросы: «А тут кирпич выпал или это полочка просто?», «А эта дырочка для чего?», «А как горшок в этой штуке держится?». «Ухват? Потому что хватает? Понятно». «А куда уголки?» «А зачем дощечка?»

Тётка терпеливо отвечала, чуть свысока улыбаясь наивным вопросам гостыи. Но сколько всего вопросов Рина могла бы задать, Петька так и не посчитал. Опомнившись, любопытная девчонка вдруг смутилась, покраснела и перешла на тихий лепет:

— Ой, вы извините. Я не хотела мешать.

— Тебя Егоровна послала? Что-то попросить?

— Нет. Но понимаете, у неё в комнате дверь старая и внизу щель получается. Иногда сквозит сильно. У вас старого половичка нет? Чтобы не жалко было? Можно было бы его на дверь прибить, и он бы дырку закрывал. Анна Егоровна не хранит ерунду старую, но вот иногда от неё прок бывает.

Ольга с мягкой улыбкой пообещала:

— Забежишь завтра с утра, поищем на чердаке. Наверняка есть, и не только половички. Но силы нужны найти да вытащить. А пока садись, пообедаешь с нами.

Рина заколебалась, но повелительный жест Ольги, указывающий в сторону стола, не оставил ей выбора. А вот племяннику Ольга показала на дверь:

— Укропчика нарви. И петрушки тоже. И помыть не забудь.

Пока Петька возился с травой, Ольга успела усадить гостью, поставить перед ней большую тарелку с ароматным куриным супом, наставить вокруг маленьких пло-

шек с хлебом, сметаной, какими-то пряностями, и даже водрузить рядом салфетницу, которая обычно доставалась по особым случаям.

Смущённая и покрасневшая Рина несмело попробовала суп, а Ольга, кивнув Петьке на место рядом с собой в углу, продолжала начатую в отсутствие племяша речь:

— Сказки дело простое. Плети себя слова, одно к одному, вот и будет сказка. Правил нет, законы природные можно не соблюдать, натуре человеческой можно противоречить. Говори, что хочешь, а нестыковки волшебством объясняй.

— Но ведь Глаша рассказывала каждому свою сказку.

— Глаша не смущалась и не боялась быть сказочницей. А по сути, каждый человек — сказочник. И весь наш мир — сплетение сказок. Придумывай свои сказки — и рассказывай их. Вот и вся премудрость.

— Мне нравятся истории о маленьких существах.

— Хочешь, я о тебе сказку расскажу?

Чуть не подавившись, Рина закивала:

— Конечно, хочу.

— Ты птенчик ещё. Серая птичка-невеличка.

Но неспроста тебя призвал лукогорский лес. Живы здесь древние защитные заклęcia. И Матушка-Берёзушка осыпала тебя своей волшебной пылью. Пока пыльца не выветрится, злые силы тебя не увидят. У тебя будет время подрасти и встать на крыло.

Рина очень удивилась и уставилась на Ольгу во все глаза. Улыбнувшись, Ольга объяснила:

— Однажды ты сбросишь серые перья и развернёшь огненные крылья, чтобы взлететь Жар-Птицей и дать бой демонам, что хотят уничтожить мир. Ты пришла, чтобы сиять и сражаться. Иногда ты будешь проигрывать. И падать в пепел. И каждый следующий взлёт будет труднее предыдущих. Но если ты не взлетишь, никто не взлетит... А пока рот закрой и доедай суп.

Рина медленно доела суп, отложила ложку и серьёзно заметила:

— Вот я знаю, как это работает. Избранность, великая цель, тернистый путь — это всё банально. Я скептик на всю черепную коробку... Но, чёрт возьми, я же верю! Я уже рисую себе крылья!

Восклицание гостыи не произвело впечатления на Ольгу. Она строго сделала замечание:

— Не призывай чертей попусту. Накличешь встречу.

Пожав плечами и разведя руками, Рина спросила:

— Как вы это делаете?

— Я пришла, чтобы рассказывать вам, кто вы есть. Котлету будешь?

Секундное сомнение — и Рина решительно согласилась:

— Буду.

Пока Петька и Рина доедали второе, Ольга успела собрать несколько маленьких кастрюлек. Едва Рина вылезла из-за стола, она протянула ей сумку:

— Возьми. Егоровну покормишь.

Рина, поклонившись, торжественно поблагодарила:

— Большое спасибо.

— На здоровье.

Едва сиделка скрылась за калиткой, Ольга рассмеялась и пояснила Петьке:

— Вот чудачка. Уж такой скептик, что других таких поискать.

И всё же у Петьки осталось смутное чувство непонимания. Почему Ольга пообещала крылья Рине, но никогда не говорила ничего подобного родному племяннику? Разве ему не суждена великая цель?

40. Сквозь закрытые двери

*Кричать не могу. От размахивания
руками не легче.*

*Оно не хочет сюда. Оно знает, что здесь
страшно. Оно упирается своими
маленькими лапками, потому что хочет
остаться в тёплой утробе.*

Огромный шатёр хлопал, вырывался, пытался взлететь и всячески затруднял свою упаковку. Но уверенные команды Гордея помогли экспертам справиться с внешней оболочкой объекта. Внутренности уже были упакованы и частично вывезены, поэтому сворачивание палатки будто провело черту во времени. Период «когда ещё был объект» сменился эпохой «когда объекта уже не было». Праздника по случаю завершения работы Гордей не объявлял, однако на раздачу конфет и пряников заворачивали и взрослые, и дети. Постояв возле большого чёрного чемодана с аппаратурой, лукогорцы желали экспертам успехов и уходили восвояси. Но подростки и молодёжь оставались, неторопливо обмениваясь впечатлениями, а также собирая конфеты по третьему и четвёртому разу.

Рина прискакала на луг, когда тени начали удлиняться, а в дневной зной вползли первые признаки вечерней прохлады. Гордей, заметив ведьму, кивнул ей на один из ящиков, приглашая сесть, и поблагодарил:

— Спасибо за наводку. Ты могла бы и меня спросить, но тогда я не узнал бы про источник Сергея. А Лука Горский — это отдельная интересная тема, и мы её прозевали. Намекни приятелю, что его ждёт успешная карьера в структурах, где ценят умение добывать информацию.

— Его уже попросили на выход из одной такой структуры. Он никак не мог понять, зачем ему надо вставать, если в комнату входят большие звёздочки.

Гордей кисло улыбнулся, и Рина попросила:

— Расскажите нам всё по порядку?

Вокруг Гордея образовалась группа внимательных слушателей. Девчонки быстро заняли все ящики. Мальчишкам остались места на траве. Петька по-простому сел на найденный обрывок картона.

— Итак. Выстроим то, что нам известно, в хронологическом порядке. В Лукогорье приехала княгиня Аглая. Беременная княгиня, чьи старшие сыновья уже были взрослыми. Возможно, у неё было много выкидышей, или она считала себя бесплодной. В любом случае, она благоговейно относилась к своей беременности.

Считается, что вся деревня молчала про Елену и Николая, но то, что княгиня решила навестить имение — знак того, что ей донесли о романе мужа. Она приехала проверить, что за экономка живёт в княжеской усадьбе. Но ещё больше её интересовала дочка Елены — очаровательная Анастасия. Аглая хотела своими глазами убедиться, что девочка есть, и что она получает всё самое лучшее в ущерб официальной семье князя.

Беременную женщину легко вывести из равновесия, и кто-то из недоброжелателей князя помог его жене разозлиться до невменяемости. Кто и почему? Мы вряд ли узнаем. Я бы поставил на то, что Елене завидовала деревенская женщина, с которой князь покувыркался на сеновале, но в свой дом не пригласил. Аглая повелась на подначки и решила не только убить соперницу и её ребёнка, но и сровнять с землёй уютный уголок, в котором муж был счастлив.

Елена успела выбежать из горящего дома и унести дочку так далеко, насколько хватило сил. Настя выжила. Увы, девочка надышалась горячей гарью, что повредило

гортань и голосовые связки. Она осталась немой.

Для князя Николая испытание искалеченной дочерью оказалось непосильным. Он продолжал слышать счастливый лепет красивой маленькой девочки, её беззаботный смех. А реальность показывала ему мычащее от боли неразумное создание. Князь перепоручил заботу о Насте Ярошу — и этот выбор, видимо, определялся тем, что уж с Ярошем у него точно не было никаких приключений на сеновалах.

Злодеяние роковым образом отразилось на Аглае. Разумеется, князь догадался, кто стоит за пожаром. И есть предположение, что княгине пришлось сбежать в родительский дом от его побоев. Расштанная психика, стрессы, передряги переезда наверняка сказались в печальном исходе родов. И младенец, и мать быстро скончались. Старшие сыновья сочли отца виноватым в гибели матери и отказались общаться с ним...

Вокруг Гордея соткалось облако тишины. Всем известная легенда о пожаре вдруг обросла неожиданными деталями, и эти детали приближали лукогорцев к трагедии столетней давности. Будто это они сами, а не их прадеды и прабабки были свидетелями страшного пожара.

— Терем за рекой князь Николай замыслил как место своего печального уединения в постах и молитвах. Однако после периода депрессии уходить в свой персональный монастырь он передумал. На него сильно подействовали модные сеансы мёдиумов, и он даже стал рассказывать, что испытал особое мистическое озарение. Потусторонний дух повелел ему собирать старинные бумаги. Это была грамотно выстроенная афёра, которая стоила князю половины состояния. Что за бумаги Николай купил, точно неизвестно. Но известно, что похваляющийся обманом папаши Константин проиграл свой куш в игре с турецкими подданными, которые лихо обвели вокруг пальца уже его самого.

Пока всё это бурлило, в тереме подрастала Настя. Ярош не утруждал себя заботами о девочке. И вопреки сомнениям Николая, только доброта лукогорских баб не позволила ребёнку умереть от голода и холода. Девочку ждала вполне определённая судьба — попрошайничество на сидаковской паперти. Но тут в поместье приехала Анна с дочерью.

Анна вышла за Владимира Лукогорского после скандала, поменяв приданое на княжеское имя для своего ребёнка. Вероятно, Владимир не был отцом Александры, но решился на брак в расчёте на связи жены в самом высшем обществе. Однако высшее общество вычеркнуло Анну из числа своих, императрица и слышать не хотела о некогда любимой фрейлине, и разочарованный Владимир выгнал презираемую жену в Лукогорье.

Рина быстро предположила:

— Если призадуматься, то разочарованная жизнью княгиня и кузнец-боббль могли найти общий язык не только в обсуждении хозяйственных проблем.

— Нет. Анна была не так воспитана. Она выросла капризной принцессой, и Ярош был для неё букашкой. Как и Настя — ибо Анна признавала только законное происхождение. Анна вышла замуж за нелюбимого и никчёмного мужчину, лишь бы дать дочери законное имя. Нам это сложно понять, однако для неё это было очевидным и простым выбором.

Ксанка, Динка и Рина дружно поморщились. Гордей развёл руками и вернулся к повествованию:

— Насте было лет восемь, когда появилась Анна с двухлетней Лексой. Легко представить, как старшую девочку просят что-то принести, подать, помочь, а потом приказы становятся нормой. Огрызнуться Настя не могла, и через пару лет все воспринимали её не иначе, как барскую прислугу.

И всё же для Насти приезд Анны стал благом. Анна

привезла с собой книги, она читала дочери вслух, учила её чтению, счёту, музыке, рисованию. Настя впитывала каждое слово. Научившись читать, она открыла для себя большой мир. Оставаясь для всех неполноценной калеккой, она знала больше, а мыслила свободнее и шире, чем большинство сверстников.

Неизвестно, какие аргументы нашла Анна для давления на старого князя. Но через несколько лет заточения в Лукогорье она получила от него неплохое содержание. Есть предположение, что она могла разыграть карту лечения Насти. Но проблема в том, что для этого надо было понимать, что Настя этого достойна. А Настя так и не получила ни копейки из выплат, которые подразумевали траты и на неё тоже. Анна только купила ей билет за границу. В третий класс. Сама она, разумеется, поехала первым. Впрочем, Александре тоже не перепало от материнских щедрот. Анна отправила её в закрытый пансион, сэкономив на нарядах и учителях.

Маршруты скитаний Насти по Европе установить уже невозможно. Мы знаем, что какое-то время она мыла пробирки в Лейденском университете и жила неподалёку в холодной тесной мансарде. Известно, что она посещала лекции в Сорбонне и пыталась продавать свои рисунки на Монмартре. Есть упоминание, что она работала у профессора в Гейдельберге, но о каком времени речь и кто был этот профессор — неизвестно.

В целом же понятно, что за несколько лет Настя посмотрела разные уголки Европы, познакомилась со множеством интересных людей и выучила немецкий и французский языки на хорошем уровне. К сожалению, её немота закрывала перед ней очень многие двери. Тогда не считали нужным хотя бы скрывать пренебрежение калеккой. Настя компенсировала отсутствие устного общения перепиской. Для писем она использовала несколько псевдонимов, и сейчас некоторые историки пытаются

найти и собрать её письма со всей Европы. То, что уже удалось отыскать, опрокинуло пару академиков в болезненные обмороки. Их диссертации оказались глуповатыми сказками про альтернативную реальность...

Петька вдруг обнаружил, что рядом с ним уселась Женька. Она нашла ещё один кусок картона и заняла соседний клочок травы. От девчонки шла волна тепла, едва заметные прикосновения плеча казались приятными и расслабляющими, и Петька приветливо улыбнулся соседке, подставляя руку, чтобы она могла на неё опереться.

Эх, если бы здесь не было всех этих людей со всеми их разговорами!

Мысль показалась заманчивой, но в то же время тревожной. Допустим, люди исчезнут. Что дальше? Что он будет делать?

Нет-нет, надо сосредоточиться на рассказе. Да и вдруг Рина заметит, что он нечаянно покраснел?

41. Две хозяйки

Здравствуйте, Галатее Лоэлевна. Это если по-сказочному. А если по метрике, то Глафира Алексеевна.

Эх, видел бы вас-козявочку ваш правильный папенька... Я ему, пожалуй, напишу. Так, мол, и так, герр идеальный герой, родилась у вас в дремучем крае недолудей девочка-полукровочка. Скорее даже многокровочка... От таких новостей потрясённый сверхчеловек, пожалуй, вывалится из окна...

Гордей продолжал своё повествование:

— Пока Настя училась и оттачивала мастерство письменной речи, Александра жила в пансионе, который был известен строгими порядками, физическими наказаниями воспитанниц и стычками между ними. Настя наверняка писала Лексе, как писала вообще всем, кому могла писать. И вскоре после того, как Лекса вырвалась из пансиона, девушки встретились.

Настя невольно подтолкнула юную красавицу к образу роковой сердцеедки. Сначала помогла составить какую-нибудь записку, потом написала письмо, а затем и увлеклась перепиской от имени Лексы. Так они и влипли в дуэт красоты и литературного таланта. Осознав все преимущества такого тандема, Настя и сама стала завязывать письменные знакомства и отношения, зная, что если дойдёт дело до встречи, она спрячется за княжну. Прятки оказались столь удачными, что вплоть до недавнего времени никто и не подозревал, чьи мысли изложены в письмах Лексы, и чьей рукой эти письма написаны.

Поначалу обе девицы были в полном восторге от своей затеи. Одна примеряла чужую корону интеллектуалки, другая упивалась письменными комплиментами не своей красоте. Разлад начался, когда они обе увлеклись — и очень разными мужчинами.

Насте нравились спокойствие и независимость Алексея Северова. Но Лекса тяготилась встречами с ним, что он, конечно, чувствовал. Лекса влюбилась в яркого и весёлого Георгия Волкова, но Настя скучала, сочиняя письма для него, и он тоже заподозрил, что любимая лишь играет с ним.

Лоэлин Саксонский не был нужен ни одной, однако девицы провались в ловушку ревности друг к другу и начали азартно соревноваться. Настя выплёскивала самые невероятные фантазии. А Лекса дразнила её тем, что Лоэлю не нужны фантазии, он пойдёт за бантиком с её щиколотки. Всё это и привело к краху. Мужчины с разбитыми сердцами и покорёженными мозгами разбежались, Лекса и Настя поссорились и разъехались в разные стороны.

А тут и всяческие исторические катаклизмы подкрались. Настя свернула обширную переписку и уехала в Россию. Чем она занималась в первые годы после революции — неизвестно. Однажды она вернулась в Лукогорье, вероятно, сбежав от всех других реальностей.

Лекса после ссоры перебралась к матери. Княгиня Анна всё время взросления и куражей дочери обитала на курорте с минеральными водами. Вела праздный образ жизни и в меру сорила деньгами. С первой мировой курорт пришёл в упадок, хозяева уехали, и Анна осталась бедной эмигранткой, призраком пустых павильонов. Когда и при каких обстоятельствах Александра покинула мать, мы не знаем. Анна умерла от испанки, однако вред ли весточка об этом добралась до Лукогорья.

Запнувшись, Гордей чуть закашлялся. Куч протянул

ему бутылку с водой. Зачарованные лукогорцы терпеливо ждали продолжения истории.

— Вам всем понравилась мысль о спрятанном в Лукогорье сокровище. Но по копейке рубль собирается, по гривеннику тратится. Помимо безудержных трат на свои мистические увлечения, Николай выделил долю капитала сыновьям. И содержание Анны не было так уж незначительно. Князь делал крупные вклады в благотворительные организации, заграничные монастыри, щедро финансировал белое движение. Кажется, что нельзя так быстро потратить состояние, но в реальности именно так оно и было потрачено.

Теперь попытайтесь представить себе ход мыслей Лексы, осознавшей, что денег нет ни у старого князя, ни у её матери-княгини, ни у неё самой, а русскими аристократками украшены не только светские салоны, но и панели всех крупных городов мира. Что-либо делать руками Лекса не умела. Работать не хотела. Куда было деваться? Лекса поехала к Насте.

Рина тихо пояснила:

— Она поехала, когда поняла, что беременна. Несомненно, она нашла бы себе мужчину, чтобы не работать. Могла бы и окрутить какого-нибудь дурака, пока беременность была незаметна. Но Лекса, скорее всего, оказалась не в состоянии кого-либо окручивать.

— Да, может быть. В любом случае Настя кормила, одевала и поддерживала Лексу с самого раннего детства. Настя ассоциировалась с теплом, сытостью и безопасностью. К тому же Настя умела выбирать титанов, и Лекса могла рассчитывать, что новые знакомства, устроенные Настей, приведут её к замужеству и комфортной жизни.

Ксанка задумчиво и певуче заметила:

— Настя вряд ли обрадовалась явлению княжны.

— Это был сложный клубок чувств. Но выгонять её она не стала.

— Деревенские должны были быстро вычислить княжну. Пусть взрослую Лексу никто не узнал в лицо. Пусть она нарядилась в крестьянский сарафан. Но она не могла превратиться в крестьянку, она всю жизнь прожила белоручкой. И она привыкла к другому уровню жизни. Мыло, косметика, духи. Посуда, приборы, салфетки. Простыни, скатерти, полотенца. Её выдали бы привычки к дорогим вещам.

— Сложно сказать. Лекса могла отсиживаться в тереме. И обходиться без духов. Воспоминаний о возвращении княжны не осталось. Тот, кто заметил, что в терем вернулась вторая хозяйка, наверняка заметил и то, что она исчезла. Времена были беспокойные, умные люди держали свои наблюдения при себе.

— Разве Лекса была хозяйкой терема?

— Они обе перестали быть хозяйками, когда терем отошёл колхозу.

— Неважно, что было в колхозе. Настя была реальной хозяйкой в доме, а Лекса нахлебницей. Но княжна считала, что это она единственная законная владелица, а дело Насти — обслуживать её наилучшим образом. Тот, кто убивал Лексу, мог действовать в интересах Насти — освободить её от лишнего рта.

— Интересная мысль. Однако такой мотив может быть лишь второстепенным. Убивают из-за денег. Из-за чувств. И ради развлечения. Денег у Лексы не было. На развлечение убийство в лесу не тянет. Остаётся то, что вздорная княжна прорастила в ком-то острое чувство ненависти, и убийца не справился с накалом этого чувства. Кто конкретно это был? Пока я не готов ответить, но если найду зацепки — вы о них узнаете.

Ксанка грустно спросила:

— А ребёнок княжны? Куда он делся?

Рина задумчиво предположила:

— Если кто и забрал ребёнка Лексы, то это Настя.

Может, Глаша — дочь Александры?

Гордей покачал головой:

— Глаша родилась позже, на Урале. К тому же все приёмные дети Насти и Глаши знали о своих историях. Настя никогда ничего не скрывала.

Рина невозмутимо добавила:

— Кроме своей жизни за границей. Кроме переписки с половиной Европы. Кроме романов с титанами, которые готовы были бросить мир к её ногам, но не знали, что она не сможет сказать «спасибо».

Гордей развёл руками и развеял все надежды:

— Ребёнок умер в родах. И это спровоцировало психическую нестабильность Александры. Люди в горе часто выплёскивают чувства, не отдавая себе отчёта в том, что ранят или обижают других людей. Невоздержанность в словах и эмоциональность княжны могли сыграть свою печальную роль в том, что убийца дошёл до точки срыва.

Все разом заговорили и принялись обсуждать теории о возможных конфликтах княжны с жителями Лукогорья и окрестностей. Но уши Петьки автоматически вычленили из гвалта слова Гордея, обращённые к ведьме:

— Скажи мне, кто твой друг, и я узнаю, кто ты.

Рина встала и медленно ответила:

— Безработная приживалка в доме ехидной старушки.

— Или сиделка экстра-класса для мамы строительного магната Петра Каретникова? Алле Юрьевне всего семьдесят два, в начале сентября этот вулкан в юбке вернётся из путешествия по Африке. Вся семья уже пьёт успокоительные. Я убедил Петра Алексеевича, что ты сможешь занять его маму на все двадцать восемь часов в сутки.

Смешно всплеснув руками, Рина ойкнула. Гордей снисходительно улыбнулся и протянул ведьме сложенный лист. Посмотрев в него, Рина густо покраснела и тихо поблагодарила:

— Спасибо.

— Подумай, время отказаться есть. Я скоро гостей важных сюда привезу, тогда и поговорим.

Динка и Мышка, заспорив, перешли на высокие частоты, и у Петьки едва не заложило уши, когда Женька вдруг включилась в их крики.

Стихийное заседание исторического общества разошлось уже в подкравшейся к лугу темноте. А утром на лугу остались лишь проплешины примятой и пожелтевшей травы. Лукогорские мальчишки потянулись изучить, не забыли ли эксперты чего-нибудь интересного. Но нет, на месте объекта не нашлось ни скрепки, ни гвоздика, ни хотя бы потерянного карандашика.

42. Деревенские детективы

*Сегодня на рассвете я вспоминала, как
молиться. Господи! Где мне взять козу?
Господи! Чем её кормить? Куда поселить?
Как доить? Господи...
Удивительно, но Господь откликнулся
очень, очень быстро. Машка-попадья
притащила мне козу. И помогла
обустроить её прямо в доме.
Господи! Дай Машке всего хорошего
побольше!*

Поруня вернулся в Лукогорье в милицейской машине. Шапочка, похожая на чепчик, и новая одежда по размеру делали идиота неузнаваемым. Ошеломлённые лукогорцы опознали дурака только по Веньке, который заботливо держал племяша за руку и привычно причитал что-то о Поруше-топотуше.

Поруня не порывался бежать, не семенял и не останавливался через каждые несколько метров. Он чинно и солидно следовал за Венькой, неся в одной руке пакет, а в другой большого игрушечного кота. Изменилось и выражение его лица. Одутловатые свисающие щёки подтянулись, чтобы дать место широко расставленным глазам. Да и глаза смотрели не куда-то в абстрактные дали, а внимательно изучали окружающий мир.

Вместе с Поруней в деревню приехал начальник районной милиции и пара милиционеров. Начальник посетовал Тихону на то, что высшие чины потеряли всякий здравый смысл, поставив на первое место расследование какого-то старого убийства, в то время как опасный маньяк бродит по округе в поисках новых жертв. Началь-

ник уехал, милиционеры остались, и следственный эксперимент начался.

Идея поисков неизвестно чего заключалась в том, что Поруня обычным порядком бродил по окрестностям Лукогорья, а сзади за ним шествовала парочка ментов. Менты приезжали каждое утро на суточную смену. Вечером экспериментаторы отмечались у ларька Тоньки, отчего сдавали смену хмурыми и помятыми. Ночные вылазки Поруни менты не поощряли, поэтому попросту запирали несчастного дурака в доме. Он, конечно, плакал, старушки и дети кидали ему в форточку конфеты, и всё это создавало ощущение несерьёзности происходящего.

Через несколько дней к Семёну завернули и Тихон, и Гришка — обсудить бесполезность всей этой кампании. Ольга расстаралась с пельменями, Гришка приволок густой сметаны, Тихон прихватил бутылку смородиновой настойки, и после сытного ужина разговор полился легко и непринуждённо.

— Сдаётся мне, что не ищут они ничего. Они думают, что злодей на Поруню нападёт, а они его сразу — опа! — в наручники и в кутузку.

— Поруня три раза на просеку ходил, малину под проводами ел. Ну, чисто медведь. Хоть и с котом под мышкой.

— И всё же, что ни говори, а какие-то мозговые ролики Поруне подкрутили. Он и слюни не пускает, и в обуви аккуратно ходит. Напрасно, видно, Венька отказался его лечить.

— Ну, полечили бы его, посадили бы выключатели собирать. С одной стороны, вроде хорошо, что при деле, а с другой, может, и не для того дела Поруня родился, может, ему надо по лесу бегать, малину собирать.

— Ох, и философ ты, Тихон.

— Если Поруня что-то и знает, то не понимает, чего

от него хотят. Надо его как-то нацелить, подсказать, что делать. Бродить за ним по малине можно год за годом, а нужная тропка, может, в шаге от малинника, только Поруня по ней не пойдёт.

— Тропка-то не в малиннике. А где-то здесь, в деревне.

— Не знаю, как вам, а мне неловко мать Нинки встречать. Вроде и не виноват ни в чём, а мимо пройти тяжело, и в глаза заглянуть боязно. Только подумаешь, что понимаешь горе-то её, а потом накатывает, что нет, не понимаешь, потому что твои-то птенчики вылетели из гнезда, и счастлив ты, что не встретилось им на дороге чудовище прожорливое.

— Ты, Тихон, открыткой из города не успокоился бы. Ты бы поехал столицу ворошить, почтамты дёргать. Вспомни, как Мишка и Венька на реке потерялись. Ты три села по тревоге поднял. И ведь нашли пацанов, а кто мог подумать, что их плот так далеко унесёт?

— Открытки — пустой след. Это ведь и не открытки даже. Телеграммы на бланках поздравительных. Текст длинный, да неконкретный. И отправлены с центрального телеграфа. Кабы через день-два телеграфисток опросить, может, они отправителя и вспомнили бы. А время прошло, для них все лица в одно пятно смазались.

— Так-то оно так, а что, если с другой стороны посмотреть? Чтобы открытку послать, надо на день уехать. А кто у нас может уехать, чтобы незаметно было?

— Да кто угодно.

— Нет. Ты, Семён, на центральном телеграфе когда был? Если только в детстве мимо проходил. И в столицу летом ты нос не кажешь, если не в поле, то в мастерской с техникой возишься, если не на ферме, то дома чем-нибудь по хозяйству занят. Когда ты уезжаешь, вся деревня знает, куда и зачем.

— Хм. Вообще-то верно. А если ты уедешь, обязательно какая-нибудь напасть приключится. И вся деревня будет негодовать, что ты отлучился.

— Уехать незаметно у нас не так-то просто. Если на автобус сесть, старухи у магазина заметят, да и попутчики наберутся. Если на машине, так машины все напечёт, а подсядешь к кому-то — считай, в отлучке расписался. Велосипед с собой в город не попрёшь. Выходит, что убийца пешком и уходил, и приходил. А в один день обернуться силы нужны. Так что Павла Самойловича и Илью Николаевича можем из подозреваемых смело вычеркнуть.

— Толково излагаешь, Гришка. Но кто же остаётся?

— Мотька Крошкин, например. Работает время от времени. Если не на работе, то никто не знает где. Домом не занимается. Огород не копает. Да и к Ларке у него интерес был.

— Не может он домом заниматься. Сестрички крепко за горло держат. Дом на троих поделили, только две старшие девицы сразу спелись, что ни в чём братику не уступят. Он продать им свою долю хотел, они ему три копейки предложили. Сами живут у мужей, но Мотьке шагу ступить не дают.

— Нинка Мотьку не интересовала, а началось всё с неё. Надо к ребятам постарше приглядеться.

— Если постарше, то Коля Ноготков. И к Нинке он вроде бы бегал. Но отлучиться ему сложнее, он в сезон нарасхват, даже в календаре на стенке рисует, где и у кого работать будет.

— Вот между пометок один день и спрятал.

— А календарь-то у Коли в сарае висит. Петуховы попросили его за домом присмотреть, да Кольке тот присмотр боком вышел. Каждую весну скандалы, что на ступе царапинка, на пороге соринка, и на окне пылинка. Друзей не приводи, посуду не запачкай, на диване не ле-

жи, но дом сторожи. Дураки, что тут скажешь. По осени Колька в Сидаково собирается переехать. Горбылёвы на год в Чехию уезжают, дом под его присмотр оставляют.

— Вот вроде и житейское дело, а уже подозрительным кажется.

— Приз незаметности, пожалуй, Гошка Корзухин оторвёт. Загадочный тип, если присмотреться. Что делает, чем живёт? На какие шиши на печи лежит?

— Экую ты, Гришка, загадку выдумал. Гошка в детстве с угора скатился, да вроде счастливо так, что ничего не переломал, синяками отделался. Но когда усы у него прорезались, начали ноги болеть. Рентгенов наснимали — всё хорошо, и обвинили пацана, что симулирует, от армии откосить хочет. А что там косить, когда он день ходит, два лежит. Повезло, правда, что как раз в военкомате попался ему хирург опытный, в больницу направил на обследование — только не ног, а шеи. Из больницы Гошка и с белым билетом, и с инвалидностью выписался.

— Надо же. А как у него с девчонками? Было хоть что-то вообще?

— Откуда же мне знать. Пойди да поговори с ним по душам.

— Я к тому клоню, что дом у него на отшибе. А сарай ещё дальше. И то, что он инвалид, ещё не означает, что интереса к девчонкам у него нет. Но и желания девчонку развлекать да увлекать у него не просматривается.

— Тебя послушать, так у нас не деревня, а стойбище маньяков.

— И это мы ещё девиц не рассмотрели.

— Каких девиц?

— Возможных маньячек. Почему, собственно, убийца — обязательно мужчина? Высоких женщин у нас хватает. Сильных женских рук тем более...

Ольга подошла к столу и легко хлопнула в ладоши. Негромкий, но резкий звук заставил мужчин поднять го-

ловы и посмотреть на хозяйку дома. Обведя всех строгим взглядом, Ольга распорядилась:

— Вот что, детективы застольные. Время позднее. Морс допили — и по домам. Нынче вам подушка — добрая подружка.

Через десять минут в доме воцарилась тишина. Петька выждал немного, и вывалился за окно — сбегать к Белому озеру.

43. Красный камень

Лекса плачет, Ярош чудачит. Мемека бодается, Жучка кусается. Пеструшка клюётся, Забияка дерётся. Лашка хнычет, комиссар зерно ищет. Одна Копуша со всем справляется, работает, не разгибается. Кухня, дрова, курятник, двор — вот и весь мой приговор... Отдала Акулинке рулон скатерти из старого дома. Хороший лён. Перешьёт на салфетки и полотенца, продаст к праздникам. Всё не с протянутой рукой жить.

Утром Петька чувствовал себя бодрым и неутомимым. Ночное путешествие, пусть и абсолютно бесполезное, нисколько не помешало ему в прополке огорода. Петька решительно справился и с коварным постельным бельём, которое так и норовило сорваться с толстых веревок. Но вот после плотного обеда глаза начали сами собой закрываться, и Петька едва успел добраться до кровати, чтобы провалиться в крепкий сон.

Проснувшись и обнаружив, что уже вечерет, Петька надёргал несколько морковок и вышел на улицу. Но угощать было некого, если не считать любопытной и горластой малышни, тут же образовавшейся под ногами.

Женька сидела в своём дворе на хлипком разваливающемся стуле. Окликнув девчонку и поделившись с ней морковкой, Петька узнал, что именно проспал. Оказывается, Рина решила прогуляться к Красному камню, и большая компания молодёжи отправилась вместе с ней. Развлечь их ведовское величество в дороге.

— А ты почему не пошла?

— А зачем мне идти?

— Себя показать, других посмотреть.

— Было бы кому показывать, было бы на кого смотреть.

— Ну, как хочешь.

Петька зашагал вдоль улицы, и через несколько минут Женька его догнала.

Красным камнем издревле назывался огромный округлый валун, лежащий в лесу. В лукогорской школе рассказывали, что валун занесло в Лукогорье последним ледником, но в окрестностях не встречалось других таких гигантов, равно как и камней красного цвета. Камень всегда использовался как ориентир, и самая первая дорога в Лукогорье проходила мимо него. С прокладкой новых путей валун остался в стороне, но мимо него шли практически все лесные тропки — грибные, озёрные, травяные.

Каждое поколение жителей Лукогорья делало попытку расколоть Красный камень или хотя бы отколоть от него кусочек. Многие болтали, что внутри камня может скрываться полость с драгоценными кристаллами. Однако заезжие специалисты утверждали, что это банальный монолитный гранит с типичными следами вы-

ветривания породы на поверхности. Валун не поддавался ручным инструментам, а подростки находили более интересные занятия, чем затачивание в лес генераторов и электрооборудования.

На Красный камень можно было залезть, но большинству скалолазов хватало одного опыта. Снизу камень казался почти плоским, но устоять на верхушке было сложно, а традиция предписывала встать в полный рост и раскинуть руки в стороны. Петьке понравилось пережитое чувство полёта, но повторять его не хотелось.

Глаша не рассказывала сказок про сам Красный камень, но он появлялся в её рассказах как указание на то, что действие происходит не где-нибудь, а именно в окрестностях Лукогорья. Фамильных и исторических легенд о валуне не сохранилось, и он олицетворял собой как силу времени, так и способность противостоять ей.

К моменту появления Петьки и Женьки все покорители камня уже благополучно спустились на землю, перекусили и собирались отправляться в обратный путь. Петька ожидал увидеть представительное собрание вроде того, что провожало Гордея и его экспертов, но у подножья валуна сидели Толян, Сашок, троица мушкетёров и несколько девчонок, среди которых Рина практически затерялась.

Разговор лениво крутился вокруг волшебства. Главным оратором выступал Толян:

— Верить ты в закон тяготения или нет, ты стоишь на земле и не улетаешь вверх. Верить ты в химию или нет, а твой организм сам не свой до глюкозы. Когда результат начинает зависеть от веры, это уже не объективная реальность, это психология. Видишь ты привидение или нет — зависит от твоего отношения к явлению. Причём это в обе стороны работает. Если не веришь — не увидишь того, что не поддаётся рациональному объяснению, даже если оно есть. Поэтому наука — это форму-

лы, доказательства, факты. А магия — это фокусы и психология.

Динка томно возражала:

— Хорошо. Но веришь ли ты в круглую или в плоскую землю, солнце утром встанет на востоке. И формулы расчёта времени восхода для плоской земли тоже будут работать. Вопрос соответствия науки и реальности — это вопрос веры.

— Конечно, нет. То, что мы не видим каких-то явлений, не понимаем, как и когда некоторые эффекты работают, не означает, что их нет, или что мы не можем ими пользоваться. Вспомни о радиоактивности. То, что было невероятно ещё сто лет назад, сейчас стало привычным. И это наука.

Борька-мушкетёр включился в теоретизации:

— А куда прислонить психологию? Допустим, природа вселенной — это физика. Но как оторвать объективность от искривлений разума? Где кончается одно и начинается другое? Согласись, никакие привидения вселенской физике и не снились. Но они есть. Как реальность веры миллионов людей.

Женька уныло вздохнула и укоризненно посмотрела на Петьку. А он, между прочим, не виноват в том, что она за ним увязалась. Сама пошла, сама пусть и вздыхает.

— Но мы все видели Матушку Берёзушку. Разве это не волшебство?

— Мы все с пелёнок только и слышим, что за берёзами стоит какая-то женщина. Мы верим, что она там есть, мы готовы её увидеть. Неудивительно, что в любых ситуациях нестабильности сознания мозг генерирует именно тот сигнал, на который настроен, то есть показывает Матушку.

— Может, мы генерируем волны, на которые вселенная откликается реальностью. Как с радиоактивностью, только мы ничего не понимаем.

Неизвестно, как надолго могла затянуться эта волынка, но тут из кустов выскочил взъерошенный Гришка. Быстро окинув всех сердитым взглядом, он коротко выдохнул:

— Таак, молодёжь. Посиделки свернули, к домам повернули. Быстро в деревню! Пока дойдёте, темно будет.

Едва договорив, Гришка бросился напролом в лес, хотя в ста метрах левее шла широкая удобная тропинка.

Озадаченные появлением механика, ребята и девочки поднялись, отряхнулись, размялись и направились по дороге в сторону Лукогорья.

Борька, Толян и Динка шли первыми, энергично размахивая руками и продолжая спорить о тонкостях магии. Подуставшая от словесных баталий компания плелась следом, растянувшись по дороге. Ринка шла рядом с Мышкой, и девочки вели свой, явно отвлечённый от магии разговор.

Как-то само собой получилось, что Петька и Женька отстали, и отставали всё больше. Никто не оборачивался проверить, как там чувствует себя арьергард. Женька, осмелев, взяла Петьку под руку, а потом и вовсе склонила голову на его плечо. Идти так было неудобно, и Петька, высвободив руку, обнял Женьку за плечи, а потом спустил руку на талию девочки. Так оказалось ещё неудобнее.

Мальчишка и девочка замешкались, затолкались, а потом оказались лицом друг к другу. Очень близко друг от друга.

Сердце Петьки совершило несколько резких кульбитов. Вот так это и показывают в кино. Вот именно сейчас всё и свершится. Надо только решиться.

На дорожку чуть поодаль от парочки выпрыгнул Венька, держащий в руке плюшевого кота Поруни. Петька успел рассмотреть, что одна из лап кота висит на нескольких нитках. Венька оглядел подростков недо-

умевающим взглядом и крикнул в темноту леса:

— Гррии-шааааа!

Откуда-то издалека донеслось:

— Ээээй!

Венька побежал в сторону крика по дороге, а потом перескочил канаву и начал пробираться сквозь лабиринт стволов.

Пожав плечами, Петька увёл Женьку чуть дальше по дороге, а потом остановился и зашёл чуть вперёд, перегородив ей путь. Женька вскинула ресницы, быстро посмотрела на мальчишку и тут же потупилась. Петька подавил нервный вздох, готовясь прыгнуть в неведомое.

Из трепещущего молодого осинника вылез Мотька. Наклонившись и упёршись руками в колени, он попытался отдышаться, чему явно мешало недовольное бурчание, в котором Петька не мог разобрать ни слова. Постав так пару минут, Мотька выпрямился и нырнул в лес с другой стороны тропы.

Петька растерялся, вдруг подумав, что это духи лукогорского леса мешают ему поцеловать девчонку, нарочно выводя к нему всех, кто только оказался этой ночью поблизости. Может, духи хотят уберечь его от неведомой беды? Может, у этого поцелуя есть какое-то особое значение?

Холодные девчоночьи пальцы погладили щёку Петьки, и все беспокойные мысли попрятались в неважных уголках его нейронной сети. Вот, вот сейчас. Вот...

Женька с визгом вжалась в Петьку всем телом, едва не сбив его с ног. Машинально вцепившись в девчонку, Петька огляделся, но ничего подозрительного не увидел. Кусочек старого кино всплыл в голове, и он прокрутил его в реальности, с интонацией бывалого вояки утешив:

— Ну-ну, будет тебе, стрекоза. Никого тут нет, померещилось.

Женька отвергла утешение, содрогнувшись всем телом и расплакавшись.

— Я видела! Оно было там! Оно светилось! Оно манило меня! Оно хотело захватить моё тело! Оно ужасное!

Мысли Петьки понеслись несколькими параллельными потоками. В первом решительные капитаны целовали заплаканных принцесс. Во втором тактичные капитаны нежно обнимали страдающих принцесс, но откладывали поцелуи. В третьем капитаны тащили рыдающих принцесс в каюты, и поцелуи не имели особого значения в том, что происходило дальше.

Что же делать капитану, который никогда не имел дела ни с принцессами, ни со слезами, ни с поцелуями?

Женька подняла покрасневшее лицо и плаксиво повторила:

— Я видела!

Смазавшаяся помада превратила рот Женьки в одно большое подвижное пятно. Петька мельком посмотрел на своё плечо. Ну, точно. Эта трусиха испачкала его новую футболку. Мало того, что теперь придётся стирать футболку тайком от тётки, которая, конечно же, разворчит, увидев этакое безобразие. Так ещё неизвестно, удастся ли отстирать, а футболка, между прочим, дорогая, мейд ин юэсэй.

Из-за поворота дороги донёсся окрик Сашки:

— Петька! Где вы там?!

Тяжело вздохнув, Петька отстранился, взял Женьку за руку и отозвался:

— Идём!

44. Ведьма в крапиве

*Гэбриэль умер. И ушёл на священную гору,
к дому бога-философа. В меноре уже
горят свечи, на столе уже разложены
свитки, и древняя пещера ждёт
очередного сына, исполнившего завет. Он
должен обнять маму, поплакать
с братьями и обрести покой...*

*Комиссара нашли в зарослях на пустоши,
недалеко от старого колодца. Сначала
решили, что он по обыкновению пьян,
начали перетаскивать, тогда
и заметили, что голова разбита.*

*Разбойник неторопливо раздробил череп
комиссара подвернувшимся камнем.*

*Золотые часы и наган — цена жизни
пьяного человека. И записную книжку
комиссара не нашли.*

Треугольник, торчащий в огороде Шершовки, сразу привлёк внимание Петьки, шагающего в магазин за свежим батоном. Неожиданное изменение ландшафта не сразу распозналось мозгом. И треугольник застал его врасплох, начав говорить и превратившись в треугольник с торсом и головой сверху.

— А с этим что делать?

Из-за дома донеслось порицание Шершовки:

— И какая из тебя ведьма, ты ж, прости господи, недоумок.

Тонкие светлые брюки обтягивали ноги Рины. Широко расставив их, Рина наклонялась к грядкам, что

вряд ли было удобным. В каждом движении девушки читалась неопытность. Огородные работы явно были для неё в новинку.

Быстро решив все вопросы с обеспечением семьи хлебобулочными изделиями, Петька вернулся к огороду, где треугольник чуть сместился, но продолжал задавать вопросы:

— А курицы этих жучков едят? Может, если их выпустить, они обрадуются и всех жучков склюют? Курицы рыть землю умеют? У них же лапки маленькие? То есть куриц можно кормить червяками? А где же столько червяков взять?

Шершовка не успевала отвечать. Не дослушивая, Рина выдавала новые порции вопросов, бессистемно вырывая траву с грядки.

— Ящик для рыбалки? С живыми червяками?! В ящике земля, и они в ней ползают? Нет, правда? В сараях червяков разводят? Ещё и опарышей?! Мама дорогая... Кто бы мог подумать. Но это же гениально!

Шершовка заметила подошедшего к краю дома мальчишку и, подняв руку, помахала ему, как делали это разные важные персоны на парадах:

— Здравствуйте, Пётр Иванович. Чем обязаны? Какая сила привела вас в наши скромные пенаты? Какими судьбами вы оказались в нашем милом захолустье?

Шепелявый выговор старухи мешал понять, что же она имеет в виду, и Петька задумался. Рина прыснула серией заразительных смешков. Улыбнувшись, Петька выдавил:

— Может, помочь?

Анна Егоровна замерла на добрый десяток секунд, потом всплеснула руками, возвела их к небу и громко провозгласила:

— Святые угодники... Чудо из чудес! Волшебное явление! Живой тимуровец!

Петька занялся прополкой, выбирая сорняки за Риной. Грядки Шершовки изрядно заросли, и процесс шёл медленно, причём время ещё и растягивалось за счёт быстрого диалога Рины и Егоровны. Казалось бы, обсудили уже сто тем, а продвинуться удалось лишь на полметра.

Примерно через час Рина сдалась и улеглась на лужайку у дома:

— Ещё месяц таких тренировок, и я запросто кину коня в горящую избу.

— Вот придумала. Плечами учишь легонько поводить. И головой работать. Чтобы ради твоего взгляда тридцать три богатыря оттаскивали всех коней и раскатывали все избы. А ты бы сидела на троне и бровки хмурила, что богатыри травку примяли.

— В наше время и столько богатырей? Куда их тридцать? Они же потом борща захотят. Придётся всю улицу котлами заставлять. На одной свёкле разоришься.

— Богатыри ещё найдутся. Ты пока одного тимуровца не умори. Отпусти уже Петра Ивановича да в магазин сбегай.

Рина послушно вскочила и на пару минут скрылась в доме, выбежав в смешном коротком платье. Шершовка разрешила ей покопаться в сундуке времён своей молодости, и Рина чуть ли не каждый день вытаскивала оттуда милые вещицы, будто на неё сшитые. Нисколько не смущаясь тем, что наряды вышли из моды полвека, а то и больше назад, она щеголяла в них, напрашиваясь на смешки девчонок и умильные улыбки женщин постарше.

Петька придержал калитку, пропуская Рину и воображая, будто это калитка в укромном уголке роскошного парка, и за ней скрывается тенистая аллея с уютной беседкой в конце.

— Петька, ты иди домой, я из магазина к Вальке за-

верну, а Егоровне отдохнуть надо. И спасибо огромное!

На тропинке к магазину стояли Женька и Мышка. Рина заторопилась вперёд и приветливо поздоровалась с девчонками, но едва она с ним поравнялась, Женька сделала резкое движение ногой. Рина запнулась, взмахнула руками, переступила, но не удержалась на ногах и упала. В канаву. В густые и высокие заросли крапивы.

Над деревней повисла тишина. Нет, не совсем тишина — какие-то насекомые продолжали жужжать, где-то фырчали моторы машин, журчала вода. Но будто кто-то большой и важный перестал дышать.

Женька прошла вперёд на несколько метров, обернулась и подбоченилась. Мышка закрыла руками рот и несколько раз всхлипнула, будто собираясь зареветь. Но за всхлипами не последовало никаких звуков. Впрочем, хватило и всхлипов. Древний инстинкт выживания, требующий защищать плачущего детеныша, поднял Глебовну с места. Старуха встала и размашисто, широко двинулась к месту происшествия.

Со стороны дороги в канаву бросился невесть откуда взявшийся Толян. Через несколько секунд подбежал Венька. Он опёрся одной ногой ниже уровня дороги и протянул руки вниз:

— Спокойно. Хватайтесь, вылезайте и сразу бегом к колодцу.

Петька разозлился на самого себя. Ясно, что теперь Толян будет героем дня. А что мешало Петьке оказаться первым в спасателях? Почему он замер и стоял столбом, пока другие совершали подвиги?

У колодца образовался широкий круг зевак, но никто из них не пересекал невидимую черту, внутри которой можно было оказаться под брызгами.

Венька привычно и споро справлялся с кручением ручки ворота. Ведро поднялось, и Толян оказался под хо-

лодным водопадом. Мальчишка издал серию кашляющих и стонущих звуков, которые неплохо сочетались со скрипом ворота и звоном разматывающейся цепи. Всплеснув руками, взвизгнула и Мышка, как будто облили её саму.

Венька поднял ещё одно ведро и окатил из него Рину. Девчонка запрыгала на одном месте, поскальзываясь, ойкая, размазывая слёзы и смеясь. Но весёлый гомон толпы резко стих. Тонкое и мгновенно промокшее платье облепило ведьму, выставив напоказ то, что до этого прятало.

Венька покраснел и нелепо прижал к себе холодное ведро. Толян перестал кривляться. А Петьке вдруг захотелось подбежать и сорвать с ведьмы эти глупые мокрые тряпки. Пусть бы она была голой, нагота не была бы столь... вызывающей. Петька почувствовал, что тоже краснеет, и рассердился. На себя, на ведьму, на людей и на весь мир.

Откуда-то взялась Ксанка с большим полотенцем, и укутанная Рита ушла к дому Егоровны в окружении ещё нескольких девушек. Венька пожал руку Толяну и отправился по своим делам. Любопытные начали разбредаться. Недалеко от колодца остался только замерший Гошка. Казалось, что он боится пошевелиться, будто любое простое движение может если не убить его, то покалечить. У ног отшельника валялся выроненный пакет с батоном хлеба и консервной банкой.

А чуть поодаль, облокотившись на забор, стояла нахмуренная Женька. Заметив взгляд Петьки, она поджала губы, повернулась, повела плечом и зашагала вдоль улицы.

И кто поймёт, что у этих девчонок на уме?

Часть 5

45. Место преступления

Сто раз думала сжечь эту проклятую тетрадь. Не получается.

Будто наяву вижу твою улыбку.

Спокойную. И снисходительную.

Почему ты так уверен, что меня надо спасти? Я не так слаба, как тебе хочется думать. Не надо оберегать меня от житейских неурядиц, я справлюсь лучше, чем все эти обычные женщины. Пусть я не такая, как они, но я могу позаботиться и о себе, и о тех, кто рядом.

Ты вырос в дружной семье, тебе кажется гордыней моя решимость ни от кого и ни от чего не зависеть. А я с рождения слышала только приказы и оговорки.

И никто не спрашивал, поела ли я. Если я не готовила себе еду, я оставалась голодной. У меня не было доброй бабушки, подтыкающей вечером одеяло. И одеяло я сама себе сшила.

Да, я полагаюсь на себя. Но я ничего не доказываю. Я не умею по-другому.

И это не возвышение. Это выживание.

В пятницу рано утром в Лукогорье вползло несколько автобусов в сопровождении милицейских машин. Из автобусов высыпались милиционеры, из машин выползли их начальники и после короткой ориентировки на местности отряд захватил тылы деревни с северо-восточной стороны. Лукогорцы привычно попрятались по домам и принялись обсуждать, что лето выдалось чересчур бурным. Медленно сжавшееся кольцо оцепления остановилось вокруг участка Петра Жукова, а затем принялось украшать забор Жукова полосатыми ленточками.

Самого подозреваемого, стонущего с похмелья, вывели в полусогнутой позе, с руками, заломленными назад. Подозреваемого засунули в машину и увезли под вой сирены и мигание маячка на крыше автомобиля. По Лукогорью пронёсся слух, что наконец-то душитель женщин найден, и этой сволочью оказался тот самый гадёныш, на которого все и думали в первую очередь.

Часть милиционеров уехала после задержания Жукова. Те, кто остались, занялись скрупулёзным изучением каждой пылинки внутри и вокруг сарая. Один из исследователей даже залез на крышу, и, распластавшись на ней, принялся сосредоточенно рассматривать каждую доску с помощью лупы.

К обеду возле ящика с червями, в углу между земляным полом и дощатой стеной нашли пуговицу от кофточки Нинки. Ещё через час на оконной раме обнаружили отпечатки Ларки. Сами по себе эти находки могли быть только косвенными уликами, подтверждением того, что убитые девушки заходили в сарай к Жукову, но всем так надоели поиски врага в соседе, что пуговица и отпечатки были сочтены несомненным доказательством вины пьяницы.

О каких-либо ещё находках информации не просачивалось, зато вечером Петька оказался в самом центре бурного обсуждения действий деревенских детективов,

которые и привели к обнаружению места преступления.

В дом Семёна и Ольги набилась едва ли не половина деревни. Но главного героя на сборище решили всё-таки не приглашать. Венька остался с ним дома, и основным рассказчиком пришлось стать Гришке. Тихон величаво кивал головой, Семён изредка вздыхал и кряхтел, бабы жалостливо вздыхали, но общее настроение искрилось радостью завершения важного дела.

Посмотрев на то, как Поруня водит милиционеров до малинника и обратно, Гришка, начитавшийся в заключении разной специфической литературы, предложил не ждать, что где-то в голове Поруни замкнёт нужное соединение, а привести его в условия, воспроизводящие то, что происходило на пустоши ночью, когда Поруня, возможно, уносил тела в колодец.

Первые попытки оказались абсолютно провальными, потому что Поруня отказывался гулять по пустоши. Вставал на краю монументом самому себе и начинал мычать. Опасаясь привлечь ненужное внимание к своим действиям, Венька и Гришка прекратили тащить дурака на пустошь, но решили выпустить Поруню ночью, в свободном режиме. Поруня обрадовался и ушёл в лес. Понятно, что милиционеры, незнакомые с лесом, помочь в поисках не могли, и компании деревенских детективов пришлось самостоятельно ловить дурака. Ночные гонки и переключки выбили всех из колеи, и ночные прогулки Поруни по лесу тоже отменили.

Идею просветления воспоминаний Поруни развила Ксанка. Сгоняв в брошенный магазин в Рябиновке, она забрала с заколоченного двора пару старых манекенов. После ремонта, подкраски и облачения в обноски куклы стали отдалённо похожи на девушек. Поздно вечером Гришка отнёс одну из кукол в заросли на краю пустоши, и Венька привёл племяша к месту, где тот и нашёл «труп».

Получив конфету, Поруня невозмутимо вытащил «тело» из зарослей и отнёс в колодец. Наблюдавшие за ходом эксперимента Семён и Тихон честно сознались, что ничего кошмарнее в своей жизни не видели, и несколько ночей все отсыпались, собираясь с силами для продолжения расследования.

После споров и обсуждений детективы решили положить ещё одно «тело» недалеко от деревни. Но когда Поруня его нашёл, выяснилось, что он отлично понимает разницу между человеком и куклой. Поруня пнул манекен ногой и разразился длинным мычанием, переводить которое не было нужды. Дурак возмущался играми, которые устроил дядюшка, и считал очень глупым, что его заставляют носить кукол. Поруня вернулся домой, сел в угол и перестал обращать внимание на все слова и угрозы Веньки.

И всё же игры оказались бесполезны. Посидев в углу, Поруня снова начал бродить по деревне, и вроде бы совсем хаотично, однако выяснилось, что он высчитывает маршрут, по которому пришёл к колодцу. И однажды вечером, взвалив манекен на плечо, он отвёл Веньку к сараю Жукова.

Тихон позвонил в милицию, и Жукова задержали.

Картина преступлений складывалась прозаическая и страшная. Алкоголик Жуков, возжелав женского внимания, затащил в сарай Нину, которая шла мимо — к дому Николая Ноготкова. Нина попыталась воспротивиться приставаниям алкаша, закричала, и он, испугавшись, что крики может кто-то услышать, придушил девушку. Ларка умерла примерно по тому же сценарию, только в проспиртованном мозге Жукова времена перемешались, и он уже не осознавал, что убивает в реальном мире. Подробности убийства Нины рисовались в его сознании регулярно, и он воспроизвёл их, не вдаваясь в тонкости внешности и имени жертвы...

Петька слушал разговоры взрослых издалека, как сквозь ватный фильтр. Ему хотелось вставить что-нибудь циничное, рассмеяться над нелепыми действиями Венки и Гришки, пожурить Ксанку, но он, конечно, ничего такого позволить себе не мог. Досадовать приходилось на себя. Ведь он видел Гришку и Венку в лесу, он знал, что Ксанка спрашивала старые платья у Ольги, он мельком слышал, как Тихон ворчал, что стал староват для юношеских забав. Почему он не связал все эти простые наблюдения воедино? Почему не оказался в самом центре событий?

Несмотря на настежь открытые окна, воздух в доме быстро сгустился и пропитался запахами множества тел. Выслушав основную часть истории, лукогорцы начали расходиться. Петька тоже выбрался из дома, но не на улицу, а под старые яблони. Верёвочные качели были ему малы, однако он втиснулся на маленькую дощечку и попытался оттолкнуться от земли, чтобы хоть один-два раза пролететь над пыльной канавкой, протоптанной множеством детских ног. Ничего не получилось.

С крыльца медленно спустилась компания женщин. Все они посмеивались, все в сумерках казались одинаковыми, и всё же одна была королевой, а остальные лишь свитой, массовой, общим фоном. Ксанка торопилась, и в то же время будто плыла по воздуху. В свете от окна мелькнул её точёный профиль, и Петьке вдруг захотелось спрятать Ксанку в тёмную пещеру, чтобы никто не мог увидеть совершенства этого профиля, этих волос, этой фигуры и всей этой женщины. Но через секунду мысль показалась смешной и нелепой.

Гришка и Рина, выбравшиеся из дома одними из последних, никуда не торопились. Они ушли в сторону дома Шершовки, однако по прошествии изрядного количества времени Петька тревожно отметил, что Гришка

не прошёл обратно, к своему дому. И ноги сами понесли мальчишку по тылам и огородам.

Механик и ведьма стояли за калиткой, на полдороге до крыльца. Стояли лицом друг к другу. И очень близко друг от друга. Но ничего больше не происходило. Гришка и Рита разговаривали — негромко, спокойно, медленно. Луна, скользя по тёмной ткани небес, задевала звёздные точки, и некоторые из них срывались вниз и в стороны. Деревня затихала и засыпала. А чуть сутулящийся взъерошенный мужчина всё рассказывал что-то хрупкой девчонке с серьёзным серым взглядом. А покачивающаяся на длинных ногах девчонка всё объясняла что-то внимательному собеседнику. А неприкаянный мальчишка всё мёрз, прячась за углом забора и не решаясь пробраться поближе, чтобы услышать хоть слово из чужого разговора.

Наконец, ему это надоело, и он вернулся домой.

46. Язва против злыдни

*Чтобы соврать, мне надо написать.
У моего вранья есть зримый и осязаемый
след. Листок бумаги со словами. Ты видел
такой листок? Нет. Потому что его
никогда не существовало. Но ты поверил
Горгону. Потому что он говорил, а я
молчала. Потому что твоя глупая
ревность оказалась важнее моих чувств.
Ты не задумался, чем же я так помешала
Горгону. Зачем он вливает яд в твои уши.
Почему ему так важно замазать меня
грязью. Поверить ему, ничего не спросив
у меня — это был твой выбор, Север.
У меня выбора не осталось.*

Петька, Сашок и Толян лениво тянули тёплую газировку, подпирая остановку с теневой стороны. День начался скучно, еще скучнее тянулся, все варианты приключений, предложенные Петькой, друзья отвергли, и оставалось только наблюдать за сценками у магазина.

Мотька купил несколько бутылок пива, и, не утерпев, высосал одну бутылку, едва вышел из дверей. Валька прибежала за батоном, а заодно набрала конфет и сушек. Тихон степенно заглянул за пачкой сигарет. Выйдя, он рассудительно сообщил старухам, что уже принял окончательное решение бросить курить. Вслед дымящему председателю старухи ехидно посмеялись.

Пришла Наталья, дочка Кашея. Шляпа с большими полями и пляжная сумка, которую женщина держала на сгибе локтя, казались несуразными, но Наталья, веро-

ятно, была уверена в собственной элегантности. Едва кивнув старухам, она вплыла в магазин. Почти тут же от дома Шершовки прискакала Рина и тоже нырнула за потрёпанную дверь.

Через несколько томительных минут Наталья вышла и раздражённо заявила:

— Беспардонная грубиянка!

Старушки замерли, заинтересованно уставившись на ораторшу.

— Невоспитанная хамка!

Ильинишна кивнула. Глебовна покачала головой из стороны в сторону. Приободрённая вниманием слушательниц Наталья продолжила:

— Ещё и неумёха. Ни порядок навести, ни сготовить что простое — ни на что рук нет. Всё бы ей сидеть да книжки читать. Папаша с дурусти немецкому языку её взялся учить. Она и рада-радёшенька всю работу бросить, приятнее же язык корёжить, чем посуду мыть. Думаете, я из прихоти её оштрафовала? Я работницу нанимала, а не объект благотворительности!

Эмма всплеснула руками и шумно вздохнула. Наталья подбоченилась:

— И откуда только такие берутся. Ни ума, ни приличия. Подзаборная дрянь, сразу видно. В былые времена естественный отбор быстро бы своё дело сделал. Родилась под забором — под забором и сдохни. А нынче мы с этими убогими возиться должны.

Шершовка медленно и осторожно начала сползать с лавочки. Наталью несло:

— Ну, согласитесь, где это видано, чтобы малолетняя сопля мне объясняла, как надо с отцом разговаривать? Кто её просит советы давать? Зачем мне её поучения? Сама дура, и меня в дуры записать хочет!

Под гневным взглядом Натальи Ильинишна снова робко кивнула, Глебовна поджала губы, Эмма потупи-

лась и покраснела. Анна Егоровна встала, распрямилась и горько заметила подружкам:

— Эх, ярмарочные петрушки. Мозги к лавке прикипели, так хоть бы совесть не продавали за просто так. Копуши на вас нет.

Наталья умолкла в недоумении. Шершовка укорила Ильинишну:

— Тебе, гнилая клюшка, девчонка доброе дело сделала. На ноги тебя поставила. А ты жизнь на ругань дурной бабы тратишь. Что сидишь, головой киваешь, будто игрушка тряпочная? Ноги не болят? Приятно на лавочке сидеть? Нашлась дура, что на тебя кусочек жизни своей потратила. Дочурка твоя, конечно, поумнее. От жениха иностранного отлепиться боится, поэтому пацана отправила за больной старухой приглядеть. Умная баба, что и говорить.

Ильинишна разом скукожилась, смутилась. Пробормотав что-то неразборчивое, она опустила голову и затеребила поясok руками.

Шершовка обратилась к следующей подружке:

— А ты у нас, Ульяна, заслуженная пионерка, считай, с галстуком красным всю жизнь прожила. Всё с трибун выступала да флажками махала. Нашла и на старости лет трибуну, согласиться с тем, что другие говорят. А спросит с тебя Господь, отчего ты флажок на крест сменяла? Что ответишь? Что в телеке сказали поменять, ты и поменяла? А как ты Эмму на собраниях песочила за то, что она детей крестила, забыла уже?

Глебовна вспыхнула, дёрнула плечами, но ничего не ответила. Взгляд Анны Егоровны перескочил на вжавшуюся в лавочку Эмму:

— И сто кило сахара — вояка хоть куда. Своих мыслей нет, один сироп сериальный, а всё туда же, лишь бы осудить да клеймить. Тебя, Эмма, мало клеймили за всё подряд? За фамилию немецкую? За волосы рыжие?

За любовь непутёвую? Или ты думаешь, мир лучше станет, если ты сама кого клеймить начнёшь?

На большом лице Эммы заходили волны, и Петька вдруг подумал, что старушка расплечется.

Вскинув голову, Шершовка повернулась, сделала пару шагов к Наталье и припечатала:

— Не сей зла — не пожнёшь горя. Люди у нас хорошие, отца твоего с пониманием приняли да от правды поберегли, пожалели старика. Жизнь он достойную прожил, и незачем ему ту правду знать. Но тебе я скажу.

Немного отступив, недоумевающая Наталья попыталась придать своему лицу выражение холодной вежливости. Егоровна будто проткнула её выставленным вперёд указательным пальцем и вполголоса, но очень твёрдо, выложила:

— Прабабка твоя Тычиха первой подстилкой на всю округу была. Не было в наших краях завистливее бабы. И грязнее тоже не было. Продавалась Тычиха всякому за полушку, за бусинку, за пряник дешёвый. А как рожала — детишек на ночь у болота оставляла. Кто из приплода тонул, а кто и в лёд вмерзал до весны.

С лица Натальи сползли все краски. Ядовито хихикнув, Шершовка повела рукой и продолжила:

— Из отбросов Тычихи одна Акулька выжила, нашла её плотничиха пьяная, пожалела, забрала. У плотничихи девчонка и росла, не сказать, чтобы счастливо. Как старуха преставилась, Тычиха дочурку к реке поставила: стирать-полоскать чужое бельё. Прознал про девушку беззащитную Никита-пастушок, да и повадился её подстергать в кустах у реки. А потом ещё и бить, чтобы не вздумала пожаловаться. Так вот юность свою Акулинка и провела. В боли и позоре.

Грозная новорусская барыня превратилась в растерянную немолодую женщину со слезами на глазах. Слова старой карги эхом звучали в её голове, выжигая все наив-

ные ожидания сказки о доброй семейной идиллии.

— Отец твой честно жизнь прожил. Зачеркнул чёрное прошлое. И тебе бы пример с него взять. А ты отца ругаешь, на людей орёшь, сиделку добрую поносишь. Одумайся. Наброшена на тебе удавка судьбы. И захочешь рот открыть, чтобы дурь свою потешить, вспомни, откуда ты. Из липкой гнилой грязи.

Вышедшая из магазина Рина покачала горестно головой, переложила сумку в другую руку, схватила бывшую хозяйку чуть выше локтя и потащила её прочь, ласково приговаривая:

— Наталья Петровна, ну зачем вы в деревенские разборки ввязались. Не обращайтесь внимания. Наговорят вам ещё и не такого. Не плачьте, это всё тлен давно. Не слушайте и не запоминайте. Мало ли, что там было. Другая эпоха, другие люди. Нам не понять. Не расстраивайтесь, не думайте об этом...

Шершовка, подбоченившись, усмехнулась вслед:

— Пусть запомнит. И подумает.

Эмма тяжело вздохнула и подытожила:

— И на тебя Копуши нет, язва ты старая.

Наталья дёрнула рукой, сердито бросила что-то Рине и заторопилась прочь. Постояв и посмотрев вслед бывшей хозяйке, сиделка вернулась к лавочке.

47. Дочь прачки

*Обычная женщина прокричала бы тебе
несколько фраз. А я несколько дней
обдумывала каждое слово своего
послания. Я не могла написать быстро.
И то, что я написала, было дорого для
меня. Ты разорвал все мои слова. Мои
раздумья, мои сомнения, моя любовь — всё
это осталось лишь мусором
на привокзальной площади.
Чего ты ждал? Что я расплачусь?
Я необычная женщина, я не плачу
по пустякам.*

Поставив сумку на землю, Рина спокойно констатировала:

— Что за характер. Сорвётся на папаше, как пить дать.

— Яблоко от яблони, известное дело.

— Пётр Борисович совсем не такой. И Кашеем его напрасно прозвали.

Усевшись на лавочку, Шершовка объяснила:

— Кашеем его старая Глаша прозвала. Как он здесь дом купил, так каждое лето начинал с того, что приходил к ней и всё просил, чтобы она о семье его рассказала. А что она расскажет, если её самой тогда на свете не было? Увидела она однажды, что он опять к ней идёт, да в сердцах и сказала, что бессмертные кости по её душу громыхают. С тех пор прозвище и прицепилось.

— Неужели Глаша ничего не знала?

— Глаша знала только сплетни тех старух, что для неё самой были бабками. А бабки те знали только то, что

Акулина была дочерью Тычихи, самой злой бабы в деревне. Как Акулина жила, куда и когда она исчезла — никто и не задумывался. Не могла Глаша ничего, кроме дурных сплетен рассказать, но и врать не хотела. Вот и молчала.

Вздыхнув, Рина рассказала:

— Акулина родила сына через три года, как отсюда уехала. Она перебралась в столицу и устроилась в ателье на разные черновые работы. Потом подучилась, стала и платья, и пальто шить. Однажды некий бравый мужчина заказал сшить ему парадный костюм. Закружилась у швеи голова, и вроде бы шло всё хорошо и счастливо. Только за готовым заказом жених не явился. А невеста села в поезд и уехала на север.

Эмма огорчилась:

— Вот же судьба-судьбинушка...

— В Ленинграде взяли Акулину на завод большой, в пошивочный цех, чехлы строчить. Повстречался ей хороший мужчина, инженер. Не хотела Акулина никаких кружений, а всё же удалось Борису Сергеевичу увлечь её. Вышла Акулина замуж, и Петьку Борис Сергеевич усыновил. А через год и ещё мальчишка в семье родился.

Анна Егоровна удивилась:

— Ишь ты...

— В сорок первом свекровь Акулины, Надежда Петровна, эвакуировалась, да и Петьку с собой забрала, пока оказия была. Всю блокаду ждала, что семья приедет следом, только в сорок пятом пустырь на месте дома увидела. Погибли и Борис, и Акулина, и маленький Алёша все вместе, от одного снаряда.

Старухи на десяток секунд застыли в одинаковой и привычной скорби. Рина выждала немного и продолжила:

— Надежда Петровна все силы, что остались, в Петра Борисовича вложила. Только не говорила ему, что он ей

не родной. Уже после похорон он среди бумаг её письмо нашёл. Надежда Петровна записала всё, что помнила из рассказов Акулины. Что Акулина родом из Лукогорья. Что мать её Аграфена работала в барском доме, командовала всей прислугой, и оттого деревенские её не любили. Что из барского дома Аграфену прогнала любовница барина, вредная аристократка-голодранка. Что Акулину дразнили барышней, так как она шила себе платья по городской моде. Что жених Акулины был первый на деревне комсомолец, и что его убили бандиты. Что после его смерти жизни ей в деревне не стало. Что дом её разграбили и сожгли завистливые соседи...

Глебовна покачала головой и поджала губы:

— На целую книжку насочиняла.

Рина небрежно махнула рукой:

— Лукогорская традиция. Да и что ей оставалось?

Эмма всплеснула пухлыми ручками:

— Не томите, что там дальше-то?

— Пётр Борисович письмо порвал, и много лет запрещал себе даже думать о том, что узнал. Он по стопам того отца, которого единственным считал, пошёл. Инженером стал, а потом и директором научного института. Уже в старости мысли проклятые о том, что здесь родня есть, одолели. С тем сюда и явился.

— А родни-то и нет никакой...

Рина улыбнулась и выложила:

— Почему же нет? Аграфена Сысоевна была шестой дочерью старосты Сыся Кучерова и жены его Екатерины, урождённой Смольниковой. У Сыся было три брата, у Екатерины две сестры, а сами Кучеровы четырнадцать детишек родили, и девять из них выжило. Что в голове у Тычихи перемкнуло, нам уже не узнать. Но остальные дети Сыся достойную жизнь прожили. И детей вырастили.

— Батюшки светы, что на белом свете творится.

— Жизнь творится. Жорка Верхин Кашею отдалённым, но внучком доводится. И Лаптюховы из Сидаково — родня. И Лебедевы из Рябиновки — родня. А уж Кучеровы из Трушкино — родня, роднее и не бывает.

Эмма подняла голову к небу и с чувством подытожила:

— Чудны дела твои, Господи!

Рина недоумённо пожала плечами:

— Ну, не знаю. Может, Сысой и надеялся на господу. Но, сдаётся мне, он и сам не оплошал.

Старухи дружно засмеялись. Этот булькающий и неприятный смех перенёс Петьку на много лет назад. Когда не было немощных бабок, а были статные, молодые и полные сил женщины. Они ссорились и ругались, отстаивали свою правду и свои заскоки. Мгновение — и Петька будто впервые увидел, как неприятно изжёваны временем их руки, как некрасивы их морщинистые лица, как убоги их изношенные кофты и тапочки. Время уравняло и пионерок, и хулиганок. Время привело их на лавочку, с которой не было иного пути, кроме как по заросшей колее, ведущей на тихое лукогорское кладбище...

Газировка кончилась, деньги кончились, сценки кончились. Рина ушла. Сашок и Толян отправились помогать Жорке в ремонте мастерской. Динка и Мышка пробежали мимо.

Петька подумал, поразмышлял, да и отправился пройтись мимо забора Женьки. Мало ли, что может случиться у этого покосившегося забора? Вдруг инопланетяне? А он уже рядом.

48. Песни о капитанах

*В деревне свадьба. Полтушка сплвила
внучку младшему сыну Трубниковых.
Сплетницы шепчутся, что ни у жениха-
индюка, ни у невесты-бесприданницы
других шансов создать семью не было. А я
думаю, что юная знахарка точно
рассчитала, как удачно выйти замуж.
Ты тоже просчитал свою удачную
женитьбу на Мегере Горгоновне,
пламенной революционерке? Нет, я
понимаю, с ней нет никаких проблем из-
за колдовства и превращений. Но ведь
нет и очарования? Борщ, возня под
одеялом и торжество коммунизма. Ты
счастлив, Север?
Прости.*

Хорошо ловить рыбу, когда вокруг никого нет. Можно не напрягаться с выдумыванием тем для беседы. Можно не отвлекаться на присутствие других людей. Можно тихо смотреть на поплавок и мечтать о будущих свершениях.

Вот вырастет Петька и полетит на другие планеты, и построит там сказочные города, и будут в них все люди сыты, одеты в красивые костюмы и счастливы. И счастливые люди поставят Петьке большой памятник. Но не банальный, как все эти бронзовые столпы в столице. Нет, Петька будет запечатлён в виде мальчика на рыбалке. Потому что именно с этой рыбалки начнётся отсчёт его великих деяний.

Огромная межзвёздная тарелка вынырнула из облаков и, неловко приземлившись, оставила от памятника юному рыбаку плоское пятно мелкого бетонного песка.

Увы, но ещё утром Петьке казалось, что ловить рыбу хорошо в компании приятелей, и он позвал с собой Толяна и Сашка, которые теперь отравляли все его фантазии своими бестолковыми включениями. Какие могут быть тарелки в замшелом Млечном пути, где и цивилизаций-то по пальцам пересчитать? Да и может ли посадить тарелку пилот со скрюченными пальцами, покрытыми корочками от расчёсов на местах ожога крапивой?

Циничное обесценивание родной галактики и напоминание о крапиве заставили Толяна заткнуться, но Петьку тут же залило океанским штормом. Сашок вообразил себя повелителем погоды и пытался сотворить облака, чтобы остановить лесные пожары.

Хорошо ловить рыбу, когда она ловится. Но после двух часов бесполезного наблюдения за поплавком кому угодно надоест ждать удачи. Петька начал сматывать удочки, а приятели принялись уговаривать его посидеть ещё. Ведь главное — не рыба, главное — дружба и хорошая погода.

Из-за старых ив раздалось невнятное мычание, которое приблизившись, сложилось в песню, исполняемую неуверенным тенором:

— Беспечный капитан зашёл в чужую гавань,
Увидел полный склад посуды дорогой...
Эй, швей-белошвейки, придётся шить вам саван,
Забыл орёл про томный взгляд красотки
 молодой.
Оу-оу-еее-оу!

В прогалине между кустов ивняка появился Мотька. Оглядев компанию мальчишек, он грустно вздохнул, но не ушёл, как понадеялся Петька. Подойдя к конку-

рентам, он деловито заглянул в маленькое пустое ведёрко, ухмыльнулся и сообщил:

— Карась к перекатам ушёл. Здесь в ямах вода слишком нагрелась.

Сашок кивнул:

— А мы не за карасём. Сомы высматриваем.

— Почему здесь? Он у нового моста в норе сидит.

Никто из мальчишек не решился поддержать рыбную тему, и после затянувшейся паузы Мотыка спросил:

— Вы Поруню не видели?

— Нет. А что, его опять ищут?

— Венька просил за ним присматривать.

Оглядевшись и снова грустно вздохнув, Мотыка почопал куда-то дальше. Подождя, пока его спина скроется за густыми ивами, Толян задумчиво прокомментировал:

— А ведь Мотыка раньше дураком не интересовался. И присматривать за ним не вызывался. С чего это он ищет его здесь, у реки?

Петька, на пару секунд задумавшись, нашёл разумное объяснение:

— Шумиха поднялась, вот и заинтересовался. И где же его искать, как не у реки? Наверняка купается в какой-нибудь заводи.

Хорошо идти по широкому полю, полному свободы и света. Но плохо, что созревающие колосья сминаются лапами строительных машин, возводящих на поле космопорт. И то, что космопорт существует только в сознании Толяна, нисколько не изменяет того факта, что света и свободы становится почему-то меньше.

Задумавшись, Петька проглядел идущего навстречу мальчишкам Кольку, и его поставил в тупик нетерпеливый вопрос:

— Вы Поруню не видели?

Ответил Толян:

- Нет. А он потерялся?
- С утра никто не видел.
- К вечеру проголодается, вернётся.
- Так-то оно так, но...

Уточнять, что именно включает это «но», Колька не стал, зашагав дальше по дороге к мосту. В просторе над полем забились фальшивая мелодия, в которую вплелись ещё и рифмы:

— Там не плачут ивы, не грустят берёзы,
Там солёный ветер и лиман.
Провожала сына старенькая мама,
Юнгой брал мальчишку строгий капитан.
Ей-ей-ооо-еэй!

Хорошо стоять на высоком угоре и вглядываться в синюю даль, представляя себя могучей птицей, готовой сорваться в полёт. Только сначала надо проползти вверх шесть пролётов деревянной лестницы, а этот путь выберет все силы, и на крылья уже ничего не останется. А вокальное сопровождение подъёма вообще чревато контузией. Причём убежать от него не получается, ступеньки-то высокие, а за убийство певца тётка наверняка устроит Петьке что-нибудь страшное.

— Уходит в море последний день,
Скользит над волнами серая тень,
В рубке заперт юнга, у мачты лежит матрос,
Стегает по сломанной рее незакреплённый трос.
Плещется за бортом чёрная вода,
Не приходи к капитану, девчонка,
Здесь ждёт тебя беда.
Ой-ей-ей-оу-да! Беда!

Следом за мальчишками на угор поднялся Гоша. В руках у него болтался игрушечный кот, хотя и подшитый

после лесных передраг, но оставшийся очевидным инвалидом.

— Вы Поруню не видели?

— Нет. Мы с реки идём. А где ты его ката нашёл?

— На поле картофельном, что за пустошь. Кот сухой, а роса обильная была, так что Поруня только сегодня его потерял. Обычно он на поле не заходит, наверное, случайно завернул, заметался вдоль рядков и убежал.

Проводив Гошу серьёзным взглядом, Сашок пошутил:

— Поруня у нас теперь VIP-персона. Считаю, вся деревня — его личная служба безопасности.

Толян оторвал травинку, помусолил её, выбросил и заметил:

— Неясно, что Гоша на том поле делал.

— Подрядился к кому-нибудь картошку окучивать.

— Ни разу о таком не слышал.

— Мало ли, чего ты не слышал. А оно есть.

Поруня сидел у калитки Шершовки и плакал. Рина гладила его по голове и приговаривала что-то ласковое. Возле Рины стояли Ксанка и Гришка, отчаянно жестикулируя и ругаясь. Чуть поодаль стояла стайка девушек, а за ней маячили Тихон и Михалыч.

Навстречу мальчишкам вразвалочку прошёл Илья Николаевич. Чуть притормозив, он сквозь зубы объяснил:

— Дурак прибежал откуда-то с разбитой коленкой. Ничего серьёзного. — обернувшись и скептически пожал плечами, он язвительно добавил. — Теперь ещё лет десять по каждому чиху Поруню будем митинги устраивать.

Петька мимолётно посочувствовал старичку. Илье Николаевичу так и не удалось собрать поэтический митинг для чтения своих стихотворений. И в душе пенсионер обливался горькими слезами от сознания обыватель-

ской бесчувственности лукогорцев к его тонкой поэзии. Неужели разбитая коленка идиота интереснее, чем прекрасная поэма о вечной любви?

49. Не дано знать

*Крик. Крик. Крик. Третьи сутки. Это всё
я виновата. Не могу успокоить ребёнка,
потому что ленивая и безответственная
ротозейка. Вот родная мать,
конечно же, успокоила бы малышку в три
счёта. И такая досада, что мать эта
слишком слаба, не может позаботиться
о дочери.*

*На то, чтобы по дому слоняться и нить,
сил у неё хватает, а вот старые тряпки
на пелёнки порвать — это сразу голова
болит.*

Петька сделал попытку проникнуться интересами друзей. Но пространные рассказы Толяна о всевозможных железках из ангара Жорки или мастерской Гришки навевали на него зевоту. А Сашок и сам не замечал, что постоянно вворачивает в свои речи сведения о здоровье Ильинишны. И всё же поход в Рябиновку и обратно оказался весёлым и отвлёк компанию от обсуждения убийств.

Но когда Петька вернулся домой, хорошее настроение развеялось. За столом напротив Ольги сидела старая женщина в чёрном с неопрятно зачёсанными седыми волосами и мешками под глазами. Как и почему мать Нины оказалась здесь?

Ольга, едва поздоровавшись с племянником, жестом показала, что он может найти еду самостоятельно, и продолжила прерванную беседу:

— Не ходи ты, Галя, на кладбище. Не трави сама себя. А если грустно — лучше в церковном хоре с людьми петь, чем на кладбище одной выть, собак пугать.

Строгая и даже неприязненная интонация Ольги изумила Петьку. С Галиной все общались полущёпотом, деликатно.

— Поезжай к брату, займись его проблемами. Пропадёт он без тебя, не справится с житейским грузом. Вот и подставь своё плечо, пусть маленькое и хрупкое, зато родное. Поможешь ему — начнёшь новую жизнь.

— Да незачем мне больше жить.

— Это не тебе решать. Пока живётся — живи, а помереть не опоздаешь.

Разнос тётки казался грубым и бестактным, но Галина внимала ему с искренним вниманием, хотя Петьке показалось, что она не вполне понимает, что именно Ольга ей говорит.

— У Кольки фотографии остались, он всё мается, не знает, как тебе их принести. Зайди сама да поговори, сними камень с его души. Не сложилось у них с Ниной, да только ни его, ни её вины в том нет. А косых взглядов он ещё долго не забудет.

Галина поджала губы:

— Не могло у них ничего сложиться. Он же голяк: ни кола, ни двора, ни семьи приличной. Даже Венька догадался платочек в подарок принести. А с этого паразита что? Слова красивые? Обещаниями сыт не будешь. Я Нинуле сразу сказала: нечего на этого пустомелю время тратить. Да и какая может быть любовь, если ты к парню, а он от тебя.

— А мне по-другому запомнилось. Это Нина пококетничала, поиграла с Колькой, а потом другой объект инте-

реса выбрала, вдоль забора Гошки начала гулять, глазками салюты ему посылать.

— Наговариваешь. Нинуля всего лишь хотела чувства Кольки проверить, посмотреть, важна ли она для него. И такая проверка вышла, что никаких чувств вовсе не нашлось. Не стал он бороться за милую, даже и поговорить не пришёл.

— Так и Нина с ним о чувствах не говорила. Какие чувства, когда всех отношений пара прогулок и поцелуев? Да и зачем проверять то, что и вырасти не успело, лишь проклюнулось?

— Если бы проклюнулось, не был бы Колька равнодушен.

— Так он и не был. Только зелёный лён на прочность не испытывают.

Галина шумно вздохнула, а потом и всхлипнула. Ольга не дала ей расплакаться очередным строгим вопросом:

— А чем тебе Гоша не понравился?

— А чем он может понравиться?

— Добротой.

— Одной добротой сыт не будешь. Инвалид — он и есть инвалид. Ты, небось, криворуких и горбатых невест сыновьям не выбрала.

— Мои сыновья сами своих невест выбирали.

— И на наших девчонок почему-то не посмотрели.

Галина бросила неодобрительный взгляд на хозяйку дома, как если бы она была виновата в выборе сыновей. Ольга миролюбиво пожала плечами. Однако тема похождения Нинки чем-то её цепляла, и она вернулась к вопросам:

— А Мотька? Может, Нинка и его на томные взгляды проверила?

— Так у Мотьки две змеи рядом жили, какие там взгляды, когда он по чужим огородам от них прятался. Врал, что червяков копает, а сам у дружков болтался.

— И то верно. Мотька за Ларкой приударил, когда змеи уехали.

— Да смех один, не ухаживания. Ларка как-то ведро карасей, что ей этот ухажёр припёр, в пруд на огороде вылила. Барсику на развлечение.

Ольга кивнула, но промолчала, давая Гале возможность выплеснуть злость:

— Мотька этого ирода Жукова и спойл! Всё приносил по бутылке, чтобы заночевать да от работы домашней отлынить. Колька его укорял, да что ему с того. А пьяница этот... девочку мою...

Всхлипы вновь прервал спокойный голос Ольги:

— Ты, Галя, напраслину не возводи. Пил Жуков давно, да и Мотька не такой барин, чтобы по бутылке за ночлег выставлять. Мотька Жукова хоть иногда, а на рыбалку вытаскивал. И не ради пьянки, а ради воздуха свежего да воды холодной. Вразумить он его пытался. Да и Гошку иногда брал.

— Господи, ну кому этот инвалид будет нужен? На что он сгодится, кроме как небо коптить? Почему этот пьяница не убил его? Ничего бы не изменилось, совсем ничего. А моя Ниночка вышла бы замуж, детей бы нарожала...

— Не дано нам знать, что было бы. И тебе гадать смысла нет. Сложилась у Нины вот такая судьба, значит, сложилась. Думай о себе, о том, кому ты нужна, и на что ещё сгодишься.

Слова Ольги заставили Галину приумолкнуть и начать вытирать слёзы. Ольга спросила:

— А Нинка с Ларкой общалась?

— Нет. Нинка — скромная девочка, прилежная, вся в учёбе, в делах домашних. А Ларка вертихвостка. Не о чем им было разговаривать.

— А ещё с кем-нибудь Нинка встречалась? Кроме Кольки?

— Серьёзного ничего не было. Походит, поговорит, да парни у нас все ленивые да жадные, Ниночке с ними было скучно. К тому же она девочка с принципами, глупостей себе не позволяет, а парням известно, что надо. Вот она и не торопилась, надеялась, что в городе хорошего человека найдёт.

— Ты, вроде, не хотела её в город отпускать.

— Боялась за неё. Чужало, видно, сердце беду.

Слёзный поток прорвался вновь, и попытка заткнуть его парой салфеток не принесла результата. Выждав несколько минут, Ольга протянула гостю небольшую сумку:

— Всплакнула — и хорошо. Теперь иди домой. Вот, возьми, завтра перекусишь. А я приду к тебе в пятницу. Разберём-соберём вещи, дом в порядок приведём, грязь вычистим. В субботу в баню к Желтковым ходим, я договарюсь. В понедельник поедешь в райцентр, начнёшь документы переоформлять, петлю временную на своей шее не затягивая.

Галина покорно кивнула:

— Хорошо. Спасибо.

— И на людей не бросайся, не огрызайся. Твою боль злостью не унять.

Ольга пошла провожать гостью до калитки. Петька дождал холодную картофелину и отправился к себе, отгоняя от себя вопросы без ответа. Почему его тётка вдруг взяла на себя заботу о чужой и неприятной ей женщине? И почему эта женщина заговорила с Ольгой, хотя раньше не общалась с обитателями Лукогорья? Как устроены все эти невидимые связи между людьми? Почему именно здесь и сейчас образовалась эта нить взаимопонимания между двумя женщинами?

Пожалуй, лучше почитать что-нибудь про скачки на мустангах. Там нет никаких взаимосвязей. Выбрался в прерии — и скачи себе на запад.

50. Лиходей

*Ярош умер. И ушёл в священную рошу,
к дому бога-кузнеца. В ямах уже горит
уголь, в мехи набран воздух, и древняя
мастерская ждёт последнего язычника,
который должен ударить молотом
по красному железу и навсегда закрыть
проход между мирами...*

*Я называла его отцом, но Ярош не любил
меня. Я была лишь неприятным
придатком к дому. Он боготворил
красивую девочку со звонким голоском.
Однако хоронить старика буду я,
а красивая девочка подождёт губки
и спросит, зачем это надо, ведь проще
оставить его в болоте.*

*Ярош не мог ошибиться на болоте. Он мог
заговариваться и верить в возвращение
Анны Прекрасной. Но по болоту он мог
пройти с закрытыми глазами и без
посоха. Кто-то помог ему споткнуться.
Это ведь не то, что я думаю?
Я ошибаюсь? Я так хочу ошибиться...*

Неустойчивые циклоны с севера пригнали к Лукогорью тяжёлые, переполненные водой тучи. Дождливый пасмурный день не располагал к прогулкам, но Ольга затеяла уборку в кладовках, и Петька незаметно утёк из дома.

Промокшая деревня показалась ему особенно унылой. Лавочка у магазина была пуста, на скользком угоре

гулял пронизывающий ветерок, отсутствие людей навело мысли о неизбежном будущем Лукогорья. Когда-нибудь взрослый и степенный Петька вернётся сюда, чтобы увидеть уходящие в землю брошенные дома. Будет, конечно, грустно, но что поделать, ведь ничто не вечно.

Философское погружение в картинки ностальгической будущности прервал дружный смех, донёсшийся от одного из домов. Жизнерадостное веселье пронеслось по улицам, наполняя Лукогорье реальным настоящим.

Смеялись во дворе Шершовки. Приехавший Гордей рассказывал собравшейся компании какую-то весёлую байку, и все покатывались со смеху, выплёскивая в мир наплевательство тем настроением, что пыталась внушить людям природа. Присоседившись к Толяну, восседающему на спиле старой берёзы, Петька попытался вникнуть в суть истории, но какие-то ключевые моменты он уже пропустил, поэтому понять, почему все вокруг взрываются хохотом на каждую фразу Гордея, не мог. Однако он вежливо улыбался, делая вид, что ему также смешно, как и остальным. Потом его мысли свернули на размышления, а кому нужен этот театр? Если только ему самому. Зачем он пытается не отличаться от других людей?

То, что весёлое выступление Гордея было лишь заставкой на время ожидания, Петька понял, когда откуда-то прибежала Рина. Взъерошенная ведьма вручила Гордею с десятков тетрадок и строго наказала:

— Она разрешила. Но не потеряйте, пожалуйста.

Гордей иронично и чуточку свысока пообещал:

— Не потеряю.

Рина уселась почти у ног эксперта, на маленькую шаткую скамеечку для прополки. Гордей засмотрелся на что-то интересное у горизонта, но потом встряхнулся и приступил к рассказу, ради которого, как запоздало сообразил Петька, все и собрались.

— В начале двадцатого века у Лукогорья был только один вариант попасть в столичные хроники. Криминальный. И таким вариантом стало убийство Матвея Кушкина, пожилого крестьянина из Рябиновки. Матвей собирался продать несколько серебряных украшений покойной матери, ушёл в город через Сидаково, остановился посидеть, передохнуть в питейной лавке, да за рюмашкой и разболтал, куда и зачем идёт.

Лиходей подкараулил крестьянина на дороге к старому мосту, это где теперь только пара свай торчит. Матвей был забит до смерти. Тело было брошено в канаву и закидано сверху ветками, его нашли только спустя несколько дней после трагедии.

Поначалу поднялся шум, жестокое убийство окрестили, как водится, загадкой века, но злоумышленник не отличался сложностью интеллекта, поэтому украденные украшения принёс в ближайшую скупку. Звали его Иван Горюнов, в Сидаково он пришёл за несколько месяцев до убийства, откуда и почему — неизвестно. Осудили лиходея на каторгу, но его освободила гражданская война, и, вероятно, в междоусобице лиходей дал волю своей злой страсти к убийствам. Однако потом он вернулся в Сидаково. По всей видимости — спрятаться и отсидеться.

— Но не смог удержаться?

— Да. Первым заметным происшествием в советском Лукогорье стал пожар в церкви. Старика сторожа нашли уже после пожара, за деревней. Он утверждал, что на него напали, но поскольку вся деревня знала, что он мертвецки пьёт, этим словам значения не придали. Решили, что он сам упал и ушибся. Думаю, кое-кто из крестьян взял на заметку исчезновение части церковной утвари и икон, но раздувать скандал лукогорцам было не с руки. Пожар — дело стихийное, с природой не поспоришь, а вот самим купола сбивать — совсем другая исто-

рия. Удобно вышло, что лукогорцы от церкви избавились, но не своими руками.

— Неужели в лукогорской церкви было, чем пожить?

— Не суди о поживе со своей колокольни. И дело не ограничилось только церковью. Следующим криминальным событием стало убийство комсомольца Никиты, одного из организаторов лукогорского колхоза. Никита был сильным и осторожным молодым мужчиной, он был вооружён, и о том, что он при деньгах, вроде бы никто не знал. Однако по дороге к тракту на него напали. По всей видимости, Никита знал убийцу и не опасался его. Он присел на отдых и получил удар по голове сзади. Тело было брошено в придорожные заросли, где и пролежало несколько дней. В деревне думали, что Никита задержался в городе. В городе считали, что он только собирается выехать.

К тому времени в районной милиции не осталось сыщиков, кто мог бы вспомнить детали старого убийства, да и соблазн других мотивов был слишком велик. Дело представили как контрреволюционный заговор, и все местные жители оказались под подозрением. Отдельно отмечу, что как раз в этот момент обнаружение в Лукогорье живой княжны стоило бы свободы, если не жизни, половине деревни. Чекисты искали заговор, заговор бы и нашли. Умные лукогорцы помалкивали, понимая, что выдадут княжну — наведут беду на себя.

— Выдали бы. Если бы было время.

— Тоже верно. Всё происходило очень быстро. Незадолго до криминальных событий превратности судьбы забросили в Лукогорье Габриэля Лифшица, уроженца далёкого еврейского предместья. В наших краях он называл себя Гаврилой Красновым. Увы, в укладе русской деревни Гаврила понимал ещё меньше, чем в штудируемых брошюрках о гегемонии пролетариата. Но статус комис-

сара обязывал, рвения ему было не занимать, и он увлечённо следил за всеми жителями деревни, записывая свои наблюдения в книжечку.

Гаврилу убили прямо на пустоши. Убийца поживился оружием комиссара и забрал его заветную книжечку. После убийства Гаврилы в Лукогорье был прислан вооружённый отряд, который принялся прочёсывать все окрестные деревни и леса. Каторжное чутьё позволило Горюнову ускользнуть от первых облав. Но прятаться ему было негде. И напрашивается мысль, что лиходей пришёл в терем.

Горюн понимал, что Настя не оставит Лексу и не выдаст его, так как побоится привлечь внимание к княжне. Настя понимала, что ему нужна одежда и запас еды, чтобы уйти к большому тракту. И она, конечно, отдала всё — лишь бы мерзавец мирно ушёл.

— Он взял с собой Лексу — в качестве заложницы?

— Ему не нужна была обуза. Лекса ушла сама.

— Зачем?

— Не зачем, а почему. Она пережила много боли, много страха. Ребёнок умер, её накрыло отчаянием и безнадёжностью. Кого она обвинила во всех своих бедах? Разумеется, Настю. Чего ей больше всего хотелось? Убежать, уйти, вырваться из опостылевших стен. Но у неё самой не было для этого ни сил, ни средств.

Узнав, что зашедший сосед идёт к большой дороге, а там и в город, Лекса ускользнула из дома, чтобы навязаться Горюнову в попутчицы. А он избавился от обузы, как только увидел подходящий овражек.

Через несколько дней облав и поисков командир отряда заявил Фролу Шершову, что лиходей расстрелян при задержании. Фрол в подробности не вдавался, лишних вопросов не задавал, и на том история лиходея и закончилась. Про Александру чекисты не упоминали, а Настя не могла помыслить, что Лекса убита, и убита

недалеко от дома. Она надеялась, что Александре удалось уйти и построить какую-то новую жизнь. Она ушла. Настя всю жизнь верила именно в это.

После тишины и замедленного возвращения во двор Шершовки компания разом принялась обсуждать предложенную Гордеем версию убийства княжны.

Среди гомона толпы, сосредоточившейся на убийствах комсомольца и комиссара, слух Петьки вычленил тихий разговор Гордея и Рины:

— Настя знала. И про убийство, и про кости в лесу.

— Почему ты так думаешь?

— Гордая Сосенка умчалась на быстром олене в дальние края — и это конец её сказки. Но есть ведь и присказка о том, что не в дальних краях нашла она своё счастье. Странница Лукерья встретила доброго богатыря, и больше мы ничего о ней не знаем. Кроме того, что её сыновья выросли защитниками земли русской. Нежную Фиалку увёз в красивую страну мудрый волшебник. И к этому финалу есть оговорка, что не прижилась Фиалка в доме волшебника, удрала на свободу.

— И к чему ведёт эта ретроспектива лукогорских сказок?

— К тому, что только одна сказка никогда не продолжалась и не дописывалась. Сестрица Рябинушка ушла. Можно понять это так, что она проделала длинный путь и потерялась в чужих землях, решив не возвращаться домой. Но у глагола «ушла» может быть и роковой смысл последней дороги в никуда.

— Если Настя знала о гибели Лексы, то почему оставила её тело в лесу?

— Горюна убили, дело закрыли. А какая, в сущности, разница, где лежать после смерти? Чем лес в овраге хуже лукогорского кладбища?

Вздохнув, Гордей попытался смутить ведьму пристальным взглядом:

— Очень удобный расклад для убийцы, если им не был Горюн.

Рина не смутилась, спокойно ответив:

— Другому убийце было бы удобно списать своё преступление на Горюна.

— Могли возникнуть сомнения. А нет тела — нет преступления.

— Для маленького ребёнка лучше живая мать в неизвестности, чем ощущение сиротства. Лучше глупо надеяться на чудо встречи с близким человеком, нежели точно знать, что этот близкий уже никогда не будет действительно близок.

— А ты полагаешь, что у издёрганной, уставшей Нasti были силы подумать о столь тонких и отдалённых материях?

— Да, думаю, она многое успела обдумать.

Подмигнув ведьме, Гордей заговорщицки объявил:

— Посмотрим, что скажут великие маги.

— Маги?

— Любители поговорить о волшебстве. Исследования по Александре мы проводили по поручению генерала Марата Алевченского. Он приедет сюда с профессором из Европы Тииром Тафтом, знатоком истории начала века.

— Зачем?

— Погулять под берёзами и поболтать о магии Александры.

— Такие важные персоны — и в лукогорском лесу? Вот уж сказочное явление.

— Можешь мне не верить, но здесь и сейчас в Лукогорье есть всего две важные персоны. Ты и я.

Оглянувшись по сторонам, Рина театральным шёпотом спросила:

— А короны когда раздавать будут?

Гордей рассмеялся.

Из окна с облупленными резными наличниками выглянула Шершовка:

— Давайте все в дом, дождь опять собирается.

Компания бросилась набиваться в дом старой карги. Петька постоял около крыльца, дожидаясь, пока все войдут, а потом повернул к калитке. Казавшиеся манящими тайны прошлого быстро превращались в набор житейских неурядиц, и от этого Петьке становилось скучно. Надо ли разгадывать загадки, за которыми не оказывается никаких сокровищ? К чему ворошить ненужное прошлое? Лучше телек посмотреть. Какое-нибудь веселое шоу.

Через полчаса Гордей Алексеевич явился к Ольге с просьбой о предоставлении ему ночлега на прежних условиях. Получив согласие хозяйки, постоялец забросил в комнату спортивную сумку и уселся к телеку — смотреть обзор международных событий.

51. Грозовой ветер

*Любовь падшей женщины и каторжника.
Какой романтический сюжет! Какое
раздолье для выжимания слезы
у читателя! Но у меня вызывает
омерзение союз двух пропойц и убийц.
И если бы это была только похоть,
было бы не так гадко. Однако они
исполнены заботы друг о друге, и их лица
сияют счастьем встречи. Маша говорит,
что это дар Божий, что это надежда
на покаяние и спасение. Спорю на весь
матрикул чернокнижника, что ничего
хорошего не выйдет.*

Огромный чёрный фронт во всю ширину горизонта надвигался на Лукогорье со стороны угора, и хотя в самой деревне ещё светило солнце, лукогорцы спешно готовились к неизбежному удару стихии. Семён ещё затемно уехал укреплять какую-то крышу. Ольга умчалась укрывать посадки, запретив племяннику не то, что выходить из дома, а и нос высовывать из окна. Из окна Петька видел безмятежное голубое небо с белыми облачками. Рискнув нарушить запрет тётки, он вылез в огород, но вид наползающей тучи с далёкими вспышками молний убедил его, что сегодня — не лучший день для своеволия.

Забравшись на печку с книгой, Петька немного почитал, немного подремал, но приближающиеся раскаты грома не позволяли ему отвлечься от тревожного ожидания наката грозы на деревню.

Хлопнула входная дверь, и Петька было обрадовался,

что вернулась тётка, а значит, не придётся самому разогревать обед. Однако в комнате раздались множественные тяжёлые шаги, и мальчишка автоматически затаился на печке.

Знакомый голос Гордея спокойно пригласил:

— Переждём грозу здесь. Это дом Семёна, одного из местных фермеров. Хозяева — гостеприимные люди, не обидятся моим самоуправством. Посидите, послушайте шум дождя, согрейтесь, а я сбегаю, машину подгоню.

Гордей выбежал, в комнате остались Дик и ещё двое мужчин, уже перешагнувших порог от зрелости к старости. Один — представительный и статный, в длинном распахнутом плаще — преспокойно развалился в кресле, закинув ногу на ногу. Другой — невысокий и худощавый, в тонкой ветровке — присел к столу и сложил руки перед собой.

Первые тяжёлые капли выстучали сложный ритм по крыше, и барабанная вакханалия сменилась ровным шумом, в котором вклад отдельной капли уже ничего не значил. Несколько ярких молний — и весь дом вздрогнул от мощнейшего грохота, раздавшегося, кажется, прямо над крышей. Петька невольно сжался, мгновенно забыв о намерении дать гостям знать о себе.

Гости встретили грозу спокойными улыбками. Мужчина в кресле иронично заметил:

— Не по нраву Матушке Берёзуске визит магов большого мира.

Худощавый со смешком сипловато отозвался:

— Всего лишь не повезло с погодой. Бывает.

Дик пожал плечами и обратился к мужчине в кресле:

— Ты закончишь экскурсию, отец? Кто же убийца Александры?

— Лиходей-душегуб, разумеется. В окрестностях Лукогорья случилось несколько убийств с чисто крими-

нальным мотивом — жертвы были ограблены. Бывший каторжник решил перекантоваться год-другой у одной неразборчивой бабы. Тропа, что ему приглянулась, шла от села к болоту и дальше через лес к большой дороге. Дом Александры стоит у края болота. А её тело было брошено в паре метров от тропы. Её убили, потому что она оказалась не в том месте, не в то время.

Худощавый недоверчиво уточнил:

— Так просто?

— А ты ждал чудовище из иных измерений?

— Инопланетяне меня бы устроили. — В речи незваного гостя чувствовался лёгкий акцент, хотя говорил он абсолютно свободно и без каких-либо запинок. — Знаешь, что действительно интересно? Несколько месяцев назад мы с Халлом вдруг вспомнили эту старую историю. Случайно, ни с того ни с сего, заговорили о том, что же могло произойти с Александрой.

Марат кивнул головой:

— Вы заговорили, и по вселенной пошли вибрации.

— Ещё какие. Представляешь, буквально через несколько дней ко мне пришёл Маттеуш Тумановский. Он ищет возможных потомков Елизаветы Тумановской, сестры его деда. До революции сестра несколько раз писала брату примерно отсюда, из поместья Дерлянских, и в письме передаются приветы от Александры. Я ничем не мог помочь Маттеушу, но отметил то странное совпадение, что имя Александры вновь всплыло из глубины времён.

— И ты нашёл на карте Лукогорье?

— Нет. Но за пару дней до твоего звонка я был на приеме у одного из наших министров. Его жена развлекала гостей тем, что представляла новые приобретения для своей галереи. Я не удержался и выкупил у неё один малоизвестный портрет. Грустная женщина и хорошенькая девочка с ясными глазами и ямочками на щёч-

ках. Анна и Александра Лукогорские.

— Подари мне.

— Купи. Я выставлю его на аукционе Клайнемана.

— Назови разумную цену, и ты её получишь. До начала торгов.

— Коатль уже обещал мне разумную цену.

— И зачем портрет Коатлю?

— Чтобы сжечь, конечно. Спрятать, так сказать, концы в пепел.

— Вот урод... Хорошо, Тиир. Я дам тебе две и даже три разумные цены. И можешь быть уверен, для этого портрета Русский музей проведёт отдельную выставку. И издаст большой календарь тиражом тысяч в сто экземпляров. Не считая каталога, в котором будут все фамильные портреты Лукогорских, какие только существуют. И ещё десяток я подделаю на основе имеющихся. А ради того, чтобы Коатль подавился утренним какао, я, пожалуй, памятную монету выпущу.

— Мне, честно говоря, всё равно, что ты выпустишь. Бизнес есть бизнес.

Марат брезгливо поджал губы, но продолжил спокойно и миролюбиво:

— Меня вот тоже занимают странные совпадения. Весной ко мне попало дело Георгия Волкова. Старый архив пошёл под списание, а в этом деле был автограф водителя. И когда я услышал, что здесь нашли старые кости, я почти не сомневался, что это останки Александры.

Тиир издал сдавленный звук, очевидно, означавший смехок, и заметил:

— Невероятное возвращение. Все эти десятилетия мы неправильно расставляли ключевые точки. Всё было решено здесь. В лесочке, настолько далёком от перекрестков мира, насколько только можно вообразить.

— Если здесь нет собора с гигантским куполом, это ещё не значит, что здесь нет перекрёстка.

Тиир горько вздохнул:

— У Александры был мощный потенциал. Она была совсем юной, необученной девчонкой, но старые маги говорили о ней с придыханием. И они до чёртиков боялись, что она примет всё, что здесь происходит — ради родной земли. Русские колдуньи привязаны к земле. Она писала Лоэлю, что идеи приходят и уходят, а поля должны возделываться, и дети рождаться...

За окном полыхнула молния, и сразу за ней громыхнуло. Все покосились на окна, а затем Марат возразил собеседнику:

— Твои учителя ошибались, считая потенциалы по письмам Александры. Эта вздорная девчонка только и делала, что нарывалась на неприятности. Сиюминутные капризы, прыжки из одной постели в другую, беспричинные ссоры со всеми подряд — с ней никто долго не уживался. Она не хотела понимать и принимать других людей, вытворяла всё, что вздумается. Даже если потенциал и был, то не раскрылся. И её смерть стала делом случая.

Издав что-то вроде возмущённого фырканья, Тиир парировал:

— Если бы Волков был поумнее, он встретил бы её на границе.

— Может, и встретил бы. Но Александра ехала не к нему.

— А к кому?

— Скорее, к чему. Она полагала, что здесь спрятано сокровище, и достаточно лишь пожелать, чтобы оно само упало в руки.

— Не уводи меня от главной темы. Где ребёнок Александры?

Марат растянул губы, делая вид, что улыбается:

— Наши колдовские леса... какой только нечисти в них не водится. Болотная кикимора подобрала малы-

ша. Планировала съесть, но решила сначала откормить. А там и сама не заметила, как привязалась. Вырастила, вывела в люди, помогла воспитать детей, а затем внуков и внучек...

— Ты не знаешь, — жёстко констатировал Тиир.

Марат качнул головой:

— Знаю, но тебе не скажу. Зато можешь утешить Маттеуша. Тумановские живы. И Таласкины. И даже Таймур-Лавренёвы. Нежная Зизи после десяти лет в лагере родила слабенькую и большую, но живую девочку.

— Зизи? Родила?!

— По слухам, это была красивая и чистая любовь. Увы, влюблённые были обречены. Но Вулкан разорвал кольцо зла. Он забрал маленькую хромую дикарку из специнтерната и отдал её в добрую семью. И знаешь, не зря говорят, что кровь не водица. Внук Зизи — будто Таймур собственной персоной. Невероятное сходство.

Тиир растерянно возразил:

— Я тебе не верю. Кто угодно, только не Вулкан.

Генерал медленно объяснил:

— Вулкан вырос в трущобах, но так и не стал люмпеном. И ты удивишься, сколько детишек обрели благодаря Вулкану правильное пролетарское происхождение. Это был блестящий план смешать все карты и вероятности. Потому что никто не знает, *кто* из этих детей *где* вырос и *кем* стал.

Пожилой джентльмен сник и тихо, на грани слышимости, с отчаянием прошептал:

— Дети, всё о детях... Я понял, к чему ты клонишь.

В ответе Марата заплясали нотки триуфа:

— Мы выжили, Тиир. Маги леса и духи воды, заклинатели облаков и шаманы заснеженных полей, повелители молний и те, кто умеет разговаривать с живыми клеточками. Древняя магия жива. И по-прежнему не подчиняется вашим глупым орденам и канонам. Мы

будем творить волшебство так, как хотим. Без хождения строем, без заученных песнопений по молитвенникам, без поклонения закоснелым символам, давно утратившим смысл. Мы живы. И свободны.

— Твой мир — территория мрака и абсурда, общество тиранов и рабов. Вы и понятия не имеете, что такое свобода.

— Только что ты предал доброго человека, который впервые в твоей жизни накормил тебя вдоволь. Ты предал ту кровь, что течёт и в твоих жилах. Кто-то из нашей страны мрака поделился с тобой жизнью, не зная, что спустя десятилетия будет назван рабом.

— Мой частный случай не отменяет всей истории.

— Но отменяет твоё благородство, Светлый Тиир.

Будто подслушав диалог, гроза утвердила обвинение Марата несколькими раскатами грома.

Тиир медленно заговорил, не вполне понятно, к кому обращаясь. Так старые профессора читают надоевшие лекции глупым студентам:

— Наличие детей и внуков ничего не обещает. Природа отдыхает на потомках веками. Так долго, что мы запутываемся в переплетениях генетических линий. Великие маги появляются на свет так же, как гениальные музыканты или прозорливые учёные. Непредсказуемо и непостижимо.

Торжественный широкий жест Марата отмёл все несущественные построения слов:

— Мы выжили. Древние гены соединились с молодыми, чёрная кровь слилась с голубой, и новые звёзды взошли сами по себе, без глупых обрядов праведников в балахонах. Всё повторяется, Тиир.

Тиир горько вздохнул, и Марат спокойнее добавил:

— Не один, не два человека. Целое поколение. Эти дети не знают, кто они, не понимают себя и своих талантов. Но их дети научатся сами и научат своих детей. А эти

дети научат всех. Даже если Коатль сожжёт все рукописи мира — это ничего не изменит. Однажды они вспомнят. Генетически. Метафизически. Магически. Однажды они откроют мир заново. Придумают. Сообразят. Запишут. И вспыхнут сотни и тысячи новых искр. И за тёмными веками придёт новый рассвет.

Тиир резко выпрямился. Только что за столом сидел пожилой и вроде бы безобидный человечешка, но теперь этот мужчина был больше, чем просто мужчиной. Светлые глаза мага полыхнули злобой:

— Или хаос сожрёт и вас, и нас. Как сожрал многих других.

Марат пожал плечами:

— Впервые за несколько веков мы разговариваем на одном языке. У нас одинаковые шрамы в душах. И общая ненависть к знаку солнца на чёрных рукавах. Давай сохраним равновесие. Хотя бы на какое-то время. Пусть мир отдохнёт. А там посмотрим. Сцепиться ещё успеем.

— Нет, Марат. Мы с тобой никогда не сцепимся. Как никто из нас не сцепится с Халлом или Магдаленой. И ты знаешь это не хуже меня. Сцепятся дети наших детей. Или внуки наших внуков. Однажды они забудут. Сожгут все рукописи. Начнут затаптывать искры и казнить тех, кто открывает мир. Всё повторится, Марат. И тёмные века продлятся вечность. И хорошо, если кучка глупых праведников в балахонах сохранит крупицу знаний о том, кто мы такие и для чего сюда пришли.

Марат вздохнул, и Петька вдруг представил себе, что какое-то фатальное крушение мира начнётся здесь и сейчас. Но в голосе Марата прозвучала лишь усталость:

— Если маги не будут верить в будущее, кто сможет поверить?

Тиир пожал плечами и после долгой паузы улыбнулся:

— Так приятно выбраться из закоснелых стен старых чертогов. Давненько я не чувствовал свежего грозового

ветра. Спасибо, что вытащил меня прогуляться.

— Я знал, что тебе понравится.

Послышался шум мотора, и в дом вбежал насквозь мокрый Гордей Алексеевич:

— Можно ехать. Машина у калитки.

Через минуту Петька остался один. Что-то внутри него пело и торопило скорее вскочить и побежать к друзьям с пересказом увиденного и услышанного, но некая другая, более спокойная и рассудительная часть сознания уверяла, что пересказать это нельзя, да и не нужно — всё равно никто ничего не поймёт.

Точку в этих размышлениях поставила Ольга, вернувшаяся и начавшая собирать на стол. Петька остался обедать, подремать после обеда, отдохнуть после дрёмы, и к вечеру яркое впечатление поблекло, потеряло свою волшебную суть. Друзья были заняты, и Петька им так ничего и не рассказал.

52. Белые пятна

У нас гости. И революция. Теперь всё будет по-новому. На повестке дня: 1. Всё отдать. 2. Помалкивать. 3. А то хуже будет.

Отдала всё. Все три вилки. Помалкивать мне просто. Я всю жизнь помалкиваю.

Хуже уже некуда. Хуже я в отчаяние впадаю, потом не помню, что натворила.

Горюн в подклете стены простукивает.

Тычиха на чердаке ковыряется.

Сокровище ищут. А девица Белолица слезами заливается. Так ей и надо.

В субботу. В пять. У Масловых.

Заклинание повторялось, отражалось от стен домов и заборов, уходило эхом к Красному камню и возвращалось со стороны Облепиховки шуршанием листьев старых яблонь и шорохом травы вдоль обочин. Петька важно кивал, услышав этот заветный пароль и подтверждая, что причастен к ожидаемому действию. Но что за действие ожидается, он на самом деле не знал. Он попал в число формально приглашённых за компанию с тёткой, о чём она сама ему и сообщила, не потрудившись растолковать суть предстоящего события. Из разговоров там-сям Петька понял, что к Масловым приезжает какой-то родственник, но оставалось непонятным, почему этому приезду сопутствует шлейф слухов и королевские приготовления. Ксанка, Рина и Мышка прибрали весь двор, унесли все железки Гришки в гараж, поправили и покрасили забор, что тянуло на визит, по меньшей мере, английской королевы.

Прибыв к Масловым в субботу в три, Петька обнаружил, что никакого праздничного стола ещё не наблюдается. Не обнаружилось его и в четыре. Без пятнадцати пять на столе появились лишь чистые скатерти, расстеленные внахлест. Зато вокруг суетилось буквально всё Лукогорье.

Ровно в пять Гришка вышел навстречу коренастому мужчине средних лет. В августовскую жару ворвался вихрь зимней позёмки. Гость показался Петьке смутно знакомым, хотя он был уверен, что не встречал его раньше.

Мужчина приветливо протянул Гришке руку:

— Привет, брат.

Гришка чуть развязно ответил:

— Привет.

— Я Алексей. Младший сын Михаила.

— Я помню.

Повернувшись к Ксанке, Алексей церемонно поклонился:

— Ксения Львовна. Очень рад знакомству.

Возникла суматоха, все здоровались, суетились, рассаживались, и лишь через полчаса, когда все, наконец, разместились за старым столом и разобрали старинные чашки, Алексей смог начать свою речь:

Покопавшись в рюкзаке, он выложил на стол пачку бумаг с ксероксами старых фотографий и без каких-либо вступлений указал на непримечательного юношу в кривоватом овале:

— Это волшебник Север в молодости.

Ксанка задумчиво прокомментировала:

— Не скажешь, что он красив. Но в нём чувствуется уверенность.

— Дед слыл умным, но замкнутым человеком. У него не было чёткого статуса, формально он лишь руководил отделом в неважном министерстве, однако он активно вмешивался в очень широкий круг вопросов и дел, к которым вроде бы не имел никакого отношения. Он был вхож в дома ближайших соратников тирана, но оставался малозаметным. О нём ходили как недобрые, так и восторженные слухи. И он сам позаботился о том, чтобы достоверной информации о его деятельности не осталось.

— И что же это была за деятельность?

— Он курировал несколько научных институтов с секретной тематикой. Неоднократно ездил за границу. Он свободно говорил на нескольких европейских языках и вёл много тихих и неофициальных переговоров с разными неприметными людьми, такими же неясными закулисными игроками, каким был и он сам.

Алексей разложил на столе несколько увеличенных фотографий, на которых маячила одна и та же пара на фоне каких-то достопримечательностей. Элегантно одетая женщина в шляпках замысловатых фасонов оди-

наково отстранённо держала под руку чуть сутулящегося мужчину с взглядом, который уходил куда-то за камеру фотографа.

— Бабушка и дед. Точных дат нет, примерно тридцатые. Берлин. Париж.

На Рину снимки определённо произвели впечатление. Она медленно перебрала их по одному, всматриваясь в лица на снимках.

Алексей выложил поверх всех остальных фотографию пожилой женщины, сидящей на кресле и держащей на коленях маленького ребёнка. По обе стороны от кресла застыли две девочки с вытаращенными глазами. В снимке была едва осознаваемая временная несуразность: его явно делал фотограф, ещё помнящий парадные снимки статских советников и почётных граждан губернских центров.

— Это деревня Бугорки. Уральская усадьба промышленника Пряжникова. Слева Глаша, справа Наташа Кузнецовы. Малыш — Миша Северов. А старорежимная дама в кресле — Франсуаза Лакруа. По паспорту — Фрося Лакова. По жизни — вдова Фёдора Пряжникова, мать жены Севера и заботливая бабушка для всех маленьких Кузнецовых и Северовых.

Подняв голову, Ксанка потрясённо подсказала:

— Фея Франка, раздающая золотые монетки.

— Точно. Золото, которое позволило Насте вырастить и обеспечить всех детей, не имело отношения к князьям Лукогорским. Это было совсем другое наследство.

Рина медленно протянула:

— В сказках у волшебника нет жены.

— Жизнь богаче сказки. Елена была яркой и неординарной женщиной, но, как бы это сказать, не созданной для семейной жизни. Она быстро ушла от мужа. Её манили опасные поездки, погони и перестрелки. Она вернулась через несколько лет только для того, чтобы попр-

сить Настю позаботиться о её младенце.

Улыбнувшись удивлённым взглядам непосвящённых, Алексей объяснил:

— Вся семья знает, что Наташа — дочь Елены Лакруа. Поэтому никто из нас не верит, что Глаша могла быть дочерью Александры. Анастасия не скрывала ни от кого из детей, кто они.

Рита задумчиво предположила:

— Настя и Елена должны были хорошо знать друг друга. Во всяком случае, доверять так, как в те времена никому не доверяли. Две женщины одного мужчины, и такая преданность. Потрясающе.

Алексей кивнул и вернулся к рассказу:

— Франка умерла в самом конце тридцатых, и как раз тогда же над дедом сгустились тучи. Всё шло к тому, что его вот-вот арестуют. Настя и дети быстро перебрались в Лукогорье. Север устроил себе назначение на берег Белого моря и ухитрился увернуться от мясорубки. А там и война грянула.

Гришка с грустной усмешкой заметил:

— Спокойно, считай, и не жили.

— Елена погибла в первых бомбёжках Киева. Настя на время оказалась отрезанной от связи и помощи. Поразмыслив, она осталась в Лукогорье. Север строил заводы на Урале. В сорок пятом он был ранен под Кёнигсбергом, но обстоятельства этого ранения нам неизвестны. Сразу после победы он несколько раз летал в Германию. Вывозил документацию и технические разработки.

Тени вокруг сгустились. Но спокойный голос Алексея разогнал их обратно по углам двора.

— Настя вложила все силы в то предназначение, которое увидела в маленькой скорчившейся девочке, лежащей под берёзой. Она посвятила себя детям, а потом и внукам. Незаметно, скромно, жалуясь на времена и нравы, она отдавала свой дар другим — и тем самым

изменяла будущее.

Север младший вытащил ещё несколько фотографий. Та же пара маячила на фоне достопримечательностей:

— Начало пятидесятых. Лондон.

Ксанка с восхищением заметила:

— Она по-прежнему безупречно одета.

Рина поддержала подружку:

— А он заметно постарел, но в его взгляде куда больше злой уверенности, что мир повернётся так, как он захочет. Через несколько дней она вернётся в деревню. Он будет скромно ковыряться в бумагах. А мир будет вертеться так, как они придумали.

Гришка вклинился в возникшую паузу:

— Почему они не жили вместе?

— Так уж сложилось. Он не мог остаться в деревне. Она понимала, что в деревне детям вольготнее. Расставаясь, они писали друг другу длинные письма. Встречаясь, наслаждались каждым днём. Но по большому счёту вместе они жили больше, чем врозь. Бабушка исчезала из Лукогорья то на пару месяцев, а то и на всю зиму.

Резко вздохнув, Рина нервно спросила:

— Она надолго пережила его?

— На тридцать лет.

Рассеянно перебрав снимки, ведьма объяснила:

— Она не верила, что его нет. Придумывала сказки, в которых они вместе.

Алексей улыбнулся и утвердил:

— Они вместе.

Вечер тянулся и втягивал во двор Масловых всё новых и новых гостей. Стол незаметно накрылся тарелками с какими-то вкусностями, но на еду никто не налегал. Семён с Ольгой как-то незаметно оказались во главе стола. Михалыч примостился с другого края, оказавшись в окружении стайки девиц. Тихон удобно мурлыкал что-

то из отдельно стоящего шезлонга. Старухи растворились среди других лукогорцев, но время от времени Петькин слух выхватывал из общего гомона шамкание Шершовки или восклицания Глебовны.

Запаса кузнецовских чашек на всех не хватило, и Тонька притащила из своего ларька коробку нераспроданных сувенирных кружек.

Рина и Ксанка болтали о ерунде:

— Впитывай. Такие вечера случаются раз в сто лет.

— Нет. Это один длинный вечер. Одни люди пьют чай, говорят что-то своё и уходят. Другие приходят и начинают своё чаепитие и свою говорильню. Даже когда вроде бы никого нет, за столом сидят призраки и обсуждают, прилично ли, что Фимка покрасила свою седину в розовый цвет.

— Когда я буду седой, я тоже покрашусь в розовый.

— А я в голубой.

Толян доказывал силу науки Динке, будущей великой актрисе:

— Космонавтика — сила. Но будущее за биологией. Без трансформации тел мы не сможем преодолеть пространства вселенной.

— Если для преодоления нужно стать каракатицей, я лучше останусь здесь. Публика не поймёт, если на сцену выползет каракатица.

Жорка горячился и спорил с Колькой:

— Если это сказки, то откуда цепь холмов за Сидаково? Курганы это, и внутри них усыпальницы князей великой Лукогории.

— Неужто москвиты великую Лукогорию под своим носом прозвали и в летописи столь ценное завоевание не внесли?

— Так Лукогория до москвитов была.

Гордей объяснял Алексею схему, наспех нарисованную на обрывке обёрточной бумаги:

— Лука Горский бежал из Красной России налегке. И у него было только одно место, где он мог спрятать матрикул чернокнижника. Водочный магазин, который держала его подружка. Магазин был деревянный, но стоял на солидном и глубоком каменном погребе. Мы с Кучем перерыли все архивы и нашли остатки этого погреба. Пустые, понятно. Но есть одна важная деталь. Судя по всему, проход в погреб был наглухо заложен, а потом аккуратно взорван. Это Настя забрала архив.

— Вряд ли. Не осталось ни одной сказки, в которой можно было бы поймать этот след. Она наверняка знала, что за шутку сыграл с отцом Константин, но у неё не было возможностей забрать матрикул.

— Марат думает, что матрикул у тебя.

— До встречи с тобой я был уверен, что матрикул у него.

— Тупик. Может, оно и к лучшему. Нет архива — нет и конфронтации.

Рядом с Петькой примостилась Женька, поджала губу точь-в-точь, как делала её мать, и с взрослой интонацией принялась не то сетовать, не то мечтать:

— Постылые людишки. Пустые разговоры. Вечное болото. Скорее бы выбраться отсюда! Дождаться не могу, как сбегу в нормальный мир.

Да. Всё именно так.

Нет. Всё совсем не так.

Петьке захотелось убежать. Несколько раз глубоко вздохнув, он постарался успокоиться. Сколько можно бестолково бегать по пыльным дорогам и старым тропинкам? Из Лукогорья некуда бежать. Оно живёт внутри тебя, и сколько бы ты не бежал, прибежишь к старой берёзе на опушке, чтобы прижаться щекой к грубой коре и расплакаться.

53. Земля и люди

У нас новая сказка. Оказывается, всё это время болотная кикимора держала девицу Белолицу в плену. Околдовала бедняжку, заморочила, затемнила белый свет.

Но увидела несчастная красавица жёлтый листик, показался он ей монеткой золотой — и освободилась она от злых чар. Пришло время сбросить простой сарафан и отправиться навстречу великой судьбе...

Пусть отправляется. Сгниёт в первой же канаве, вот и всё величие.

И почему я не послушалась Акулинку и не выпорола девицу крапивой при первом же капризе? Что теперь делать?

Вымотанный длинным вечером и множеством разговоров Петька приплёлся домой вслед за весёлой тёткой, в которую посиделки, похоже, влили особый заряд бодрости. Ольга, напевая какую-то песенку, уселась за стол и принялась барабанить по нему пальцами с таким видом, будто именно это и было её главным занятием в жизни. Петька понял, что она ждала гостя, когда на пороге появился Северов-младший.

Бросив на мальчишку мимолётный взгляд, Алексей чмокнул Ольгу в обе щёчки, присел к столу и завёл ещё одну беседу:

— Хорошо выглядишь. В деревенском воздухе есть свои плюсы.

— Оставайся на недельку, я и тебе румянец верну.

— Не могу.

— Сможешь, если снимешь корону незаменимости.

— Чудно. Я будто Глашу услышал.

— Так места у нас чудесные. Неужели ты забыл?

— Нет, не забыл. И меня тревожит то, что лукогорские леса привлекли внимание Марата. Почему вдруг он прислал сюда сына? Допустим, он взволновался мыслью о матрикуле чернокнижника. Но зачем на наши головы свалился Тиир? И ради чего Марат вылез из своего кабинета? Только ради того, чтобы пройтись по нашей опушке?

Ольга сложила руки на столе и в тон ответила:

— Ты приехал сюда впервые за много лет. Вылез из своего важного кабинета, чтобы пройтись по опушке. Допустим, ты озаботился интересом Марата к сказкам Анастасии. Понятно, тебе не по нраву, что Марат пригласил сюда Тиира. Но почему вдруг ты решил всё бросить и прилететь?

Алексей пожал плечами:

— А почему бы мне не прилететь к родным могилам?

— Ты услышал зов Берёзушки. Но ты так окостенел, что уже не можешь понять, о чём тебя просит родная земля.

— Лукогорье, в котором мы выросли, существует лишь в нашем воображении. Мы не плоть от плоти лукогорских пашен и лесов. Мы пришельцы. Дед и бабка создали на этой земле сказку, в которой им было удобно спрятать детей и внуков. Но время прятков прошло, и мы разлетелись, чтобы переустроить мир.

— Земля — на то и земля, чтобы существовать вне наших представлений о времени. Сегодня разлетелись, завтра слетимся. А пришельцы это не мы, это те пернатые существа, что прилетают поговорить с нашими курицами.

Алексей замер, настороженно и недоумённо уставив-

шись на невозмутимую Ольгу. Через добрый десяток секунд он рассмеялся, и возмущённо, и весело вложив укор в одно восклицание:

— Оля!

Улыбнувшись, Ольга попыталась объяснить:

— Притягивают не леса, Алёша. Притягивают люди.

— Ты что-то знаешь? Марат затевает интригу?

— Нет. Я совсем не об этом. — Помолчав, Ольга спросила. — Скажи, а что будет с останками княжны? Надо бы их всё-таки похоронить.

— У Лукогорских нет склепов и фамильных некрополей. Могила Николая потеряна; кладбище, где лежала Аглая, превратилось в сквер. Владимир закопан в общую яму; Константин неизвестно где. На месте захоронения Анны стоит отель. Есть в этом какая-то воля providения.

— Может, Александре уготован уголок успокоения?

— Она не хотела здесь оставаться. И не останется.

— Кто это решил?

— Марат заявил, что Александра — дочь Буянова. А значит, он её дальний родственник, он сам будет распоряжаться её костями. И её бумагами. И всеми её делами.

— Да уж, то ещё родство. К тому же без матрикула чернокнижника его никак не подтвердить. А матрикула нет — значит, и наследников нет.

— Марат борется за место под солнцем и собирает любые очки значимости. Акцент на родстве с чернокнижником притягивает к нему внимание мистиков и любителей паранормальности. Обычная возня карьериста, только в специфическом ракурсе.

— Тебя не смущает, что его сына называют инфантом? Марат выстраивает для него далеко идущие планы. А мальчишка избалован и не унаследовал харизму отца и деда, кто знает, куда эти планы заведут.

— Посчитаем инфантов, когда они подрастут. Даже если роковой геном потомков чернокнижника исчерпал

свою злую силу, Дику придётся выбираться из тени отца, а я не уверен, что отец позволит ему это. Марат строит планы, но главным в этих планах остаётся он сам.

— А мы заявлять о родстве с Александрой не будем?

— Нам и заявлять-то нечего. Да и кому это нужно, кроме нас с тобой? Мне есть, чем заняться в этой жизни. Тебе тоже. А для остальных старые сказки — всего лишь сказки. Раз уж Марат увёз кости, значит, теперь его проблема, где они найдут пристанище.

— Но не останутся ли они в какой-нибудь лаборатории?

— Значит, на то будет воля providения.

— Не увиливай, Алёша. Присмотри, чтобы воля providения предписала Марату похоронить княжну.

— Ладно, ладно. И вовсе не обязательно утюжить меня такими взглядами.

Ввалился Семён, мгновенно определивший неправильность в домашнем пространстве:

— Петька, а ты что тут уши греешь? Марш спать!

Уже на лестнице Петька услышал голос вернувшегося Гордея.

Петька долго ворочался и никак не мог заснуть, натягивая на голову подушку, а потом снова прислушиваясь к голосам внизу. Разговор продолжался и продолжался, но о чём он, Петька не мог понять. Только чувствовал, что именно здесь и сейчас, в простой избе, в угасающей деревне вершатся судьбы человечества. И вершит их не кто-нибудь, а его родная тётка, утешающая взглядами трёх мужчин, сидящих за одним столом.

Проснулся Петька рано. Ольга и Семён неторопливо завтракали, что было непривычно. Петька присел к столу, и тётка поставила перед ним тарелку с творогом. Семён отодвинул свою уже пустую тарелку и спросил:

— Ты что приуныла, Оль?

Пожав плечами, Ольга певуче сообщила:

— Неспокойно мне. Неспроста зачастили к нам далёкие гости. Как бы не затоптали росток новой сказки.

Семён состроил смешную гримасу и развёл руками в стороны, заговорив вдруг проникновенным размеренным голосом:

— Собрались однажды великие волхвы. Всё они видели, всё знают, и умники, каких поискать, и праведники, каких в пример ставить. Говорили волхвы умные слова, спорили о высоком, рассуждали о далёком. Хорошее дело, да одна беда. Никто из важных магов восходящую звезду не заметил. И прошли волхвы мимо — по своим превеликим делам. И потеряли путь, ради которого в дорогу собрались. И заблудились в тумане тщеславия на болоте златолюбия. А звезда среди людей осталась. Чтобы засеять поля и растить детей. Такая вот сказка получилась.

Ольга рассмеялась, а потом обняла и поцеловала любимого мужа.

54. Город под горой

Добрые мои друзья! На всякий случай.

Если я ошиблась в расчётах.

Я обманула Баумейстера. Лукреция

жива. Ждите весточки из Заповедного

Края. Теодор вступил в орден железных

крестов. Не сердитесь. Он разочаруется

и вернётся.

*Лука Горский сболтнул Альберту
Алевченскому о водочном подвале, и ещё
до возвращения домой я предприняла
экстренные меры по эвакуации
матрикула чернокнижника. Со смертью
князя Андрея подвернулся случай
устроить скромные похороны, и теперь
матрикул покоится в семейном склепе
Тумановских. Будьте осторожны. Это
опасное сокровище.
Не беспокойтесь за Лашку. Маша о ней
позаботится.
Спасибо, дорогие мои. Было весело.
Север, Вулкан, Рошар — обнимаю.
Не поминайте.
Ваша фройлен Бирке.*

Гордей Алексеевич вытащил Петьку Жукова из милицейской машины, подтолкнул его к дому, разукрашенному полосатыми ленточками, пожал руку водителю машины и направился в магазин, мимоходом сообщив старухам, что пьяница — не убийца. Машина развернулась и уехала.

Старухи замерли. Жуков остался стоять на улице в прострации. Гордей Алексеевич невозмутимо вынырнул из магазина с батоном хлеба и направился в сторону дома Масловых.

Ульяна Глебовна решительно встала и позвала:

— Гордей Алексеевич, не торопитесь уходить. Поясните нам, на чём основан ваш вывод.

В стародавние времена Глебовна умела усмирять областные партсобрания, но теперь в её голосе прозвучали сильные нотки, и весь призыв оказался не строгим указа-

нием, а всего лишь просьбой старухи. Гордей вернулся к лавочке и растолковал:

— Это не мой вывод. Это вывод экспертов. У Петра Жукова обнаружен комплекс неврологических отклонений, и, в частности, патологии кистевых и локтевых суставов. Он и стакан удержать не может, а уж задушить женщину ему совсем не по силам. Да и женщины ему не нужны, он импотент. По мнению нескольких врачей ему от полугода до двух лет жить осталось.

Эмма всплеснула руками и жалостливо вздохнула. Глебовна строго спросила:

— А зачем вы его обратно привезли?

— Где взяли, туда и вернули.

— Для дурака клиника нашлась, а для пьяницы нет?

— Этому пьянице никакая клиника не поможет.

А с точки зрения закона он дееспособный гражданин и может находиться там, где хочет.

Гордей оглянулся на стоящего неподвижно Жукова, поморщился и снова повернул в сторону Масловых.

Жуков постоял ещё минут десять и пошёл в сторону своего разворошенного дома. Навстречу ему вывернул Гошка. Удивившись, он остановился в нерешительности, но потом бросился к Петру с расспросами и поздравлениями. В поведении Гошки чувствовалась неуверенность, но Жуков был не в состоянии обращать внимание на такие нюансы. Им двигала одна-единственная мысль — добраться до дома, где должна была остаться недопитая бутылка с заветной отравой.

Мужчины удалились, старухи принялись обсуждать новость. Дело клонилось к вечеру, и Петька пошёл по деревне искать приятелей. Сашок ковырялся в ангаре Жорки, и о возвращении Жукова он уже знал. Толян куда-то запропастился. На угоре торчал Илья Николаевич — весь в поэтическом нетерпении, с блокнотом наготове. Снизу доносились отголоски какой-то женской ругани, но кон-

кретные слова разобрать было невозможно.

Вернувшись домой, Петька обнаружил, что и Гордей, и Масловы, и ещё человек десять заинтересованных лукогорцев окружили большой обеденный стол, заваленный крупномасштабными картами.

Ольга, чуть нараспев, неторопливо, но без затяжек рассказывала легенду о великой Лукогории, исчезнувшей так давно, что и всей памяти об этом осталась одна сказка.

— Лукогория была страной белых деревьев и зелёных трав. И правила ей мудрая княгиня Берёзушка. Хорошие времена были. Поля возделывались, дети рождались, дома строились, и песни весёлые пелись. Но пришли на белую землю враги злые. Пали в неравном бою сотники. Пали воеводы. Пали богатыри-защитники. Вскочила Берёзушка на коня и призвала на помощь великих богов. И бились люди и боги вместе, и на том, и на этом свете. И победили. Вот только княгиню-матушку в последний миг битвы ранили чёрные стрелы врага. Прослезилась Берёзушка, завещала беречь родную землю и умерла...

Выдержав траурную паузу, Ольга медленно продолжила:

— Похоронили павших в храме, а храм камнями заложили, песком да глиной засыпали. Земля разорена была, и ушли люди жить в другие места. И не осталось у них памяти про старые времена. А на кургане лес вырос, из белых деревьев с чёрными отметинами. Да так и рос, и гора вместе с ним росла. И рассеялись отсюда белые берёзки по всей земле. Но не ушла Матушка Берёзушка за вечный предел, осталась охранять эти места, обходить дозором землю. Если враг придёт, она своё невидимое войско разбудит, в бой поведёт. А в мирные времена она детям добрые сны навевает, горести их в ночную тьму забирает.

Гордея легенда воодушевила. Энергично обведя рукой одну из карт, он объяснил:

— Вот она, древняя Лукогория. Представьте, что здесь и здесь было ещё два холма. Один точно существовал, но был скрыт лет триста назад во время строительства плотины возле чугунной фабрики. На месте второго лес, но на снимках с высоты прослеживается кольцевая структура, примерно соответствующая диаметрам других холмов у основания. Так что предположение вполне обоснованное.

Гордей прочертил пальцами несколько линий:

— Всего получаем шесть вершин, образующих неровный шестиугольник. А в его центр попадает Лукогорье. Итого семь холмов.

Семён заметил:

— Город на семи холмах — это Москва. А ещё Рим.

— И даже Иерусалим. Если уж город построен на холмистой местности, то в нём обязательно насчитают семь холмов. Вопрос, почему семь? Почему именно магическая семёрка кажется нам самым подходящим числом холмов для основания города? Может, потому что в каком-то прошлом времени города строились именно так?

— Теперь уже не узнать.

— Это да. Но Луковая гора с одной стороны подрезана угором. Река подмыла берег, а потом вильнула и ушла в сторону. И я бы даже не задумался о древних цивилизациях, если бы один мой приятель-геолог не посмотрел на снимок и не сказал, что слои пород горы расположены нехарактерно. Для рукотворной отсыпки вся Луковая гора — объект исполинских размеров, но мы знаем достаточно примеров таких объектов, не находящихся разумного объяснения ни по функциональному назначению, ни по технологиям строительства. И даже если гора — природная аномалия, кто-то из древних не поленился отметить её центр огромным красным камнем. Так что,

вполне возможно, вы живёте в столице забытой древней цивилизации. Или над этой столицей.

Ольга положила ладонь с растопыренными пальцами на карту и веско заявила:

— Но мы об этом болтать не будем. А то приедет какой-нибудь любопытный Гордей Алексеевич и сроем всю гору до основания.

— Это не по моей части. Но на останки княгини я бы взглянул. У вас нет никаких сказок про тайные подземные проходы? К загадочным пещерам с рисунками?

— Нет. Вот уж чего нет, того нет.

Ольга и Гордей поизводили друг друга пристальными взглядами, а потом Ольга серьёзно пообещала:

— Вы найдёте другой город, Гордей Алексеевич. И в нём будет гробница царицы. И тайные проходы. Всё сбудется, как загадано.

Гордей кивнул и с ответной усмешкой парировал:

— Хорошо бы. А карта есть?

Все рассмеялись.

Петька заметил, что сидящая в углу Рина сдержанно зевнула, прикрыв рот рукой, и чуть покраснев. Ей, наверное, тоже наскучила древняя история. Почему-то это Петьку приободрило. Но потом собравшиеся начали расходиться, и Рина тихо юркнула в дверь одной из первых.

Петька не мог уснуть. Вдруг забытый колодец на путоши — и не колодец вовсе, а проход в подземные коридоры, набитые сокровищами? Может, достаточно вытащить весь гнилой ил, чтобы проникнуть в тайны древних чертогов? А вдруг Красный камень не просто так лежит на своём месте? Может, надо свернуть его в сторону и найти под ним ступеньки в забытое царство? В сказках Глаши не упоминались пещеры, но что, если Глаша знала не всё? Вдруг лукогорское наследие ждёт своего первооткрывателя, а он ворочается на ставшей вдруг слишком

жёсткой постели в мучительных размышлениях о невозможности прокопать тайный ход в одиночестве?

Над Лукогорьем медленно зажигались звёзды, улицы и дальние закоулки погружались в сонную тишину. Петька оделся и осторожно выскользнул из дома привычным путём через окно. Сидящая на цепи Жучка проводила соседа немым укором, но вот запоздавшая курица, пробежавшая мимо забора, едва не выдала мальчишку громким кудахтаньем.

Пройдясь туда-сюда, Петька убедился, что и августовская ночь не превратила деревню в сказочную страну, полную волшебных приключений. Тащиться в ночной лес Петьке не хотелось, но он решил сделать круг почёта по околицам и тылам огородов. И почти сразу открыл страну магических взаимодействий, не требующих особых заклинаний.

У дальнего края деревни, под высоким кустом сирени стояли Толян и Динка. Они о чём-то жарко спорили, и Петьке вздумалось подкрасться к ним сбоку, чтобы напугать. Но когда он уже начал подбираться поближе, Толян вдруг быстро нагнулся и ткнулся своими губами в щёку Динки. И тут же отпрянул, остановился в нерешительности. Динка на мгновение потупилась, а потом изящно и медленно занесла свои руки на плечи Толяна, подалась к нему и привстала на цыпочки, провоцируя мальчишку на настоящий поцелуй.

Видеть это было неловко, стыдно. Петька дал задний ход и огородами выбрался на проезд за последней линией домов.

У зарослей черёмухи целовались Жорка и Валька. То он, то она выплёскивали торопливые, убегающие слова, но обрывали сами себя, отвлекаясь на короткие, но энергичные поцелуи.

Петька постоял в задумчивости и начал пробираться к центру деревни.

Мельком глянув за один из заборов, он остолбенел.

Под лунным светом, на пяточке зелёной травы целовались Гришка и Ксанка. Спустя вечность неторопливый, привычный, ленивый поцелуй оборвался. Гришка быстрым движением разлохматил волосы жены и отскочил, а затем бросился улепётывать от неё вокруг огорода. Сделав круг, он остановился, делая вид, что едва дышит. Ксанка встала чуть поодаль и провела руками по своему телу, покачав бёдрами. Гришка застонал и рухнул на колени, разведя руки в стороны. Ксанка сделала вид, что подходит, но когда Гришка нацелился схватить её, отпрыгнула и рассмеялась. А затем отошла к крыльцу, маня мужа за собой. Гришка поднялся и последовал за ней. И уже у двери пара снова поцеловалась — медленно, уверенно, наслаждаясь каждым мгновением.

Скрип двери, хлопок, отголосок мелодичного смеха — и всё стихло.

Петьку отпустило, и он побрёл прочь, чувствуя только своё гулкое и быстрое сердцебиение.

А где сейчас Рина? Спит? Читает книжку в доме Шершовки? Или стоит под каким-нибудь кустом? И с кем же? Гришка влюблён в собственную жену. Остальные лукогорские кавалеры Рину не интересуют. Остаётся Гордей?

Нет, не может быть. Рина боится эксперта. Всегда сбивается и краснеет, когда с ним говорит. Или это не страх? Может, ведьме нравится насмешливый циник? Да и он внимательнее к ней, чем к другим лукогорским девушкам...

Петька потряс головой и постарался отогнать эти неудобные мысли прочь. С чего бы ему думать о ведьме? Ему всё равно, с кем и где она стоит.

Тёмные окна в доме Шершовки Петьку успокоили, но ненадолго. А что, если Рина выбралась через второе крыльцо? Пусть даже оно давно заколочено? Поддеть па-

ру гвоздей сможет и ребёнок. А там — иди, гуляй, беги на все четыре стороны. Хоть по древней Лукогории, хоть по всему миру. Да что там — и по всему космосу!

Вернувшись домой, задумавшийся Петька едва не сорвался с окна и внёс в идеальную ночную тишину множество нехарактерных звуков. Последствия не заставили себя ждать. Едва ввалившись в комнату, Петька встретил гневный взгляд тётки, и все неудобные мысли выветрились из его головы.

Часть 6

55. Шабаш молодых

Я люблю музыку. Необычную музыку, которой ещё нет в этом мире. Она есть в воздухе, только тот великий музыкант, что её запишет, ещё не родился. Но я её слышу, и под рёв этих адских звуков я покорно отправилась на расправу. Мерзавец Горюн не задумался, как это я заготовила столько дров. И кто в этом хозяйстве рубит головы курицам. Только глупец нападёт на кикимору прямо в её доме. Я-то знаю, где у меня что. Теперь можешь горько вздохнуть. Я убила человека. Одним простым движением руки. Литераторы обещают мучительные раздумья и муки совести. Ничего похожего в себе не ощущаю.

Очередное погружение в фермерский быт превратило Петьку в вялый комочек органических веществ, с трудом осознающих себя некоей целостной сущностью. Семён делал племяннику поблажки, но Петьке казалось, что дядька попросту издевается, разрешая ему закончить работу на пятнадцать минут раньше. На просторах полей Семёном овладевала магия земли. Он не ленился завернуть за десяток километров проверить какие-то низины, откладывая возвращение домой ради того, чтобы выкорчевать едва проклюнувшийся росток борщевика, а ино-

гда задерживался и для того, чтобы полюбоваться рядами капусты. И всеми своими эмоциями Семён обязательно делился с Петькой — всего в нескольких словах, но выразительно и с тем подтекстом, что именно эти эмоции должен чувствовать племянник, пусть даже он не может пошевелиться.

Когда Ольга сжалилась и прервала эту каторгу, Петьке понадобилась пара дней, чтобы заново осмыслить себя в реальности. В результате этого осмысления он пришёл к выводу, что ночные вылазки — уже пережитая детская глупость. Ночами надо спать, а не бегать за привидениями.

Приятели Петьки взрослых выводов капитана не слушали. Толян раскопал в библиотеке дореволюционную книжку по физике с автографами сразу трёх гениев. Книжка тянула на важный экспонат Исторического музея, и Толян мучился, во-первых, угрызениями совести за воровство, во-вторых правильной мыслью отвезти найденный раритет в то место, где его оценят по достоинству. Но расстаться с книгой он категорически не мог, тем более, что изложенные в ней тезисы всё равно устарели, и он даже знал, в каком году какой гений открыл те или иные расширения научных горизонтов. Рина придумала для Толяна лазейку, что находка книги есть не что иное, как Знак свыше специально для будущего великого физика. И Толян погрузился в задачи и учебники в радостном ажиотаже, как если бы его величие уже утвердили шведские академики.

Сашок неистово зубрил глаголы и существительные. Но за его рвением пряталась идея быстрого обогащения. Мысль, что уже завтра придётся ворочать миллионами, дополнялась страхом, что наивного русского богача, не знающего языка, наверняка обведут вокруг пальца западные воротилы. В некоторой мере энтузиазм Толяна подстёгивал и Сашку, друзья будто соревновались, кто

что выучил и запомнил. Петька, выпавший из этого соревнования, чувствовал себя не у дел. А то, что он мог сходу выдать небольшую диссертацию о цветении борщевика, не засчитывалось приятелями за значимое достижение.

Петьке не хотелось учиться, ещё меньше хотелось работать, но и бесцельно бродить по деревне ему наскучило. Книги не читались, огород навевал тоску, хлопоты Ольги по хозяйству раздражали — пожалуй, в жизни Петьки столь безнадёжного времени ещё не случалось.

Необходимость сходить в магазин казалась юному мизантропу несправедливостью, но избежать этой повинности он никак не мог. Медленно и уныло собравшись, он поплёлся в сторону торговой точки. Воздух вокруг казался застывшим, но на Петьку вдруг нахлынуло чувство острой неправильности. Неправильность эта не осознавалась, но корёжила все внутренние инстинкты нарастающей тревогой.

Лишь вплотную подойдя к месту концентрации тревоги, Петька понял, в чём дело. На лавочке у магазина сидели Ксанка, Валька, Дина и Рина. Болтая ногами и смеясь, размахивая руками и хохоча, шабаш молодых ведьм перемывал кости всему миру.

Сознание Петьки отказалось воспринимать эту реальность, и ноги сами начали разворот, но тут на тропинке показалась Шершовка. Постукивая клюкой, старуха направилась в сторону любимого места посиделок. Не дойдя нескольких метров до занятой лавочки, она остановилась и окаменела, не в силах поверить своим глазам.

Рина радостно поздоровалась:

— Приветик, Егоровна! Проснулась? Смотри, какой день хороший!

Ошеломлённая бабка едва вымолвила:

— Этто штто ттакое?

Рина заёрзала, расталкивая девушек по сторонам, но потом встала, решив, что на освободившийся пятак не влезет даже ребёнок.

— Садись, посиди с нами.

Петька подумал, что сейчас в дерзких хватчиц лавочки ударит молния. Но нет, Шершовка постояла, поморщилась, а потом доковыляла до лавочки и села, тихо проворчав:

— Ишь, резвые какие. Пришли и в президиуме расселись. До седых волос дорастите сначала, вертихвостки.

— Да мы недолго, посплетничаем и разбежимся.

— О ком сплетни?

— О пьянице.

— Фу.

Нисколько не смутившись гримасой Шершовой, Рина выложила:

— Жуков свой сарай разгромил. И даже поджечь его пытался, да Колька занявшийся угол вовремя песком с дороги закидал. А вот червякам из ящика повезло — пьяница всю землю вместе с ними в огород выкинул. Сказал, что не нужна ему эта погань. Гошка жалеет — теперь ему негде червей набирать без лишних забот. Придётся под дождём ползать, искать скользких тварей. Он пытался тех, что Жуков выпустил, собрать, да наткнулся на червя чуть ли не в локоть длиной, призадумался. На такого монстра хорошо акулу ловить. А нормальные караси разбегутся в ужасе.

Анна Егоровна мечтательно припомнила:

— В былые времена мы на таких выползков лещей по пять кило ловили.

Рина вроде бы наивно поинтересовалась:

— Так Облепиховка, наверное, в два раза глубже и в три раза шире была?

— Может, и была.

Валька чуть ехидно спросила у Рины:

— Как же это ты с Гошкой разговоришься?

— Обыкновенно. Села рядом и сказала «привет».

— Гошка так парализованным и сидит?

Рина усмехнулась и парировала:

— Нет, что ты. Мне показалось, он, наоборот, приободрился.

Ксанка заметила:

— А ведь кто-то червей собирал, чтобы в ящик выпустить. Вряд ли сам Жуков на такую маету сподобился.

— Я вообще не понимаю, зачем эта маета нужна. Вон, у Егоровны в огороде под досками полно этих тварей. А маленьких червячков курицы отлично выкапывают. Будто знают, где они засели.

— Представь, ты завтра на рыбалку собралась. И что, по огороду с курицей на поводке пойдёшь, червяков у неё отнимать будешь? Умаешься так, что и рыбы не захочешь.

Валька снова вернула обсуждение к диалогу ведьмы и отшельника:

— Ты с Гошкой только проблемы червей обсуждала?

— По большей части — да. Но он ещё сказал, что Колька пытался с матерью Нинки поговорить. Пришёл к ней в гости, фотографии принёс. Ольга его к этому подтолкнула, да только ничего не вышло. Не захотела Галина с ним разговаривать, даже на порог не пустила. Но Кольку всё равно отпустило. Что мог — сделал, да и для себя точку в этой истории поставил.

Шершовка сердито возразила:

— Пока убийца по нашим улицам гуляет, никто из нас точки не поставит.

— И что же нам делать? Самим убийцу ловить?

— Да хоть бы и поймать.

Рина хихикнула и предложила:

— Начинай, Егоровна. А мы тебя поддержим, тылы прикроем.

Тонкие и блёклые губы старухи растянулись в змеиную улыбку, но она ничего не ответила.

Через минуту с другой стороны улицы раздался раздражённый возглас Глебовны:

— Нет, вы гляньте, что творится!

Подойдя поближе и оглядев девушек, старуха скомандовала:

— А ну-ка, болтушки, брысь отсюда!

Стайка молодых ведьмочек послушно снялась с лавочки и помчалась по своим делам. Устроившись на лавочке, Глебовна принялась ворчать:

— Ишь, удумали, поскакушки.

Шершовка встряхнулась и проскрипела:

— Ээх, Ульянка. А помнишь, как старая Фёкла-свёкла нас гоняла? Всё ворчала, что покоя ей от нас нет. И пророчила, что настанет то будущее, в котором настигнет нас месть внуков. Вот будущее и пришло. Дожили мы с тобой до радостного момента свою месть напорочить.

После этого утверждения обе старухи почему-то устали на Петьку. Смутившись, он развернулся и скрылся в узком проходе к соседней улочке.

Будущее... На будущий год надо будет построить водяную мельницу... Нет, не будет мельницы. Будет совсем другая, новая жизнь. Скорее бы.

56. Ведьма в луже

*Тычиха не подпустила бы меня близко.
Что мне оставалось делать? Я взорвала
кухню. Да, я нарушила слово.
Я кашеварила с адскими смесями. Но я
больше не буду, клянусь.
В моей чёрной кухне за чёрным столом
сидит чёрная женщина с чёрным
револьвером. Акулинка её не боится,
и была бы у меня фотокамера, она бы,
наверное, рядом снялась. И всем бы потом
показывала, как страшно получилось.
А вот Белолица всё ещё визжит.*

Вечер тянулся и выгибал стрелки часов, но никак не хотел перетекать в ночь. Степан читал книгу, Ольга ковыряла иглой какую-то рванину. Петька томился скукой и тишиной, но не решался улизнуть к себе. Хлопок входной двери показался ему торжественным ударом литавр, но последовавшая пауза озадачила. Наконец, открылась и внутренняя дверь. Шершовка тяжело привалилась к притолоке, подтащила к себе клюку, сделала несколько мелких вдохов-выдохов и спросила:

— Непоседу не видели?

Ольга вытерла руки, покачала головой и спокойно предположила:

— Может, до Белого озера решила прогуляться?

— Она бы сказала. Она всегда говорит, куда пойдёт.

Степан поднялся, энергично потянулся и подошёл к старухе, чтобы перевести её через порог:

— Ты, Анна Егоровна, посиди, с Олей словечком перемолвись. А я по деревне пройду. Застряла твоя непо-

седа у кого-нибудь в гостях, заболталась, про время и забыла. Сейчас отыщем.

Егоровна вздохнула и проковыляла к табуретке. Но Ольга быстро перенаправила её к мягкому стулу с высокой спинкой:

— Ты за хлопотами поужинать не забыла? Давай разогрею, сил наберёшься, а то на голодный желудок вредно волноваться.

Старуха пробурчала что-то неразборчивое, и Ольга истолковала это как согласие, начав привычно сновать между столом и кухней. Егоровна нехотя взялась за вилку и принялась мять отварную картошку. Картошка быстро превратилась в пюре, но Шершовка продолжала елозить по ней вилкой, глядя куда-то сквозь стену.

Петька собрался уйти к себе, но тут вбежал Гришка с коротким:

— Не нашлась?

Ольга не успела ничего сказать, как он исчез. Минут через пять появилась Ксанка, завёрнутая в толстый плед:

— Тревожно мне что-то. Повечерую с вами.

— Садись. Есть хочешь?

— Да какое там. Степан и Тихоном пустошь уже обошли. Жорка с Борисом к речке убежали. Михалыч дальние сараи проверяет. Но по всему выходит, что по дороге и в лес надо идти. Ринка любила за полем под старыми берёзами посидеть. Может, отошла чуток да заплутала. Сами знаете, лес ночью меняется, дневных троп не разглядеть.

— А Жуков где?

— Валяется в огороде.

Взгляд тётки остановился на племяннике, и Ольга строго скомандовала:

— А ну-ка, приключенец, быстро в кровать! Носом в стенку! И спать, пока завтракать не позовут!

Всю сонливость с Петьки как рукой сняло, но он по-

слушно ушёл в свою комнату. Пометавшись в четырёх стенах, он вытащил из-под кровати мешок со старыми игрушками, пристроил его на подушку условным носом к стенке, закрыл одеялом, выждал минут десять и осторожно выпрыгнул в окно.

Вопреки словам Ксанки дорогу было отлично видно. И слышно, поскольку ушедшие раньше мужчины активно перекликались и создавали полосу шума где-то впереди Петьки. Ускорившись, он на одном дыхании промчался мимо поля и берёз, а углубившись в лес настолько, что просвет сзади сомкнулся, задумался, в какую сторону двигаться. Голоса раздавались и слева, и справа, и впереди. Петька выделял в этом хоре громкий и отчётливый крик Степана, но остальные возгласы сливались в общий шум, который мешал ему сориентироваться.

Голоса постепенно отдалились и разбрелись. Петька отлично знал, где находится, но налетевший неведь от куда холодный ветерок нагнал вроде и небольшую, но тёмную тучку, зависшую аккурат над Петькой. Вмиг стало совсем темно, и оттого тревожно. Шум раскачавшихся деревьев подталкивал поскорее вернуться в уютный мир электрических лампочек и тёплых одеял.

Под ногами Петьки проснулась крохотная светлая икорка. Взлетев, она покружилась на месте и плавно заскользила между стволов. Неведомое существо торопилось явить свою экзотическую ночную красоту. Через несколько мгновений к нему присоединилось ещё несколько сияющих точек. Петьку заморозило это неожиданное явление. Он сделал несколько шагов к волшебному хороводу, но существа разом исчезли.

Тучка чуть отползла, за стволами мелькнула тень.

Ведьма бежала вдоль просеки, легко перепрыгивая через корни деревьев.

Петька бросился наискосок вперёд, надеясь выбежать

впереди. Но тут же понял, что не успеет, Рина мчалась быстрее. Когда Петька выбрался на край лабиринта стволов, Рина уже начала спускаться к ельнику.

Где впереди, в самой непролазной чаще колючих стволов раздался громкий треск, будто что большое лопило сквозь сухие ветки. Рина затормозила, попыталась всмотреться в черноту впереди и попала в ловушку глинистой колеи, наполовину заполненной водой. Поскользнувшись, она несколько секунд отчаянно пыталась устоять, но физика оказалась не на её стороне. Короткий «ой!» — и ведьма свалилась в лужу, взметнув изрядное количество брызг.

На просеку выбралось туманное белесое пятно.

Скорее прочь! Прочь из леса! Надо бежать!

Но Петька не мог пошевелиться. Не мог хотя бы закричать.

Пятно издало протяжный «Бууух!», приблизилось и превратилось в... Поруню. Дурак протопал по заросшей тропинке, наклонился, схватил обеими лапищами ведьму, перекинул её через плечо и свернул в заросли мелких осин. До Петьки донёлся жалостливый писк, но его заглушил шум, издаваемый проламывающимся через лес дураком.

Петька замер в нерешительности, а через пару секунд по его позвоночнику сползла холодная змейка уже не страха, а ужаса.

Где-то совсем рядом, на другой стороне просеки кто-то неизвестный несколько раз тяжело вздохнул и сквозь зубы приглушённо выругался.

Не привидение. Живой человек.

Мужчина, от которого убегала ведьма.

Убийца...

Все мышцы Петьки затекли, и ему стало казаться, что он превратился в деревянного человечка. Неизвестный

отдышался и неторопливо ушёл, бросив в воздух ещё несколько нецензурных ругательств. Нужно было выбирать, нужно было звать людей, а Петьку сковывали волны нестерпимой игольчатой боли.

Когда он смог сделать хотя бы шаг, мир накрыло уже не тёмным облачком, а целой тучей. Сгустившаяся тьма утягивала Петьку в сторону, сбивала с пути, пугала тихими звуками, заставляя снова и снова замирать в страхе.

Впереди вспыхнули светлые точки. Выстроившись в цепочку, живые сияющие крошки указывали Петьке путь. Куда? К людям? Или в тёмную чашу, где он окончательно заплутает? Выбора не было, и мальчишка бросился за огоньками.

57. Прятки-догонялки

Душегубы упокоились рядом, в одном болоте, в окружении младенцев и зверушек. Усмешка дьявола, как сказал бы Лоэль. А вот наш местный мыслитель Фрол сказал, что надо поправить плотину и сделать мост с поручнями над ней. Истинный маг. Хочет изменить мир — и меняет его. Без лишней философии. Последую, пожалуй, его примеру. Пора выбираться из трясины.

Петька не осознавал, куда бежит, поэтому и обрадовался, и испугался, когда внезапно оказался в кольце лукогорских мужчин. Горло свело спазмом, но Петька смог выпалить:

— Там! Поруня! — Ответный хор голосов слился в одно неразборчивое гудение, и мальчишка попытался пояснить. — Там! Рина!

Семён встряхнул племянника:

— Где там?

— Нна... нна... пппо... ппро...

— На просеке?

Петька закивал. А отдышавшись, обнаружил, что шагает обратно к просеке в компании Гришки. Чуть сзади семенил измученный Венька, а где-то неподалёку аукались Семён и другие деревенские мужчины.

Выбравшись на просеку, Семён призывно и громко позвал:

— Ау! Рина! Ри-на! Ау! Ээээй!

Лес ответил настороженной тишиной. Маленькие зверушки затаились по своим убежищам, опасаясь неурочного нашествия сапиенсов.

— Так, мужики. Идём к озеру. Цепью, но короткой. Из вида не пропадаем, не отходим. Держимся нешироко, чтобы быстро собраться. Кричать будем мы с Гришкой, пока глотки не посадим. А там других крикунов назначим. Уйти далеко Поруня не мог. Будем надеяться, Рина сможет ответить.

— Ау! Рина!

Компания сравнительно быстро добралась до озера. Удивительно, но теперь Петька легко различал, где находится. Лес казался относительно светлым и безопасным, спокойным.

На очередной дружный крик Семёна и Гриши донёсся приглушённый рёв:

— ЫЫЫЫ!

Михалыч размашисто перекрестился, скороговоркой пробормотав:

— Спаси, Господи.

Венька истошно заорал в темноту:

— Поруша! Я здесь! Иди сюда! Иди ко мне! Я жду!
После отчаянной паузы ветерок принёс несколько женских криков на грани слышимости:

— Ау! Ау!

Семён вытянул руку вперёд:

— Туда! К тропе на Подолье!

И группа ринулась вытаптывать сонный лес.

Крики стали ближе, отчётливее, а на одной из земляничных полян состоялась и встреча искателей с дураком и ведьмой.

Рина вела Поруню за руку, время от времени выкрикивая своё «Ау!» и спокойно приговаривая:

— Избаловался ты, Поруний Иванович, сверх всякой меры. Привык, что Венька за тебя всё делает, даже думает. А мог бы помочь ему. Еду сготовить, за огородом посмотреть, да хоть бы и куриц покормить. Сколько можно дураком притворяться? Удобно это, никто не спорит, да только и разговаривать с тобой, дураком, никто не хочет.

— Ыы, ыы, ы.

— Вот именно. И что поделать, если Глаша никаких указаний о тебе не оставила. Какими заговорами она ум твой в силе держала, нам неизвестно. Хочешь, не хочешь, а надо тебе довериться тем умникам, что по энциклопедиям учились. А если бы ты им время дал, да со своей стороны помог, гладишь, и академиком стал бы.

— Ыы. Ыыыыы.

— Да, и никак иначе.

Увидев идущих навстречу мужчин, Поруня сделал попытку улепетнуть в сторону. Рина упёрлась обеими ногами, но тщетно. К Поруне подбежал Венька и перехватил свободную руку идиота, которая, казалось, болталась отдельно от тела. Стиснув лапу племяша обеими руками, он ласково успокоил:

— Тихо-тихо, Поруша. Я здесь. Пойдём домой. Поку-

шаешь, поспишь, в котика поиграешь...

Поруня послушно замер. Рина осторожно освободилась от его хватки и растёрла руку. Сердитая боль пробежала по нервам и вытекла на бледные щёки несколькими крупными слезинками. Но вслед словам Веньки ведьма пообещала:

— Не бойся, Поруня. Всё хорошо. Я приду к тебе. И принесу конфет.

Обведя взглядом группу искателей, Рина смущённо объяснила:

— Я испугалась. Не знаю, почему. Обычно я не боюсь темноты, я без проблем ориентируюсь в лесу, да и ближние окрестности Лукогорья я хорошо изучила. Я вышла пройтись до околицы, постояла за полем у берёз, а потом вдруг холодом повеяло. Будто позёмка по ногам хлестнула. И показалось, что кто-то на меня смотрит. Недобро смотрит и таится, чтобы я его не увидела.

Михалыч оглянулся, брови Семёна сошлись у переносицы, Гришка горестно вздохнул. Но ведьма продолжила:

— Я бы посмотрела. Но Гордей сказал, что нельзя оглядываться, нельзя медлить, надо бежать. Я вспомнила об этом и убежала. В темноте круг сделала, к началу просеки вернулась, на ней светлее, поэтому туда и свернула. Споткнулась, упала, и тут Поруня появился.

Встряхнув рукой, Рина закончила рассказ:

— Думаю, Поруня знал, что за моей спиной кто-то есть. Только он не стал бы вмешиваться, если бы я не упала. Но раз уж я завалилась, он схватил меня, чтобы потом принести к Веньке. Как больного зверька.

— Ыыыы.

— Да, Поруня. Ты молодец. Спасибо.

Семён вспомнил о роли полководца и скомандовал:

— Михалыч, а ну-ка, разоблачайся. Дай рубаху. У кого ещё одежда приличная? Скидывайте.

Мужики беспрекословно послушались, и Семён на-
кинул несколько слоёв рубах и курток на ведьму:

— Ты совсем замёрзла. Завернись в сухое.

Рина смущённо пролепетала:

— Я... испачкалась...

— Нашла, кого землёй испугать. Мы крестьяне.

Поруня несколько раз дёрнул подол своей грубой
одежи, и Петька, набравшись храбрости, тихо заметил:

— А у дурака рубаха светится.

Венька равнодушно подтвердил:

— Это краска специальная. Чтобы Порушу в темноте
видно было.

Раскрытый фокус всегда кажется глупым, и Петька
мгновенно разозлился. Как он мог так нелепо ошибаться?

— Поруня — привидение?

Гришка кивнул:

— Да.

Рита покачала головой:

— Нет.

Семён подхватил девчонку на руки и размеренно за-
шагал в сторону деревни. Поруня шумно вздохнул и по-
корно поплёлся рядом с Венькой. За ними тронулся
Гришка, а затем и вся компания растянулась в отдельные
шагающие столбики. Кто-то из взрослых подтолкнул за-
мешкавшегося подростка, и Петька почувствовал невер-
оятную усталость. Мысль о том, что придётся преодо-
леть ещё и путь до дома, вызвала покалывание во всех
конечностях.

Белые берёзы на опушке тихо качали ветками, убаю-
кивая ночной ветерок.

Из-под берёз за уходящими людьми наблюдала стат-
ная женщина. Она была бы совсем неразличима, но свет
звёзд запутывался в подвижном облаке, которое окуты-
вало женщину туманным покрывалом. Тёмная пелена

и крохотные светящиеся точки выдавали присутствие таинственного существа, но не позволяли рассмотреть его подробно.

Сначала Петьке привиделись искусная кольчуга и высокий шлем, а через мгновение он уже был уверен, что это узорный сарафан и кокошник, расшитый жемчугом, а затем вместо рукодельной красоты в его восприятии расцвели тонкие переливы прозрачной ткани, для которой в его языке не было названия.

Возводились и сгорали крепостные стены, строились и рушились алтари, поднимались и падали города, короновались и свергались правители, радовались и плакали смертные, а мудрая богиня всё стояла и смотрела на ночную процессию, которую почтила своим присутствием. Когда взгляд серебристых глаз богини обратился на Петьку, его пронзило счастьем и болью сопричастности к величию этой земли, этого мира, этого космоса.

Но когда он смог вздохнуть, видение исчезло.

Дряхлые берёзы нехотя болтали повисшими ветками, из леса тянуло прелым запахом осени, и в свете звёзд стало отчётливо видно мятую упаковку от чипсов, валяющуюся под старыми деревьями.

58. Престольный праздник

*Красные капли тревожат натянутую
белую плёнку в кружке, потом немного
расплываются и тонут. Кровь с молоком.
Красиво.*

*Не пошли мне впрок твои наставления.
Кулачный бой проиграла, ещё и удар
санками по голове схлопотала.*

Только не ругайся. Всё уже позади. Мы дома. Лашка в порядке. Я покормлю её и лягу спать. А утром прилетит северный ветер. И твой лёгкий поцелуй охладит мой лоб. И выпадет снег. И закроет всю кровь.

Брежу. Горячка, что ли?

Вопреки опасениям Петьки возвращать его на поля Семён и Ольга не стали. Но лучше бы они это сделали. Петька был бы рад любоваться капустой, а в войне с борщевиком он совершал бы невероятные подвиги с утра до поздней ночи.

Казнь, придуманная тёткой, сломала решительного капитана за пару часов. Перебрав первую порцию гречки, Петька подсчитал, что на переборку всего мешка потребуется примерно половина его жизни. И сбежать от этой средневековой пытки не было никакой возможности. Каждая собака в Лукогорье знала, что гоняться за Петькой разрешено и даже рекомендовано. И к вечеру он готов был вымаливать прощение только что не на коленях. Вероятно, Ольга промучила бы племянника до самого отъезда, но его выручил календарь, в котором ближайшее воскресенье было обведено жирным красным фломастером.

Престольный праздник в Сидаково случался каждый год. Стояла ли церковь под куполами или работала складом, воевала ли страна или запускала человека в космос, висели ли на площади красные флаги или надувные шары — праздник случался. Хотя Петька не понимал, какой такой престол обеспечивает сотням гостей застолье, песни, танцы и все прочие радости гульбы до беспамятства.

Лукогорцы о собственном престольном празднике как-то быстро забыли. Но самым естественным образом восприняли праздник соседей как свой собственный. Теперь уже пропустить это торжество считалось неприличным. Отсутствие требовало серьёзных оснований вроде клинической смерти или командировки на соседнюю планету.

В детстве Петька был уверен, что престольный праздник — специальный летний новый год. Но по мере того, как ему дарили всё меньше конфет, очарование праздника меркло. А сегодня прилизанный Петька и вовсе чувствовал себя не в своей тарелке. Во-первых, в автобусе его усадили рядом с Шершовой, и запах её резких духов впитался в каждую складку его и без того неудобной рубашки. Во-вторых, оказалось, что Ильинишна не поехала на праздник, и Сашок остался с ней. В-третьих, Петька не мог найти ни Ринки, ни Масловых, ни Толяна. Зато Женька и Мышка изображали его свиту, что явно отпугивало других мальчишек, с которыми Петька мог бы переброситься парой слов. И маленькие гидры создавали плотный шумовой экран, из-за которого до Петьки долетали лишь отдельные обрывки звуков.

Прикинув, что толпа, занявшая всю центральную площадь Сидаково, вряд ли вместится в церковь, Петька сильно ошибся. Толпа легко разместилась внутри, и осталось ещё достаточно пустого пространства.

У батюшки Иоанна обнаружилось человек пять помощников в красивых облачениях. Да и сам батюшка предстал перед изумлёнными прихожанами в торжественном наряде, достойном самого патриарха.

Петька, как и большинство присутствующих, не понимал ни смысла службы, ни слов молитв. Однако действие казалось ему красочным спектаклем, который не обязательно воспринимать с точки зрения смысла. Запах ладана смешивался с духами, и от этого сочетания

легко кружилась голова. А потом вдруг запел неизвестно откуда взявшийся хор, и Петька едва не расплакался.

Чистые звуки терзали душу, причиняя невыносимую боль отрыва от привычных земных представлений. Что-то непостижимое наполняло изнутри силой, которая и пугала, и звала куда-то далеко.

Хор смолк. Тишина расползлась по углам.

И в этой благоговейной тишине, в этом величии раздался шамкающий, мерзкий, хриплый голос Шершовки:

— Господи, спаси! И что ж ты, чёрт бесстыжий, в церковь-то явился. Ведь метит Господь шельму. А убийцу и подавно. Глянь, течёт по щеке кровь, а ты и встал баринном. Сотри кровь с лица, аспид окаянный! Утрись хоть рукавом, не позорься!

Старуха ткнула выставленным указательным пальцем в толпу. Один из мужчин быстро провёл рукой по щеке, затем вытер пот со лба тыльной стороной кисти. Внимательно посмотрев на руку, он последовал совету старухи и обтёр лицо рукавом пиджака.

Люди замерли, и на несколько мгновений время застыло тягучей неподвижной массой. Потом толпа резко раздалась, оставляя злодея в центре круга. Чей-то страдающе-возмущённый голос наполнил церковь:

— Ах ты, сволочь...

Через несколько секунд Мотя оказался лежащим на церковном дворе. И бабы в платках принялись остервенело топтать выдавшего себя убийцу.

— А-а-а! — прорвался откуда-то снизу крик Мотьки. Но тут же оборвался под дружными ударами ног.

Толпу резко раздвинули Семён и Тихон, за которыми просочилось несколько ментов. Несколько окриков привели в чувство рассерженных фурий. Подняв окровавленного Мотю, менты потащили его к воротам, за которыми стоял милицейский «уазик».

Петька оказался во втором круге людей, среди потрясённых наблюдателей. Толпа долго стояла молча, но постепенно оттаяла, зашелестела, а потом и загудела обсуждением случившегося.

Задумавшийся Петька вздрогнул, когда рядом заговорила Женька:

— Как же это ведьма такое событие пропустила? Везде поспела, а на праздник не соизволила прибыть.

С другой стороны от Петьки обнаружился Толян с объяснением:

— Кашею мозги заплело, он перелаялся со всеми, на родных только что не бросался. Наталья попросила Ринку помочь. Ей самой его не утихомирить. А Ринка с ним заговорила, он и успокоился.

Женька пожала плечами и со смешком заметила:

— Ну не дура ли Ринка, возвращаться туда, откуда выгнали.

Толян снисходительно усмехнулся и выдал:

— Ну не дура ли ты, судить о том, в чём ничего не понимаешь.

Вспыхнув, Женька быстро отошла.

Толян окликнул Динку и Мышку, девчонки уверенно прицепились к нему с двух сторон, троица влилась в массу людей и вместе с ней направилась к столам.

А Петька решил, что в следующее приключение отправится в гордом одиночестве. Не нужны ему попутчики. Ему вообще никто не нужен.

59. Представь себе

*Не молчи. Пошевелись. И дай я тебя
потрогаю.
Ты меня спасаешь? Приятный сон. Буду
смотреть.
Я так красива в короне из бинтов?
Зима, знаешь ли. Погода не располагает
к загару.
А деревенский консилиум куда делся?
Нет, не болит. Но всё такое яркое.
Похоже, в запасах Полтушки нашлись
чудодейственные порошки посильнее мела.
Это моя девочка. Лашка.
Я не готова написать толстый роман
прямо сейчас.
Зачем меня искать? Я давно вернулась.
Спросил бы у Вулкана.
Я просила его прислать отряд чекистов.
Срочно. Он прислал тебя. Сейчас. С чего
ты взял, что он разумно реагирует
на телепатические сигналы?
Хорошо. Я хорошо живу.
Согласна. Масса неурядиц. Впрягайся. Ты
сможешь покормить куриц?*

С берёзы у крыльца дома слетел жёлтый листик. Подняв голову, Петька обнаружил, что целая ветка старого дерева разом пожелтела, выделилась среди ещё зелёных сестёр яркой одежкой. «Вот и осень», — мелькнуло в голове. И сразу примчалась следующая мысль: «Нет, как же так, слишком быстро, должно быть ещё много времени».

Бесцельно слоняться по деревне Петьке давно надое-
ло, его тянуло в город, к большим домам и шумным ули-
цам. Но мысль о том, что осталось лишь несколько дней
бесцельности, отчего-то казалась неприятной.

Ноги сами принесли Петьку к дому Шершовки. Ему
хотелось постучаться и войти, но не было никакого пово-
да это сделать. А когда у дома резко затормозила незнако-
мая машина, Петьку и вовсе отнесло за угол дома.

Молодой человек в свободно болтающихся штанах
и простой белой футболке выскочил из машины, и почти
одновременно из дома выскочила Рина, без всяких при-
ветствий выкрикнув:

— Ой, ты не представляешь, что тут было!

— Я наслышан.

— Почему не приехал?

— Работал.

— Чаю выпьешь? Заходи, не стоять же во дворе.

— Я тороплюсь. Заскочил на минутку, тебя повидать.

— О! Так я, наверное, возгоржусь.

Рина и гость церемонно пожали друг другу руки, что
не вязалось с фамильярным тоном их беседы. А Петька
вдруг признал в приезжем Гордея Алексеевича. Хотя
в этом обличье никакое отчество к эксперту не цепля-
лось. Этот улыбающийся молодой мужчина просто
не мог быть тем самым Гордеем Алексеевичем, что ругал
Петьку за подслушивание. Но Петька всё же отодвинулся
от угла. На пару сантиметров.

— Внучок Севера не поленился самолично прилететь,
нестыковки кое-как замазать. Но историю эту Матушка
Берёзушка тебе рассказала. Тебе и точку ставить.

— Давай, поставлю. Надо где-то расписаться?

— Представь себе прошлое. Старое Лукогорье. Ста-
рые дороги, старые дома, старые нравы...

— Всё, как сейчас. Представила.

— Представь себе терем. Болото. Трудный быт. Бед-

ность. — Гордей чуть понизил голос. — Две женщины заперты в ловушку времени и обстоятельств. Холодно. День короток. Солнца нет. Дни похожи один на другой. И впереди только черед таких же дней. Снег отрезает терем от цивилизации. Да и цивилизация эта — дремучая и неграмотная деревня.

Ведьма сдержанно кивнула.

— Теперь представь себя каждой из двух женщин. Одна сильная, другая зависит от неё во всём. Одна справляется с хозяйством, другая ничего не умеет. Одна хранит счастливые воспоминания о взаимной любви, другая брошена беременной. Одна ласково возится с ребёнком, а другую накрывает послеродовая депрессия.

Вокруг вдруг стало тише, будто всё Лукогорье разом решило прислушаться к эксперту.

— Обе женщины мечтают выбраться из родной глуши. Но одна знает, что не пропадёт. У неё есть друзья, она пишет на нескольких языках и разбирается в химии. Она не останется без дела и без хлеба. Другая понимает, что в новом мироустройстве ей нет места.

Рина холодно возразила:

— Беременность и роды — не время демонстрации приспособленности к жизни. Александра не была так уж беспомощна, и я не сомневаюсь, что она нашла бы себе место в любом мироустройстве. То, что она не писала тех умных писем, ещё не доказывает, что она была так уж глупа. Если бы она действительно была дурочкой, титаны раскусили бы её после трёх фраз.

— Подожди спорить. Представь, что ты раздражена, что в тебе бушуют чувства, и ты выплёскиваешь их в упрёках, оговорках, обвинениях. Но кричать бесполезно. Тебе не ответят. Ты не услышишь ни звука. Ты получишь лишь холодный острый взгляд, который смешает тебя с мусором. Раз за разом ты видишь этот и надменный, и снисходительный взгляд. И ничего не можешь

с этим поделаться. Раз за разом. И ещё раз за разом...

Серебристые глаза вспыхнули холодными искорками.

Гордей выпрямился, и его медленные вопросы будто пробуждали зарево, встающее над лесом, над деревней и над всем миром:

- Кто нанёс первый удар? Кто отбивался?
- Кто убегал? Кто догонял?
- Кто хотел убить? Кто не чаял выжить?
- Кто выиграл?.. Кто остался в лесу?..

В идеальную тишину постепенно врезалась обычные звуки. Зажужжал жучок. Запрыгал кузнечик. Упал сухой листок.

Рина сморщила носик и парировала:

- Взгляды, конкуренция, стычка. Мужской подход.

Огорошенный Гордей недоумённо уставился на девочку, и она свысока обронила:

- Это были женщины. Две матери одного ребёнка.
- Они не поделили ребёнка??

— Лекса действовала исподтишка. Собрала вещи, и рано-поутру, пока измотанная Настя спала, завернула ребёнка и тайком, по безлюдной тропе ушла к большой дороге. Она ушла. Но по сути дела она убегала. Она всегда убегала от ответственности.

Гордей с торопливостью ученика, вдруг вспомнившего нужную страницу из учебника, вставил:

- Собаки. Мелкие бесы Яроша. Они залаяли...
- Настя поняла, что Лекса забрала малышку...
- И помчалась вдогонку в лес...

— Представь себе этот лес. Зимняя серость. Неподвижные деревья. Запорошенная дорожка. Санки с ребёнком в одеяле. Ты раздражен, в тебе бушуют чувства, ты отчаянно хотел бы выплеснуть их упрёках и обвинениях. Но мучить искалеченное горло бесполезно. Ты издашь лишь несколько сдавленных звуков. И тебя смешает с му-

сором горделивый взгляд, в котором будет невыносимая насмешка над твоей беспомощностью...

Холодный ветер бросил в лицо Петьки несколько снежинок.

Рина неторопливо продолжила:

— Настя не могла умолять, требовать, уговаривать. Она пыталась объяснить жестами, знаками. Потом в отчаянии вцепилась в Лексу, не давая той сделать хотя бы шаг. Лекса отпихнула её. Но Настя не сдавалась. Снова и снова она пыталась остановить княжну. А та снова и снова отталкивала её.

Гордей с горечью констатировал:

— Одна хотела уйти. Другая не могла её отпустить.

— У Лексы был опыт драк в пансионе. Несомненно, это она нанесла первый удар. А вот Настя вряд ли была готова к серьёзной стычке.

— И всё же Настя выиграла?

— Нет. Была ведь и третья женщина. Незаметная прачка, которую презирали и третировали в деревне. Она тоже исчезла. И о ней вообще никто не вспомнил бы, если бы не настойчивость её сына. Акулина была дочерью злой Тычихи. И у неё были свои счёты с убитым Никитой. Полагаю, именно она подсказала лиходею, где и когда можно повстречать ненавистного ей комсомольца.

Ошеломлённо помолчав, Гордей уточнил:

— А Гаврилу тоже она подставила?

— Вероятно. Но у этой подставы был другой мотив. Лукогорье было бедным колхозом, но относительно сытой деревней. Сытость проистекала из запасов зерна и муки, которые в наше время называли бы неучтённой. А Гаврила вёл дневник наблюдений за деревней. Он увидел то, что не должен был увидеть, хотя вряд ли понял сразу, насколько это важно. И его подвели под встречу с убийцей, чтобы лукогорские дети не голодали.

— Жестоко.

— Неужели? Разве Гаврилу остановила бы мысль о смертях от истощения и инфекций? Разумеется, он дошёл бы на укрывателей. Не задумываясь о последствиях.

— Но ведь после его убийства деревню наводнили чекисты.

— Чекисты были нацелены на Горюнова. Они искали конкретный контрреволюционный элемент и отчитались о его успешной ликвидации. Всё, никакого зерна. Только всесторонняя помощь Фрола Шершова властям, в результате которой главный укрыватель стал председателем колхоза и самым идейно правильным тружеником сельского хозяйства во всём районе.

— Лес чудес, да и только.

— Простой расчёт. Не можешь бороться — возглавь то, с чем борешься. Вряд ли Фрол сам до этого додумался. Но мы знаем, кто мог ему подсказать.

— Вернёмся к Акулине. Что же произошло?

— Акулина пришла к терему. По каким-то своим делам или в надежде на завтрак. А свежие следы по снегу вели в лес.

— То есть в конечном итоге всё оказалось ровно так, как и казалось на первый взгляд. На глухой лесной тропинке заносчивая княжна повстречала обиженную крестьянку.

— Акулина увидела, как Лекса бьёт Настю. У жертв чужой жестокости такие зрелища могут провоцировать мощную ответную реакцию ярости. Добавь сюда, что княжна не снисходила до общения с прачкой, в то время как Настя её подкармливала. Да и в мыслях прачки сидели все эти «до основания разрушим». В ход пошла первая попавшаяся под руку тяжёлая ветка. А я думаю, что Акулина была тихой, но никак не слабой.

— Что дальше?

— Акулина помогла Насте с ребёнком вернуться в те-

рем, а потом ушла в деревню — позвать знахарку на помощь. В сказках Настя упоминает целительницу-травницу, у неё наверняка был прототип.

— И почему же княжна осталась в лесу?

— Настя дала шанс своей спасительнице. Матерью Петра Борисовича значится Александра Владимировна, до замужества — Лукова.

— Ух ты...

— Лекса наверняка забрала и документы, и всё мало-мальски ценное, что могла унести. Акулина не думала об этом, когда набросилась на Лексу. Не думала, пока добиралась до деревни. Но когда она вернулась в лес за мешком княжны, она оказалась на дороге в новую жизнь.

— И она ушла.

— Сказка про Ивушку. Девушка Ивушка шагнула на тропу забвения. И тропа увела её в город шпилей.

— Точно...

— Возможно, Север присматривал за ней издалека. Но Акулина хранила чужой секрет и без этого.

— То, что Глаша — дочь Александры?

— Да. Можно было после войны рассказывать второй приёмной дочери, что её знаменитая мать погибла в бомбёжке. Это было всем понятно. Но как объяснить ребёнку гибель княжны, ещё и настаивая, что об этом нельзя никому рассказывать?

— А как же деревенские бабы?

— К моменту предвоенного возвращения Насти никто уже не помнил о младенце. Да и война зачеркнула все былые разборки.

— Младший Север знает правду?

— Думаю, да, но мы об этом не узнаем. А остальным правда не нужна. Настя по праву стала единственной лукогорской ведьмой, Александру записали в несчастные жертвы заезжего разбойника. Воспоминания стёрлись,

и осталась только сказка о двух разлучённых сестрицах. — Рина помолчала и тихо добавила. — Хотя сёстрами они никогда не были. Ни по крови, ни по жизни.

Гордей усмехнулся:

— Для сказки это не имеет значения. Но я был прав. Ты поставила точку в этой запутанной истории.

— В которой ты был главным рассказчиком.

Помедлив, эксперт уже без всякой иронии заявил:

— Однажды тебя подхватит волной событий, и выбросит в ключевой точке. А потом в другой, и третьей... Хочешь ты того или нет, будешь ты барахтаться, сопротивляясь, или покорно поплывешь по течению — не имеет значения. От твоего слова, от твоего жеста, от твоего решения будет зависеть мир...

Повисла долгая пауза. Рина, чуть вздохнув, пожалала плечами, и эксперт веско припечатал:

— Ничего не бойся. Никого не слушай. Будь собой. Будь ведьмой.

Мгновение, продолжавшееся маленькую вечность, два человека читали что-то волшебное во взглядах друг друга. Потом Рина улыбнулась:

— Мне наколдовали огненные крылья. Я справлюсь.

Гордей рассмеялся и неловко обнял ведьму:

— Смотри, не пропадай. Я тебе ещё пригожусь.

Кивнув, Рина легко согласилась:

— Когда-нибудь. Может быть.

Грязная машина начала пробираться вдоль пыльной улицы, мимо дощатых заборов и копошащихся куриц. Одна из куриц подняла голову и внимательно посмотрела вслед авто. Петька передёрнул плечами и постарался выкинуть из головы мысль о том, что это был слишком умный для курицы взгляд.

60. Музыка в ночи

*Не верю ни одному твоему слову!
Я два дня плакала! Я чуть в Америку
не уехала!
Да, я взорвала переезд. Ну и что? У меня
было плохое настроение.
И это тоже. Куда я с таким запасом?
Потратила.
Нет бы, спасибо сказал. Я ради тебя
старалась. Помогала.
Какие допросы? Я убогая. Побили
и выкинули вон.
Из тюрьмы выбралась, за суму
схватилась. В Лукогорье пошла.
А на бронепоезде не было написано, что
это ты за мной примчался.
Так расстроился, что женился?
Мне-то что? Мой борщ вкуснее. У меня
все продукты свежие.
Оглянись. Здесь так много мужчин.
Да. Каждую ночь новый лягуш из болота.
Это нет. Это было непорочное зачатие.
И даже больше. Ребёнок чудесным
образом соткался прямо из воздуха и упал
в мои руки.
Ревнивый болван!*

Избавление от криминальных тайн подействовало на старших лукогорцев умиротворяюще, но молодёжи хотелось продолжения праздника, и подготовка к очередным танцам получалась сумбурной. Петька участвовал

в общей суете только в качестве тягловой силы. Вирус велья, поразивший юных лукогорцев, каким-то образом обошёл его, и торопливая болтовня о будущей вечеринке оставляла его совершенно равнодушным.

Сашок таскался за старшими ребятами, признав в Жорке Верхине нового капитана. Толян, наоборот, оброс компанией малышни, которой важно объяснял какие-то физические законы. Рина что-то красила в доме Шершовки и в суматохе не участвовала. Петька томился тягучим предчувствием близкого отъезда.

Долгожданный праздник начался скомкано и бестолково. Разговоры не ладились, танцы не клеились. Но по мере того, как вина и угощений становилось меньше, а людей больше, настроение понемногу поменялось. И вот уже Жорка лихо закрутил Вальку в танце, отдалённо похожем на вальс. Группа мальчишек задёргалась в такт быстрой музыке. Девчонки разделились на скромниц, притоптывающих траву вправо-влево, и озорниц, проверяющих свои тела на гибкость.

Петька выпил вина, уже привычно чувствуя, как к щекам приливает кровь. Вставив несколько толковых замечаний в политическую беседу «мушкетёров», и артистично представив банальный школьный анекдот группе ребятни помладше, Петька решил было заскучать, но тут к нему подскочила Женька:

— Ты что один стоишь? Пойдём, станцуем.

Петька принял вызов и лихо пустился в пляс. Быстрая музыка сменилась медленной, но Женька уверенно перехватила руки Петьки, положила их на свою талию, и уже через пару мгновений Петька оказался захвачен чувством волнения от близости к другому человеку, к девушке, к загадочному женскому космосу. Ему хотелось обнять её всю, и он немного сердился, что у него такие маленькие руки. Что-то мягкое касалось его груди, упруго отталкивалось и вновь прижималось к горячей коже,

и от одной мысли о том, что это происходит с ним наяву, Петьке кружило голову.

Когда музыка кончилась, Петька отошёл к столу, где для него уже был налит новый стакан вина, и он начал чокаться с другими ребятами и девушками. За этим стаканом последовал другой. И Петька говорил какие-то то-сты, над которыми все дружно смеялись. И сознание уплывало на волнах восторга собой и жизнью. И взгляды Женьки — понимающие, прощающие, покоряющие — наполняли его существо энергией полёта, ощущением отрыва от всех ненужных оков.

Пока Петька не воткнулся в холодный взгляд ведьмы.

Рина стояла в стороне от всех, поодаль, облокотившись на старую согнутую березу. На ней было простое ситцевое платье. Чуть присмотревшись, Петька снисходительно усмехнулся. Юбка выше колен вытягивала и без того длинные ноги ведьмы. Шея, торчащая из округлого воротничка, казалась худой и неустойчивой. Выцветшая ткань прятала фигуру за плоскими складками, и Рина в этом нелепом платье казалась блёклым и невзрачным мотыльком.

Рина перехватила взгляд мальчишки и улыбнулась. Понимающе, бесконечно издалека и свысока улыбнулась. Свет костра вплавлял в серебристый взгляд девушки золотых рыбок, но подо льдом пряталась всасывающая глубина бесстрастной тёмно-серой бездны.

Раздался скрип, хрип каких-то переключений магнитофона, и русские просторы огласил надрыв пронзительной заграничной песни.

Отвернувшись, Петька снова потянулся к тёплому телу Женьки. Закружилась голова. И сам Петька закружился, крепко прижимая к себе такую нежную, такую красивую девушку. Женька откликнулась на каждое его движение, следовала за всеми его порывами, время от времени не то вздыхая, не то охая. Этот всхлипываю-

ший звук отзывался в нервных окончаниях тела Петьки невыносимой вибрацией.

И снова вино. И тосты. И смех. И танцы.

Но Петька чувствовал взгляд ведьмы, который следовал за ним по пятам. Он боялся проверить, действительно ли ведьма смотрит на него. И отворачивался от того места, откуда лилось холодное сияние. Это было больно и невыносимо.

После очередного танца он уткнулся губами в ухо Женьки и взмолился:

— Давай уйдём отсюда.

Женька взяла его за руку и повела прочь. Музыка растаяла в тёмной августовской ночи, огонь костра заслонили кусты и деревья, широкая тропинка сузилась, но Женька уверенно шла вперёд, не позволяя Петьке засомневаться или остановиться. Наконец, они оказались на самом краю мира. Впереди мерцала светляками чуть колышущаяся трава, сзади нависала громада леса, а далеко вверху сияла гигантским белым блином луна.

Женька повела плечом, и лямка сарафана соскользнула с её плеча, открыв часть груди и самый край розового кружка в её центре. В мыслях Петьки вдруг метнулось сомнение: что же она делает? Но спокойный взгляд Женьки сиял торжеством. Она наслаждалась своей тёмной властью, своей способностью всецело повелевать этим робким существом, захваченным зовом страсти, но ещё не умеющим этой страстью управлять.

Петька провел рукой по голому плечу. Сарафан сполз, целиком обнажая грудь. Закрыв ладонью нестерпимо торчащий сосок, Петька какое-то время сопротивлялся наползающему мороку, но потом сдался и притянул мягкое тело к себе, лихорадочно исследуя его, хватая, тиская, сминая. Плоть казалась обжигающей, но упругой, чуть дрожащей, и Петька каждой клеточкой вбирал волшебное ощущение этой дрожи.

Деловито расстелив на мягком мху предусмотрительно прихваченный плед, Женька опустилась на лесное ложе, увлекая за собой кавалера. Её губы хранили привкус выпитого вина, и Петька вдруг подумал, что он пьян. Но не от вина. Пьян от собственной взрослости, от вседозволенности, от запаха женского тела. Пьян от полноты жизни и мира, пьян от понимания, что детство кончилось...

После полуночи жара вдруг спала. Бурное лето получило намек от сестрицы-осени: время освободить трон царствующего времени года.

Пробравшись в родной дом, Петька зарылся головой в подушку, потянулся и блаженно заснул.

61. Подарки ведьмы

*Дом протопил. Всех накормил. Ушёл
в деревню. Не вставай.
Я не стал бы патриархом. Я тот, кто я
есть. В любом времени.
Дерлянскую зарезали в пьяной драке.
Анархисты, если рассматривать породу
бешеных собак.
Алевченский попался на крючок рязанской
мещанки. Смешно, но потомки
чернокнижника заговорят по-русски.
Я видел листок с твоим враньём. У тебя
чёткий почерк, который легко подделать.
Но я подвоха не понял, обманулся сгоряча.
Прости.*

Я всегда жду, пока ты пишешь. А твой выбор — убежать с привокзальной площади, не дав ни минутки раненому герою на костылях. Нечестно. Горгон пытался исправить прошлое. Он разлучил нас с Еленой, когда мы были совсем юными. Я ушёл в науку, а она в революцию. В этом времени мы слишком по-разному смотрим на мир. Но это она перетрясла целый город и выяснила, что ты спаслась. Этим и меня спасла — от помешательства. Наш брак прикрыл её роман с Джанли. Увы, она потеряла ребёнка. И мне всё равно, какие сказочные лягуши принесли тебе Лашку. Важно, что она есть, и мы можем любоваться её улыбкой. Не казни меня, ревнивая кикимора. Я тебе пригожусь. Люблю. Север.

Будничная утренняя возня тётки, которую Петька раньше и не замечал, теперь отчего-то казалась невыносимо громкой. Каждое движение Ольги создавало шум, и этот шум возвращал Петьку из сказочных грёз в деревенскую обыденность. Голова болела. Тело казалось ватным и непослушным.

Ольга, бормоча что-то бесполезно-воспитательное, поставила перед помятым племянником стакан рассола и посоветовала облиться холодной водой. Одна мысль о таком издевательстве над собой успокоила часть боли.

Петька кое-как оделся и выбрался из дома проветриться.

Жорка неторопливо брёл вдоль улицы с мечтательной улыбкой на лице, а потом неожиданно обратился к Петьке:

— У тебя что?

Не имея представления о том, что Жорка имеет в виду, Петька неопределённо протянул:

— Ну-у...

— А у меня сын или дочка. Представляешь, сын! Но я тебе вот что скажу: у меня будет всё! У меня будет и сын! И дочка!

— Здорово.

— Я не хочу ничего ждать. Я хочу жить, Петька. Вот понимаешь, на всю катушку жить. Здесь и сейчас.

Кажется, Жорка не успел проспать. Торопливо обойдя мечтателя, Петька быстрым шагом двинулся дальше по улице.

Из узкого проулка, ведущего к домам второй линии, вывернулась Мышка. Увидев Петьку, она широко улыбнулась и выпалила:

— А я уезжаю! На операцию! Если верить, всё получится. Хватит ждать, хватит сомневаться. Я хочу жить. Нормально жить.

Петька пробормотал, что торопится, и помчался к угору, тихо ущипнув себя за руку. Кажется, он и сам не вполне проспался.

Очередную встречную девчонку Петька не сразу признал. Во внешности и затрапезном виде Динки Семухиной ничего не изменилось, но она приблизилась к нему так, словно плыла в окружении миллиона роз.

— Я совсем не спала. Всю ночь думала. Всё правда. Незачем менять мечту на валенки. Пусть я потеряю год. Или два. Это ничего. Это к лучшему. Всё равно я своего добьюсь. Я буду лучшей. И ты ещё будешь гордиться мо-

им именем на афишах. Вот увидишь, я выйду на сцену и в Лондоне, и в Нью-Йорке. И все будут плакать! И все будут смеяться! И все будут жить!

Петька растерялся, не зная, что на это сказать, однако Динка и не ждала ответа, мысленно слушая аплодисменты сразу на всех сценах мира. Примадонна осчастливила своим вниманием простого смертного и ушла — вся в ореоле ещё не завоёванной славы.

На угоре, обнявшись, стояла троица «мушкетёров». Увидев Петьку, троица распалась и начала приплясывать, будто не могла стоять спокойно. Вихрастый Мишка, энергично покрутив руками, весело прокричал куда-то далеко к горизонту:

— С новым годом, Петька!

И долговязый Борис проорал:

— С новым счастьем, друг!

Васька просто залился смехом.

Может, планету снесло с орбиты? Может, случился какой-нибудь вселенский катаклизм?

Вокруг Петьки всё так же лениво расплзлась по холму русская деревня. Всё так же нехотя извивалась вокруг холма речушка. Всё так же мутно просматривался неровный горизонт...

Ноги сами собой принесли Петьку к участку Отапных. И он залез на чердак бани в надежде провести час-другой наедине с собой. Собраться с мыслями.

Не получилось. Вид детского мирка, в котором было так уютно ещё вчера, сегодня Петьку поразил. Зачем друзья хранили эти убогие битые модельки? К чему было тащить наверх и складывать пирамидой короткие деревянные планки? Почему они так заботились о развешанных на стене рисунках?

Неуловимое цветастое волшебство просочилось сквозь старые доски и растворилось, оставив лишь ще-

мящее чувство потери и горьковато-терпкий запах тлена. Ошеломлённый открытием того, что его детские сокровища — всего лишь хлам, Петька начал было срывать рисунки со стен, но потом остановился, не понимая, зачем он пытается прибраться на чердаке чужой бани.

В окошко просунулся Сашок:

— Вот ты где.

Подождав, пока дружок влезет и чуть недоумённо осмотрится, Петька веско сообщил.

— А я вчера с Женькой ушёл.

Сашок только махнул рукой. Он не заметил отсутствия Петьки на поляне. Он был заворожен волшебством ведьмы.

Ночью Рина вышла к костру и станцевала. Проплыла вокруг огня в красивой и захватывающей пляске. В коротком белом платьишке. С венком из берёзовых веток на голове.

Ведьма станцевала с Толяном. С Борькой. С Гошкой. Станцевала со всеми, потому что все собравшиеся по овладевшей всеми причуде встали в хоровод. Взяли друг друга за руки и понеслись кругами вокруг высокого пламени, швыряющего в небо искорки звезд.

Древний танец жизни, танец восхваления сил природы стал мощной силой единения и познания. Хоровод превратился в цельный организм, выплескивая энергию движения мира и выплескивая обратно в космос счастье бытия. И этот синхронный душевный порыв произвел неизгладимое впечатление на тех, кто оказался причастен к ночному волшебству.

А потом Рина раздавала подарки. Точнее, предсказания. Милые, пустяковые, наивные слова. И все смеялись над фантазиями ведьмы, и все дразнили друг друга её придумками, и все твёрдо верили, что всё будет так, как она сказала.

В застоявшийся омут времени ворвался мощный поток, пробивший выходы в другие вероятности. Над привычным болотом жизни вспыхнули светящиеся вектора звёздных путей. И люди потянулись к новому счастью, к тому, о чём мечтали, но во что не верили.

Ведьма создала новые реальности. Для всех. Для всех, кроме Петьки и Женьки. Женьке, наверное, было всё равно, а Петька... Петька сам выбрал то, что выбрал.

Сашок торопливо рассказывал, как красиво танцует ведьма, как замечательно оказаться в дружном хороводе, как весело прыгать через костёр и загадывать желания на падающие звезды. А в висках Петьки мучительно пульсировала боль первого бесполезного отчаяния.

Невозможно изменить то, что уже свершилось. Женьки ещё будут в его жизни. Их полно, этих женек. И времени для развлечений с женьками будет ещё предостаточно. А вот волшебной ночи с танцующей ведьмой не будет в его жизни никогда.

На рассвете Рина ушла из Лукогорья.

62. Друг инфанта

*Мало ли, чего тебе наговорили в деревне.
Машка-попадья болтает, что Полтушка
на метле летает. На Луну. И что?*

Она ушла.

*Нет, не говори. Слова обретут силу.
И станут правдой. Мы решим, что это
единственная правда. Мы выставим
оценки и определим, как к этой правде
относиться. Однажды эта правда
подчинит нас и причинит боль.*

*Бесполезную и разрушающую боль,
которая не сделает мир лучше.*

Она ушла. Конец сказки.

*Да, они все ушли. И пусть идут себе
в веках куда хотят.*

В подполе слева. И мне рюмочку принеси.

Жорка ехал в столицу, и пообещал Ольге, что подбро-сит мальчика до метро.

Некогда Петьку провожали большой толпой домочадцев и соседей. Но теперь все дружно утверждали, что он вырос, и ему не нужны няньки. Семён сжал племяша в объятиях, пробурчал что-то полагающееся напутственное и отправился на картофельное поле. Ольга жалостливо всхлипнула несколько раз, отёрла Петьке щёки, отряхнула его курточку, пожелала счастливого пути и ушла к Егоровне. Друзья не устроили ни посиделок, ни торжественного прохода по деревне. Сашок хлопнул по плечу и сослался на глаголы. Толян сдержанно пожал руку и пообещал позвонить.

И вот, Петька сидел на остановке в скучном одиночестве. А Лукогорье выглядело точно так же, как и год назад. Как и сто лет назад...

В деревню осторожно и неторопливо вполз запылённый «мерседес». Автомобиль развернулся и остановился на обочине рядом с остановкой. Из машины вылез парень в короткой кожаной куртке. Он с наслаждением сделал глубокий вдох, потянулся и улыбнулся, разминаясь после долгой поездки.

С пассажирской стороны из машины выскочил Дик и бросился бегом к дому Шершовки. Через минуту он выскочил и помчался вдоль по улице, время от времени заскакивая в дома и выбегая из них всё более расстроеным и нервным.

Приятель Дика терпеливо ждал его у машины, внимательно разглядывая и деревню, и людей. На несколько секунд его взгляд задержался на Петьке, и Петька почувствовал себя неуютно. Потом всё внимание приезжего сконцентрировалось на старухах, по-прежнему восседающих на лавочке. Он обошёл машину и явно пытался прислушаться к беседе. Петьке показалось, что он даже собирается подойти к старухам, но в этот момент вернулся запыхавшийся Дик:

— Серго! Ты не поверишь, но её нет. Она ушла.

— Отчего же не поверю? Я был уверен, что именно так и будет.

— Она была здесь!

Серго скорчил кислое выражение лица, а затем ехидно улыбнулся, вызвав вспышку злости у Дика. Взмахнув рукой, Дик сердито воскликнул:

— Я докажу тебе! Я видел её! Я говорил с ней!

Серго равнодушно бросил куда-то в воздух:

— Ау! Кто-нибудь! Мой друг бредит!

— Точно ведьма! Говорю тебе, настоящая!

— Ага. Настоящая. Ведьмее не бывает. — Ухмыльнув-

шись, Серго с театральным беспокойством спросил. — Может, ты не вполне разобрался в волшебстве современной косметики?

— О чём это ты?

— Вон тот почтенный орден старых женщин, пристально наблюдающий за нашим прибытием, запросто слопаёт хоть нас с тобой, хоть папашку твоего вместе с охраной, хоть Коатля со всеми его приспешниками. Натуральные ведьмы. Причём они о кодексах чести ничего не знают, поэтому в ответ на попытку внушения огреют тебя по башке клюкой. И будут абсолютно правы... Твоя красotka — не одна из них?

— Тьфу! У Гордея спроси!

— Он сказал, что видел здесь с десятков примерно одинаковых пигалиц, и по которой из них ты внезапно исчез, он не разобрался.

— Да он издевается!

Пожав плечами, Серго ловко подкинул кончиком ботинка небольшой камень с дороги и откинул его в придорожную канаву. Это мальчишеское движение словно сделало его ещё значимее и старше, и в его ответе Дику прозвучало что-то вроде снисходительной патетики:

— Даже если она была здесь, мы уже не встретились. Это место и это время не были важными для нас. Если ведьма существует, мы встретимся в другом месте и другом времени. Там, где назначено. В другой ключевой точке.

— Ты же не веришь в предопределённость?

— Не верю. Но это не означает, что я не верю в счастливую случайность.

— Вечно ты всё запутываешь.

Чёрные глаза Серго блеснули вызовом:

— Попробуй как-нибудь сам. Это весело.

Дик надменно и упрямо продолжил:

— Я найду её!

— Твой папаша несомненно обрадуется тому, что ты настолько увлёкся деревенской простушкой с румяными щёчками.

— Не приплетай сюда папашу.

— Почему нет? Он рассказал тебе, почему его так взволновала история Александры?

— Потому что он чокнут на всей этой магии. К тому же он ухитрился заманить сюда Тиира, с которым немедленно разругался в пух и прах. Это приятно развлекло их обоих. И, надо полагать, здорово досадило Халлу Бирмингему. Как же, добрые друзья на встречу не позвали. Наверняка извёлся, что они за его спиной о чём-нибудь да сговорились.

Серго иронично и вместе с тем брезгливо бросил:

— Вроде и не старые ещё, а маразм так и прёт со всех извилин.

Дик нахмурился, но Серго неторопливо продолжил:

— Дело, однако, не только в маразме. Слушай. Случилась в наших аристократических верхах одна некрасивая история. Александр Бурянов влюбился в Анну Труверскую. И она ответила ему взаимностью. Да ещё как ответила. Экзальтированная девица устраивала ночные скачки, залезала в чужую спальню по плющу, а однажды даже переделалась в мужскую одежду, чтобы отдаться любимому в каком-то порочном месте для прожигателей жизни. Увы, заграничный бастард никак не мог жениться на фрейлине императрицы. И когда скандал дошёл до их величеств, император отправил Александра в смертельную миссию, из которой тот предсказуемо не вернулся, а Анне на последних месяцах беременности ничего не оставалось, как выйти замуж за спешно сосватанного ей князя Лукогорского...

Дик резко выпрямился и стал похож на гончую собаку в стойке:

— Подожди. Это тот самый Бурянов?

— Потомок чернокнижника Ричарда.

— Вот чёрт...

— Дочь Александры выжила, у неё родились дети, а у них свои дети, и это значит, что у тебя есть братья и сёстры. Причём в них самым причудливым, самым невероятным образом соединилась кровь нескольких особенных генетических линий. Уверен, твоему отцу приятно думать, что в смысле продолжения древнего рода ты не последняя его надежда. Ты не единственный инфант.

— Ерунда. Я единственный потомок чернокнижника по прямой мужской линии.

— Значит, и единственный наследник проклятия, которым одарила своего сына умирающая колдунья.

— Всё забыто.

— Ты знаешь, что нет. Надо найти какую-нибудь из твоих сестрёнок и обеспечить ей инфанта следующего поколения. Забавный выйдет пасьянс.

Брови Дика резко сошлись к переносице:

— Только посмей.

Серго широко улыбнулся и поддразнил:

— Посмею. И что ты сделаешь?

— Заставлю тебя пожалеть.

Усмехнувшись, Серго отверг такую возможность в принципе:

— Это вряд ли.

Закрыв дверь машины, и небрежно засунув ключи в карман куртки, Серго повернулся и бросил Дикю:

— Я, как всегда, шучу, ты, как всегда, серьёзен. Пойдём, проветрим интеллекты. Прогуляемся по лугу, пройдемся лесной опушкой. Поклонимся Матушке Берёзушке, украсим ветку ленточкой и почтим память великой ведьмы, последней из тех, кто знал толк в настоящей магии.

— Променять дар на годы возни с детьми? Это магия?
— Да. Мощнейшая. Сколько ты знаешь известных лукогорцев?

— Ни одного.

— Десятка три фамилий в науке, технике, искусстве. Это только те, кто на слуху. Процент талантливых и успешных людей здесь выше, чем где-либо в стране. И в мире есть ещё десятков деревень со схожим эффектом невероятной одарённости детей. Наши ведьмы не единственные, кто знал секрет этой магии.

— И в чём же секрет?

— Вера в собственные силы. Настя и Глаша Кузнецовы вселяли в детей такую уверенность, что детки таранили все препятствия на своём пути. Я пытался с местными талантами пообщаться — им всем наплевать на условности и правила. Они избранные, ведомые великими целями, и ничто не помешает им осчастливить человечество своими гениальными идеями.

— Ты поживи здесь с неделку. Здесь такой ленивый воздух, что простое вставание с кровати — уже подвиг. В обычной городской среде любой лукогорец превращается в сгусток энергии.

— Может, и так. Но меня занимает другое колдовство лукогорской затейницы. Задумайся вот о чём. Кому Бурянов мог оставить наследство чернокнижника? Анне. Кто мог помочь Анне продать наследство, что называется, не выходя за рамки семейного круга? Константин. А кто мог знать о переговорах Анны, Николая и Константина? Кто в Советской России мог проверить, на месте ли старые бумаги? Кто мог сохранить матрикул, понимая его значимость? И его опасность?

— Матрикул Ричарда утрачен.

— Нам так говорят. Но чуть поодаль от Лукогорья, в скромном теремке, спрятанном от чужих глаз, несколько десятилетий хранился некий секретный архив. Архив,

приехавший из ниоткуда и бесследно исчезнувший в никуда. Архив, о котором осталась лишь болтовня местных старожилов да несколько упоминаний в переписке Севера и Вулкана.

Дик вытаращил глаза и замер. Серго негромко, но экспрессивно спросил:

— Так что берегла последняя русская ведьма в своём старом доме? От кого охраняла загадочное сокровище? Кому передала свою тайную миссию? — Сделав длинную паузу, Серго добавил. — Где эти ящики с вензелями сейчас? Какое значение они имеют для нашего настоящего и будущего?

Дик тряхнул головой и резко пообещал:

— Я спрошу отца.

Серго грустно улыбнулся:

— Я уже спросил. Он не знает. Как не знает и младший Север. И ещё с десятков человек, считающих себя всезнайками. Они все мне соврали, что это секретный архив, до которого я пока не дорос, и что он в надёжном месте, под их личным присмотром. Я едва не рассмеялся в лицо Олеуму, когда и он затынул ту же песню. Полезный урок. Не всегда есть ответы на вроде бы простые вопросы.

Дик долго молчал, а потом ядовито заметил:

— Но всё-таки здесь была другая ведьма! В этом времени! Живая! Настоящая!

— Хотел бы я, чтобы это было так. Покажешь мне место, где столь сладко задремал? Может, и мне наяда красивая приснится? А то всё амазонки с чёрными крыльями мерещатся. Жуть.

Дик рассмеялся, и приятели неторопливо направились в сторону угора.

А через пару минут и Петька покати́л прочь от остановки, провожая взглядом домики, столбы, репейники, антенны, лавочки, ковёр на заборе и всё прочее, что на-

плывало и застывало в памяти мимолётной картинкой о прошедшем лете. Лёгкая грусть постепенно разрасталась, но едва машина свернула на шоссе, Петька испытал приятное чувство освобождения от невидимых деревенских пут.

Скорее вперёд, скорее влиться в гигантский город, перемалывающий людей, скорее вдохнуть тяжёлый, гадкий смог, скорее вернуться в жизнь по звонкам и расписаниям, скорее оказаться там, где нет никаких загадок, никаких привидений и никаких ведьм.

63. Ёлки-иголки

*Моих предков нет в матрикуле Ричарда.
Как нет и твоих. Когда-нибудь мы изучим
все эти списки, но сейчас на прошлое нет
времени.*

*Ты поедешь к Франке. Я заскочу
к Вулкану. Если и грянут бури, мы
выстоим все вместе. Поля будут
возделываться, а дети — рождаться.*

Я люблю тебя.

*Да, я написала это. Вот прямо буквами
по бумаге. Не понимаю, почему для тебя
так важно письменное признание?*

Школа встретила повзрослевшего Петьку пыльными окнами, нудной бубниловкой, ощущением бесполезной траты времени на зубрёжку абсолютно ненужных вещей и неожиданным открытием: одноклассницы перестали быть сказочными ангелами и превратились в толпу одинаковых девиц. Петьке не хотелось погружаться в их за-

урядные разговоры и становится героем бесконечных сплетен. Он игнорировал школьный социум, торопясь вернуться домой, к уютному миру, в котором не было раздражающего девчоночьего щебетания и многозначительных взглядов.

В конце сентября Петька увидел Рину на улице. Лёгкая походка и чуть развевающиеся на ветерке светлые волосы незнакомой девушки обманули его, и он помчался к ней напрямик, рискуя угодить под машины и трамваи. Девушка оказалась симпатичной и приветливой, и даже предложила сходить куда-нибудь вместе, но Петька лишь разозлился из-за того, что обознался.

Ещё примерно через месяц Петька увидел Рину из квартиры одноклассника и поставил рекорд по скоростному забегу по лестнице с шестого этажа. Но незнакомка оказалась даже отдалённо не похожей на ведьму.

Третье видение Петька твёрдо решил игнорировать, но в последний момент не выдержал и выскочил из уже закрывающегося вагона метро. Видение средних лет близоруко уставилось на юношу сквозь очки, и Петька, не сдержав эмоций, выбежал из метро. Бьющийся в черепной коробке ритм: «Рина, Рина, Рина» побуждал его двигаться, не останавливаясь, не задерживаясь, не обращая внимания на спускающийся полог холодной ночи. Петька бежал, пока хватило сил. Он понадеялся, что заболит, что свалится с тяжёлым гриппом, что в бреду забудет пульсацию причиняющего боль имени. Но вирусы спасовали перед молодым сильным организмом, и из всех недомоганий Петьку посетила лишь зубная боль, от которой его избавили за полчаса.

Как назло, тётка всё откладывала свой приезд в город. Промозглая осень сменилась первым белым пушком. Пушок растаял, выпала ледяная крупа. Крупа испарилась, и улицы припудрились мелкими снежинками. А тётка всё не приезжала и не приезжала.

Петька несколько раз набирался храбрости, чтобы позвонить, но потом понимал, что вопросами о ведьме выдаст свою душевную болезнь, своё равнодушие к самому слову «ведьма». Слово это теперь автоматически выделялось в любых текстах и рекламах, и Петька два-три раза перечитывал его, смакуя каждый звук, выделяя контрастное звучание мягкого «ведь» и основательно приземляясь на широкое «ма».

Витрины украсились мишурой, шарами и плакатами с древним идолом, удачно маскирующимся под официального святого. Тётка приболела и вновь отложила свой визит.

Петька перестал видеть Рину в случайных прохожих, но время от времени его тревожили сны, которые он никак не мог толком вспомнить, лишь просыпался в состоянии опустошения и отчаяния, зная, что эти сны как-то связаны с Риной. Что в них происходило, видел ли он ведьму в этих снах, Петька не знал, не мог узнать, и это невероятно его бесило.

Иногда ему казалось, что если он увидит Рину по-настоящему, он её убьёт. Задушит. Или утопит. Только так он сможет избавиться от этой дикой ярости, ненависти, злости. И только так сможет излечиться от этой тягостной тоски. Потом он вдруг представлял, что сжимает хрупкую Рину в своих объятиях, и тут же прощал ей всё, и хотел ползти за ней на коленях, куда угодно, как угодно, лишь бы увидеть один серебристый взгляд.

Отзвучал бой курантов, кончились конфеты, разъехались гости. Тётка осталась встречать новый год дома.

Маленькая живая ёлка, которую мать Петьки поставила на кухне, начала терять иголки, они разносились по всему дому и больно впивались в ноги сквозь носки. Петька не обращал на это внимания. В его воображении ёлка превратилась в часы, и каждая упавшая иголка отсчитывала моменты до завершения праздника и начала

следующего периода времени. Быть может, там, в дне розовых сердечек, на неделе военных маршей или в эпохе поздравления всех женщин придут к нему долгожданные новости?

Тётка явилась вечером накануне Рождества.

— Ох, Сима, прямо и не верится, что добралась. И что за дорога!

— Раздевайся, проходи, у меня уже и горячее застоялось.

— Распаковывай сумку, знаю, ты не одобряешь, но я всё же не удержалась и пару банок прихватила. Всё своё, всё самое вкусненькое.

— Оля, какое вкусненькое, я же на диете!

— Вот-вот, это то самое, что надо для диеты.

Сёстры перебивали друга, захлёбывались словами, торопились выложить все новости и обсудить все события. Петьке этот поток слов представлялся бесконечной лавиной хлынувших со всех сторон ёлочных иголок. За несколько месяцев мнимой тишины гидры нисколько не ослабели, не потеряли сил, они лишь обросли иголками и теперь торопились скинуть свою колючую чешую, терзая Петькино сознание.

Отдельные иголки он выхватывал и «втыкал» куда-то внутрь своей головы, собирая своего рода веточки понятной информации. Но чем дольше Петька ждал, чем больше становилось иголок и веточек, тем сильнее болели невидимые крохотные проколы, которые они оставляли, тем невыносимее была пытка неизвестности.

А Ольга и Серафима беспечно болтали, ни словом не вспоминая ведьму, и не замечая полуобморочного состояния сына и племянника.

Доски, курицы, дороги, у реки сарай построили, за лесом баня сгорела, Палыч напился и простудился. Гергины тля съела, помидоры гниль извела, зато капуста урожай, три бочки заквасили. Грибов мало, птиц много,

приехал новый батюшка, на пустоши дыру закопали. Черника полезна, яйца подорожали...

Уехал Гришка Маслов. Почти месяц сидел безвылазно в мастерской, и старушки болтали, что он крепко запил. Но однажды дверь мастерской распахнулась настежь, абсолютно трезвый, непривычно опрятный и гладко выбритый Гришка выкатил из сарая свой старый мотоцикл, сел на него и умчался в неизвестном направлении. Грустная Ксанка навесила на опустевшую мастерскую мощный замок и заявила, что муж уехал искать новую жизнь...

Петька понадеялся, что рядом с именем Гришки проскочит и что-нибудь о Рине. Увы, сёстры переключились на следующую сплетню.

Промозглая осень стала роковой для Кашея. В середине октября старикашка внезапно снялся с места вместе со всей своей челядью. Кавалькада машин профырчала моторами по главной улице, оставив за собой слух, что старик решил на время холодов перебраться в столичные апартаменты. А в начале зимы пришел другой слух — о том, что старика и в тёплых апартаментах достал сердечный приступ.

Точных обстоятельств кончины Кашея тётка не знала, но про то, что Наташка выставила дом с башенкой на продажу, рассказывала прямо-таки с остервенением. Мало было старому ироду их кровушки попить, так теперь новые аспиды проклятое местечко облюбуют — исключительно ради того, чтобы извести нервы лукогорцев...

В рассказе про Кашея мать и тётка снова ухитрились не вспомнить о Рине, и это едва не довело Петьку до слёз.

Венька поддался на уговоры столичного профессора и согласился определить Поруню в какой-то исследовательский центр. Поруне в центре очень понравилось, по-

сколько ему разрешили гладить и кормить всех котов. Среди котов он и проводит всё своё время, мимоходом вычисляя примеры, что подкидывает ему профессор. Венька каждые выходные мотается навещать племяша, а возможно, и не только его. Тонька проговорилась, что Венька разорился на платок в подарок одной из лаборанток...

Господи, да сколько же на свете идиотов! А лаборанток! Петьке пришлось маскировать своё возмущение натужным кашлем, как если бы он подавился.

Хорошую новость Ольга приберегла под занавес своего обзора.

Жорка пришёл в дом Вальки, закидал её вещи в мешок, взял Вальку за руку и увёл к себе. А потом и свадьбу сыграли. Скромную. Зато на просторе. Так красиво было, когда молодые на угоре стояли. И все гости пели. И все танцевали. И плакали. От счастья.

Комок в горле Петьки перекрыл дыхательные пути. Но вовсе не от счастья. Рядом со счастливой свадьбой не промелькнула тень ведьмы. Будто и не было в Лукогорье девчонки с серебристыми глазами.

Подперев голову рукой, Ольга заговорила о сыновьях и семье:

— Алёшка и Васёк приезжали по осени. Наконец-то мы родные могилки в порядок привели. И камни поправили, и оградку новую сделали, и лавочку соорудили. Красиво вышло.

Серафима с неожиданной душевностью выдохнула:

— Вот хорошо.

— Посидели, конечно, помянули всех. Алёшка всё вспоминал, как старая Глаша ему про войну рассказывала. Как они с Копушей таскались за зерном в Подолье. Как детей потерянных собирали. Как всех спасли, выжили, вырастили. Я уж и забыла рассказы те, а вот заговорил Алёшка, так в груди прямо что-то сжало.

Ольга устремила свой взгляд куда-то далеко и тихо добавила:

— День такой ясный был, синий, осенний. Колокола где-то далеко звенят, листья кружатся, будто танцуют. И вроде кладбище вокруг унылое, а так светло, спокойно на душе.

— Там место святое. Всегда светлое.

— Я потом всё думала — знаешь о чём, Сим? Ведь вот Копуша — чудаковатая, нелепая старуха, мы и сказать стеснялись, что эта карга с клюкой — прабабка наша родненькая. И ведь сто лет прожила, а, может, и больше. А бабка Глаша? Несгибаемая ведь бабка была...

— И умерла, будто заранее время смерти знала...

— Странные были старухи, чокнутые, наше время не приняли, не поняли. Но вот случись сейчас — как тогда? Мы с тобой сможем войну пережить? Детей спасти? Своих, чужих, больных, здоровых? Любых? А наши дети смогут? Вот так собрать на дороге сирот-оборвышей и всех в жизни устроить? Ещё и своих родить, и всех поднять?

— Типун тебе на язык, Оля! Какая война?! Ты очумела?! Не будет у нас никакой войны! Ещё сто, ещё тысячу, ещё миллион лет. Никогда не будет!

— Дай-то Бог, Сима, дай-то Бог.

В возникшую паузу Петька наконец-то решился воткнуть свой вопрос:

— А Рина?

— Кто?

— Сиделка.

— А-а, девчонка та смешная. Она ушла.

— Ккуда?

— Куда глаза глядят.

— И всё?

Задумавшаяся о чём-то далёком и высоком Ольга переспросила:

— А что ещё?

Действительно, а что? Мечта растаяла во времени, оставив лишь воспоминание о сладком и терпком лете. Последнем лете детства.

Вот и всё.

Волшебный сон

*Опустел сказочный терем. Не вьётся
дымок над плитой в кухне, не стучит
железо в застуженной мастерской,
не шуршат берёзовые ветки по камням
у крылечка. Двери заперты. Окна
заколочены. Пора покинуть родной край,
полный сказок и надежд.*

*Дорога будет трудной. И надо бы
написать что-то возвышенное. Будущее
улыбается мне. Лепечет что-то
счастливое.*

Посмотри, я не забыла тёплый чепчик?

Петька вынырнул из колодца времени и с недоумением оглядел помещение бара. Как и почему он сюда попал? Возвращение из алкогольного забвения оказалось мучительным, но в то же время спасительным, дающим ощущение реальности мира.

В баре громыхла музыка. По потолку и стенам носились цветные огоньки, нисколько не разгоняющие окружающую тьму. В мутном свете всего нескольких ламп посетители казались призраками.

У стойки зазывно скалилась манерная девица, не теряющая надежды на поимку хоть какой-нибудь добычи. Бармен подливал в её стакан зелёной газировки, девица отпивала её маленькими глотками, а потом жмурилась в притворном восхищении.

Неподалеку от девицы восседал великан в мятой ветровке. Рядом с ним болтался абсолютно лысый мужчина,

на котором только что не было приклеено этикетки «бандит». Мужчины перебрасывались редкими короткими фразами, но было непонятно, ведут ли они осмысленный разговор, или просто время от времени изрекают что-то своё.

За столиком в углу сидела одинокая женщина средних лет, задумчиво разглядывающая свои руки в отвратительных сетчатых перчатках с отсутствующими кончиками пальцев. На соседнем стуле развязно полулежал некрасивый парень с нависающей на глаза сальной чёлкой. Парень пялился в лист с каким-то списком не то имён, не то названий.

Дураки... Какие могут быть дела, кому нужны все эти мелочные заботы... Ведь такое сладкое лето, такая теплая ночь...

Сашок что-то голосил, отбивая плавающий ритм пальцами. Не было сомнений, что он уже не просто пьян, а пребывает в счастливой нирване иллюзий.

«Ка-ра-ул», — почему-то по слогам подумал Петька. Махнув рукой, он подозвал к себе официанта и небрежно швырнул на столик крупную купюру:

— Вводки. Нна всё. Всем.

Перед ним материализовался стакан с прозрачной жидкостью. Петька приподнял стакан, чокаясь с невидимым посланцем inferнального мира, а затем быстро и уверенно сторговался с этой алкогольной сущностью на продажу души.

И ему приснился волшебный сон.

На бархате ночного неба вспыхивали алмазы звезд.

Время тянулось, скручивалось и растягивалось в бесконечность.

На берегу лесного озера танцевала прекрасная девушка в берёзовом венке.

2015—2018.

Оглавление

Летний вечер	3
Часть 1	9
1. Дорога в Лукогорье	9
2. Друзья капитана	14
3. Братишка	16
4. Как усадьба стала пустошью	19
5. Ведьма в мастерской	26
6. Жизнь в сундуке	31
7. Исчезновение	36
8. Чёрный овраг	39
9. Сплетницы	49
10. Ведьма в церкви	53
11. Шутки-прибаутки	60
12. Белое озеро	64
Часть 2	68
13. Нашествие	68
14. Заезжий кавалер	72
15. Особые обстоятельства	76
16. Ловцы тумана	79
17. Нервный скрипач	86
18. Терем	90
19. Лучший друг	99
20. Из лыка в рогожку	103
21. Ослепительный свет	110
22. Тайны болота	117
23. Двуличный идеал	122
Часть 3	127
24. Старый колодец	127

25. Ожидание	130
26. Вы его знаете	133
27. Защитница	137
28. Дети с дороги	147
29. Многодетная мать	151
30. Красота и яд	154
31. Соображения на троих	158
32. В поле по грибы	162
33. Любитель конфет	170
34. Ведьма под дождём	177
Часть 4	181
35. Благородный рыцарь	181
36. Обормоты и красавицы	187
37. Архивные изыскания	193
38. Два по три, три по одному	199
39. Сказка для непоседы	206
40. Сквозь закрытые двери	211
41. Две хозяйки	217
42. Деревенские детективы	225
43. Красный камень	230
44. Ведьма в крапиве	239
Часть 5	244
45. Место преступления	244
46. Язва против злыдни	250
47. Дочь прачки	255
48. Песни о капитанах	259
49. Не дано знать	264
50. Лиходей	269
51. Грозовой ветер	277
52. Белые пятна	285
53. Земля и люди	293
54. Город под горой	297

Часть 6	308
55. Шабаш молодых	308
56. Ведьма в луже	314
57. Прятки-догонялки	318
58. Престольный праздник	323
59. Представь себе	328
60. Музыка в ночи	338
61. Подарки ведьмы	342
62. Друг инфанта	348
63. Ёлки-иголки	355
Волшебный сон	365

Татьяна Латукова

Привидение на просеке
Ведьма 0.5

Иллюстратор Леонард Крылов